

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

6

1967

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

Расказы
кыргыз поэты

Приключения
и фантастика

Даём адреса
романтикам

Занимательное
краеведение

Мечты
современников

Следопытские
дела

О подвигах,
о доблести, о славе

Геннадий Сухорученко

КРАСНЫЙ

МЯЧ

Городок гудел, как муравейник.
К тачкам чемоданы прикрутив,
Люди торопились поскорее
И подальше на восток уйти.
Семьи комсостава гарнизона,
У товарной запрудив перрон,
Ждали «специальных» эшелонов,
Ну, один хотя бы эшелон.
На узлах я прикорнул устало,
Прижимая красный, как в огне,
Мячик свой. И со всего квартала
Мальчики завидовали мне.
Вдруг сирена взвизгнула
с надрывом,
Ухнули зенитки вдалеке,
И на небе —
белые нарывы,
И на город —
«мессеры» в пике.
Люди побежали, побежали,
Спотыкаясь, падая, крича,
«Мессеры» над ними потешались,
Пули рассыпая по плечам.
И влекла меня толпа куда-то,
Красный мячик выскользнул из рук. 1

И упал на клумбе я измятой,
А поднялся — никого вокруг.
Посредине площади вокзальной
Между тел холодных, как земля,
Мокрыми огромными глазами
У фонтана мяч увидел я.

— Мячик мой! Целехонький!
Любимый!..

К мячику — и кепка набекрень.
Но, как крест, упала мне на спину
Ледяная вражеская тень.
Очередь прошла синий воздух
Осами свинцовыми у щек.
Мяч схватил я.

Только поздно... Поздно...
Впились пули в ярко-красный бок.
И, мелькнув над шапками черешен,
Скрылся «мессершмитт» за черный
дым.

И держал в руках я посиневших
Детство,

перечеркнутое им.

ПЕЧЕРЬ ЗАЛОМОВ в Печерми

Шестьдесят пять лет назад, 1 мая 1902 года, по улицам Сормова шла колонна рабочих. Это была одна из первых открытых мавок в России. И во главе колонны рабочий нес красное знамя, на котором было написано: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»

Так вот, с гордо поднятым красным знаменем, и вошел навсегда в историю человечества сормовский рабочий Петр Андреевич Заломов. И вошел он не только в историю революции на земле, но и в мировую литературу, потому что стал героем бессмертного романа Горького «Мать».

Именно после знаменитой Сормовской демонстрации, о которой немало писала ленинская «Искра», у Горького возник замысел книги. В 1933 году, в письме к литературоведу В. А. Десницкому, Горький вспоминал:

«Мысль написать книгу о рабочих явилась у меня еще в Нижнем, после Сормовской демонстрации. В то же время начал собирать материал и делать разные заметки».

А через пять лет книга эта уже печаталась в России и сыграла, как предсказывал В. И. Ленин, очень большую роль в русском революционном движении.

О Петре Заломове, который стал прообразом горьковского Павла Власова, написано много. И все же есть еще в его жизни страницы почти неизвестные. И среди них — жизнь Петра Заломова на Урале, в Перми.

1.

«ДА, ОТЕЦ ЖИЛ В ПЕРМИ...»

Со школьной скамьи мы знаем Петра Заломова как «сормовского слесаря». А вот о том, что Петр Заломов был еще и «пермским слесарем», прочесть почти нигде. Об этом вскользь говорят лишь два-три воспоминания пермских старых большевиков. Да еще в 1936 году в пермской окружной газете «Звезда» была напечатана заметка: «Герой романа А. М. Горького — рабочий Пермских железнодорожных мастерских».

Однако ни эта давно забытая заметка, ни отрывочные сведения в воспоминаниях не дают представления о жизни Заломова в Перми.

Упоминания о пермском периоде его жизни я искал давно. И неизвестно, чем окончились бы эти поиски, если бы весной 1966 года мне не удалось встретиться в Москве со старшей дочерью революционера Галиной Петровной Заломовой.

В просторных солнечных комнатах дома, стоящего на берегу Москвы-реки, недалеко от Бородинского моста, где жил последние годы Заломов, все напоминало о его большой судьбе — и желавшие фотографии, и хрупкие от времени листки его писем, и его портрет на стене.

— Да, отец жил в Перми и не раз говорил об этом. — Галина Петровна задумалась. — А вот письменные воспоминания... Давайте посмотрим! Забыла я уже...

Петр Андреевич умер в 1955 году. Сведений о судьбе его архива найти мне не удалось. А автобиографические записки Петра Андреевича печатались трижды. И дважды — при его жизни: в

1937 году в Курске и в 1947 году в Горьком. И никаких упоминаний о Перми в этих записках не было. Последний, наиболее полный сборник воспоминаний и документов, изданный в Москве в 1956 году под названием «Семья Заломовых», также ничего в этом отношении не добавил. И поэтому я не очень верил, что вот теперь вдруг могут отыскаться записки Заломова о жизни в Перми. Да и существовали ли они вообще, эти записки?

Вместе с Галиной Петровной, ныне пенсионеркой, и ее младшей дочерью Татьяной, недавно окончившей Московский экономический институт, осторожно переворачиваю исписанные неровным почерком страницы заломовских тетрадей. Не мелькнут ли где слова: «Урал», «Перьмь»... Нет, пока ничего не видно.

Но теперь уже хочется прочесть и то, о существовании чего раньше даже не догадывался, — стихи Петра Заломова. Строгие, размеренные стихи, посвященные революции.

Они написаны в двадцатые годы, эти стихи. И среди них немало строк, посвященных героям Парижской Коммуны.

А за стихами — ура! наконец-то! — рукопись с коротким заглавием: «В Перми».

Это глава из автобиографических записок Заломова. Почему-то ни в одну из заломовских публикаций эту главу не включали. И до сих пор она остается неопубликованной. Но значительная часть ее, наиболее интересная, приводится ниже в выдержках.

2.

ВСТРЕЧА НА МОЧАЛЬНОМ ОСТРОВЕ

В один из весенних вечеров 1898 года в окно деревянного домика на задымленной заводской окраине Нижнего Новгорода осторожно постучали.

— Петр, пермяк приехал...

Выглянувший из окна молодой черноробордый парень тихо сказал:

— Передай, что свидимся завтра. На Мочальном острове...

Замерли в переулке шаги посыльного, а окно не закрывалось. Было о чем подумать Петру Заломову. Жизнь в родном городе становилась невыносимой. Полиция следила за каждым его шагом.

В записках революционера объясняются причины его отъезда из Нижнего Новгорода, рассказывается о встрече на острове. С описания этих событий и начинается пермская глава:

«Купец Вагин недавно записывал мою фамилию: меня никуда не хотели брать на работу. Для меня было ясно, что жандармерия поставлена в известность об организованной мною стачке, и запретила принимать на работу».

Здесь следует заметить, что Заломов, уволенный зимой 1898 года за революционную деятельность с механического завода Курбатова, в течение трех месяцев работал на ремонте буксирного парохода, принадлежащего нижегородскому купцу Вагину. Вскоре за организацию новой стачки, в которой участвовали сорок рабочих, он был уволен и купцом.

«Тщетно пытался я куда-нибудь поступить. Я видел, как брали на работу других, но мне неизменно отвечали, что работы нет. Однако меня еще не покидала надежда найти работу, и я обращался к различным административным лицам одного и того же завода. Но ничто не помогло, и я окончательно убедился, что отказы мне не являются случайностью, что работы в Нижнем Новгороде мне не найти. Я решил... уехать куда-нибудь подальше, где меня не знают».

Это смутное вначале решение Петра Заломова «уехать куда-нибудь» приобретает вскоре вполне определенный характер. Становится ясно, куда ехать. И вот почему:

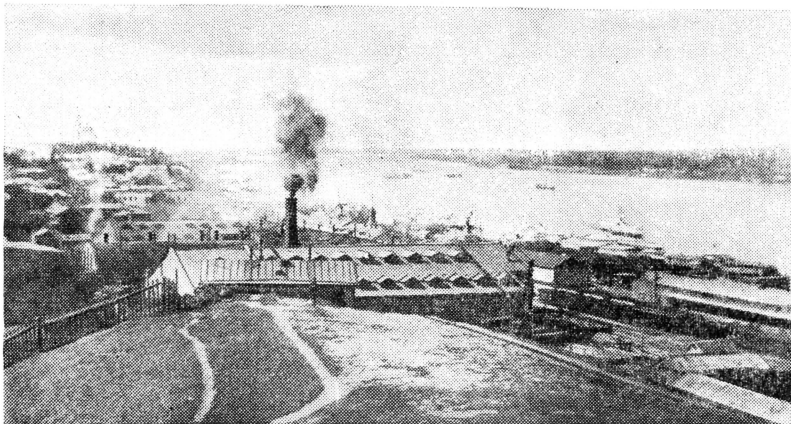
«...Приехал из города Перми Иван Павлович Ладыжников, который стал мне дороже родного брата. Как и за мной, за ним следили. Нужна была сугубая конспирация, чтобы наше знакомство не могло быть установлено сыщиками и жандармами».

Наша первая длительная беседа произошла на Мочальном острове. Ехали мы туда через Волгу на пароме как незнакомые. За Волгой я пошел вперед, а Иван Павлович следовал за мной на значительном расстоянии.

Мы углубились в трудно проходимые заросли тальника, соединились вместе и выбрались на Мочальный остров, где крестьянские семьи ткали роковые кули.

Обо мне Иван Павлович имел уже обстоятельные сведения, а о нем я узнал по его рассказам. Он был по профессии фельдшер и служил в Пермских казенных железнодорожных мастерских, где работало восемьсот рабочих. Этим рабочим он лечил, а лучших из них вовлекал в революционные кружки и учил идеям марксизма.

Отъезд Ивана Павловича из Перми был вынужденным, так как ему грозил скорый арест. Как опытный, старый революционный марксист, он объяснил мне, что у жандармских управлений нет полной согласованности, а поэтому, переезжая из одного места в другое, можно сравнительно долго

Пермские железнодорожные мастерские.

вести революционную работу и не быть арестованным».

Иван Павлович советовал мне уехать в Пермь и дал явку к одному из пермских марксистов».

Иван Павлович Ладыжников (1874—1945), который встретился с Заломовым, играл в то время видную роль в революционном движении на Урале. Он был членом и одним из организаторов Пермской группы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», возникшей в Пермских железнодорожных мастерских (ныне паровозоремонтный завод имени А. А. Шпагина). Впоследствии Ладыжников стал другом Горького и его личным секретарем. В 1905 году, по заданию ЦК РСДРП и при активном содействии Горького, он организовал в Женеве партийное издательство «Демос».

Не приходится удивляться тому, что у Ладыжникова были «обстоятельные сведения» о Заломове. Революционеры Нижнего Новгорода и Перми имели постоянные нелегальные связи. Этому способствовало интенсивное пароходное сообщение между двумя городами. В Перми было много нижегородцев, а в Нижнем — пермяков. Вспомним, что и отец Горького — Максим Пешков — родился на Каме и долго жил в Перми. Не раз побывал здесь в юности и сам Горький.

Существовали связи с Пермью и у семьи Петра Заломова.

«У меня, — сообщает он в своих записках, — был зять, работавший помощником машиниста на

пароходе, ходившем по Волге и Каме в Пермь. Там у него жил товарищ детства, служивший в правлении казенных железнодорожных мастерских. Зять говорил мне, что по рекомендации служащего меня, безусловно, примут на работу, и я поехал с ним в город Пермь».

Заломов, которому в то время исполнился двадцать один год, ехал в Пермь нелегально. Об обстоятельствах этой поездки рассказала мне живущая в Горьком учительница Наталья Павловна Денисова. Упомянутый в записках «зять» — ее отец, Павел Михайлович Денисов (1865—1948), всю жизнь проработавший на волжских пароходах. Он был женат на сестре Петра Заломова Ольге Андреевне.

Павел Денисов разделил с революционером место в своей тесной служебной каюте и таким образом помог ему скрыться из Нижнего Новгорода незаметно для полиции.

3.

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Деревянная Пермь, самый крупный в то время купеческий город Урала, не очень ласково встретила революционера.

«По приезде в Пермь,— пишет Петр Заломов,— мы пошли к знакомому зятю, который дал мне рекомендацию и разрешение прожить у него несколько дней до приискания квартиры».

Имя этого человека — «знакомого зятя», — оказавшего помощь революционеру в Перми, установить пока не удалось.

Но, хотя рекомендация и имела большое значение, она не оградила Петра Заломова от унижительных испытаний. Они состоялись в тот же день, когда слесарь явился к мастеру с рекомендательным письмом. Прочтя бумажку, мастер вручил Заломову обрубок круглого железа.

Этот обрубок нужно было на глазах мастера превратить в блестящий кубик точно заданного размера.

«Такая работа считалась трудной,— писал Заломов,— но для меня она никакой трудности не представляла, так как я работал не только хорошо, но и быстро».

Однако Заломова ожидал подвох: крейцмессель и зубило вручили ему поломанные. Не раздумывая долго, Заломов сам отковал их заново и заточил. Кубик был вырублен. Оставалось только опилить его стороны напильниками. Но один из них тоже оказался негодным, дугообразным. Петр ухитрился и с таким напильником добиться точности, навести блеск.

Работа была выполнена быстро и аккуратно. Мастер одобрил ее. Казалось, испытания закончены. Но тут подошел помощник мастера. Он сказал, что Заломов не умеет работать: пилит не во весь размах. Ему снова дали изогнутый напильник, заставили пилить «во весь размах».

Теперь у Заломова получился «легкий завал» — нарушилась геометрическая точность кубика. Из-за этого работа слесаря была признана недостаточно хорошей и поденная плата назначена низкой — семьдесят копеек в день.

Рядом работал слесарь, получающий в день рубль семьдесят копеек. Петр просил пригласить его в качестве «эксперта», доказывая, что никто не может работать лучше с напильником-дугой, да еще так неосторожно — «во весь размах». Но его просьбы не выполнили.

«Помощнику мастера,— объясняет Заломов в своих записках,— я принципиально не дал взятки, и он несправедливо придрался ко мне при сдаче пробы, не поставил меня на работу, где я мог бы быстро доказать свою высокую квалификацию, а послал на ремонт парового отоплення».

Вместе с Заломовым в мастерские поступил токарь с Ижевского завода, который при испытании выточил «винт в восемь ниток». Ему должны были назначить поденную плату не менее рубля. Но он тоже не дал взятки, и поденная плата ему была определена в семьдесят копеек. Как и Заломова, токаря послали на ремонт парового отоплення.

При определении платы или назначении на работу в железнодорожных мастерских считались не только с квалификацией, выслугой лет, но и «благонадежностью». Ее можно было приобрести подобострастным отношением к начальству, аккуратным хождением в церковь, посещением молебнов в царские дни. В мастерских был устроен иконостас с огромными образами. Благонамеренные рабочие собирались сюда для молитвы. Но Заломова и его товарищей среди них не было.

«Мы,— пишет Заломов,— как последовательные марксисты, идти на такое унижение, конечно, не могли...»

Едва устроившись в Перми, Петр Заломов начинает устанавливать революционные связи.

4.

СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ПОДПОЛЬЕ

Имея письмо от Ивана Павловича Ладыжникова,— сообщает Заломов,— я скоро познакомился с марксистской интеллигенцией, а через нее и с рабочими-марксистами казенных железнодорожных мастерских. Рабочих-марксистов было мало, но я сразу почувствовал себя в родной семье, стал изучать молодежь и вести наводящие беседы».

В. Трапезников, один из организаторов Пермской группы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», вспоминает об этом же времени: «Заломов, приехав в Пермь, сразу же стал активным работником социал-демократического подполья».

Деятельность молодой революционной организации налаживалась с трудом. Пролетариат в Перми был еще немногочисленным, разобщенным.

«Атмосфера в мастерских,— писал Заломов,— была гнилая. Кроме этих мастерских имелся только один Любимовский чугунолитейный завод. В случае увольнения деваться было некуда, и рабочие всеми силами старались заслужить одобрение начальства, мирились с низкой заработной платой, беспрекословно выполняли все требования, готовы были работать день и ночь».

К сожалению, Заломов скупо рассказывает о своей революционной деятельности в Перми. Вот почему очень важны свидетельства его современников. Наиболее интересны среди них воспоминания уральской революционерки В. Мутных, автора очерка «История Пермского подполья». Она пишет, что как раз в ту пору, в конце прошлого века, пермские социал-демократы «от слов перешли к делу, от книг и рефератов в марксистских кружках — к пропагандистской работе в рабочих кружках»,

Автор очерка называет наиболее активных участников революционного подполья в Перми: Владимира Трапезникова — помощника присяжного поверенного, Раису Поморцеву — фельдшеру, Ивана Ладыжника — фельдшера и Петра Заломова — рабочего. В этом же очерке содержатся сведения о первых революционных сходках в Перми, которые проходили летом «в лесу за Архиерейкой, иногда верст за пять. Зимой — на квартире кого-нибудь из участников кружка... Заломов приходил в эти кружки, знакомил с основами марксизма, с историей революционного движения в России и рабочего движения на Западе...»

Заломов и сам участвует в создании рабочих кружков. Но, очевидно, размах революционной работы его не удовлетворял, и это наложило отпечаток на записки.

5.

«АДСКАЯ РАБОТА»

Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы...

Вечером, когда садилось солнце и на стеклах домов устало блестели его красные лучи, — фабрика выкидывала людей из своих каменных недр, словно отработанный шлак, и они снова шли по улицам, закопченные, с черными лицами, распространяя в воздухе липкий запах машинного масла, блестя голодными зубами.

Так начинается роман Горького «Мать». Именно против такого каторжного, бессмысленного существования боролись рабочие. Они добивались иной жизни — справедливой, разумной, достойной человека. Необходимость этой борьбы пронизывает все записки Заломова. В них рисуются картины нечеловеческого труда рабочих, очень близкие к тем, которые дал Горький.

«Наша бригада по ремонту парового отопления, — пишет Заломов, — состояла из трех человек. Во главе ее был поставлен пожилой человек, бывший кочегар Семенич... Надо было разобрать всю

систему клепаных, большого диаметра труб, сменить негодные, вырубить из тонкого листового железа кольца, обмотать их пенькой, промазать суриком с вареным маслом, вставить их между концами труб и стянуть соединение болтами...

Одним словом, работа была черная и грязная. Как-то странно было менять на нее пришабравание паропроводных кранов, цилиндрических поршней, заделку подшипников в паровые шатуны. Было обидно переходить на менее квалифицированный труд, но приходилось с этим мириться, тем более, что я не боялся утратить свою квалификацию и смотрел на пребывание в Перми как на временное, предшествующее моему поступлению на большой завод с тысячами рабочих.

...Ремонтная бригада сдружилась, и я быстро узнал обычную и несложную жизнь своих товарищей по работе.

Семенич поступил в котельное отделение мастерских еще молодым парнем. Сначала работал откатчиком. На его обязанности лежала подкатка угля для двух паровых котлов и откатка из-под них горячего шлака. Это была тяжелая работа. Тачка была огромной. Иначе один откатчик не смог бы управиться: и подвозить уголь, и отвозить шлак.

Кроме откатчика, — пишет далее Заломов, — у этих котлов трудился еще и кочегар. Его работа тоже «была не из легких. Он должен был держать давление пара на определенной высоте, для чего нужно было часто прочищать колосники, непрерывно следить за ровным сгоранием угля на всей площади печи.

Чистить поддувала надо было как можно быстрее, чтобы не остудить колосников и не ослабить горения. В то же время нужно было усиленно шуровать второй котел, чтобы не сел пар. Кочегар от нестерпимого жара и предельных физических усилий становился мокрым, как вынутый из воды.

За эту адскую работу кочегар получал восемнадцать рублей в месяц. И все же положение кочегара казалось слишком завидным для откатчика. Если кочегар усиленно потел во время чистки колосников, то откатчик потел непрерывно: как при подвозке угля, так и при вывозке шлака, за которым он должен был спускаться в яму поддувала, прямо под раскаленные колосники. Шлак предварительно заливался водой, отчего в яме по-

РАБОЧАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Михаил Васильевич Фрунзе дважды приговаривался царским судом к смертной казни. В Тобольском архиве хранится письмо рабочего города Шуи, датированное 19 февраля 1909 года. Написано оно было после суда во Владимире, когда Фрунзе обвинили в покушении на убийство урядника Шуи и вынесли ему смертный приговор.

Письмо адресовано депутату Государственной думы от Тобольской губернии Николаю Лукичу Скалозубову. В прошлом он — земский статист. Материалами Скалозубова пользовался в своих работах Владимир Ильич Ленин. Та-

лантливый агроном, Николай Лукич был уволен со службы за организацию вольного крестьянского съезда.

«Николай Лукич! — говорилось в письме из Шуи, — не захожу слов для выражения Вам безграничной благодарности за ходатайство за Михаила Васильевича Фрунзе. Мы, рабочие г. Шуи, были ошеломлены ужасным приговором над нашим дорогим учителем, но и не можем ничего сделать, так как лишены возможности говорить, а о переписке и думать нельзя. Письма распечатываются, и при подозрении чего-либо — обыски и аресты,

лучалось нечто вроде паровой бани, и откатчик вылезал оттуда не менее распаренный и красный, чем с банной полки.

Самое опасное заключалось в том, что резкая смена температуры влекла за собой острые заболевания и приводила рабочего к преждевременной смерти.

Семеныч рассказывал, что по штатам на два работающих котла полагалось иметь двух кочегаров и двух откатчиков, как это и было прежде. Но потом одного откатчика сократили, а уже на наших глазах сократили и второго кочегара.

Дело свелось к тому, что оставшиеся кочегар и откатчик стали поочередно шуровать котел, откатывать шлак и подвозить уголь. Труд их сравнялся. Но откатчик оставался поденщиком и не имел права на... отпуск. Нам, поденщикам, никаких отпусков не полагалось.

Большинство кочегаров простуживались и умирали. Надо было удивляться, что наш Семеныч дожил до сорока пяти лет и еще не утратил полностью трудоспособности, не утратил и своего крепчайшего юмора».

Имени второго своего товарища по работе в Перми Заломов не называет. Но и он крепко запомнился революционеру:

«Молодой токарь не рассказывал нам, за что его уволили с Ижевского завода. Но о самом заводе любил говорить. По его рассказам выходило, что все начальники, во главе с самым старшим начальником — генералом, были ворами.

Завод нужно было переоборудовать новыми автоматическими станками. Были посланы специалисты во Францию и в Германию, которыми было установлено, что германские станки более массивны и прочны, чем французские, и в то же время не уступают им во всех других отношениях. Казалось бы, надо предпочесть станки немецкие. Но французский уполномоченный предложил крупную взятку, и начальство заключило договор с французской фирмой.

Станки были получены и установлены, но наши рабочие привыкли иметь дело с прочными станками, и очень скоро поломались все нажимные винты, которые были изготовлены не из стали, а из ковкого чугуна... Вслед за винтами поломались и шестерни. Французские станки встали. Их фирма прислала специалиста для ремонта новых

Мать П. Заломова — Аня Кирилловна.

станков, оказавшихся непригодными для наших рабочих...»

На этом глава записок Петра Заломова под названием «В Перми» обрывается. Заключительная часть ее пока не найдена.

6.

ФОТОГРАФИЯ С АВТОГРАФОМ

Галина Петровна Заломова сообщила мне, что в пору ее молодости отец отнес какие-то бумаги в Музей революции. Музеи — надежные хранилища. Значит, документы должны быть целы.

и мы молчим и тогда, когда видим ужас. Кровь стынет в наших жилах от того, что творится вокруг нас. Нас удивляет молчание наших владимирских депутатов. В таких вопиющих несправедливостях их голос должен раздаться в стенах Таврического дворца. Я прошу Вас, Николай Лукич, принять горячее участие в судьбе нашего учителя М. В. Фрунзе известного среди нас под именем Арсений... Сердце обливается кровью, смотря на наше правосудие, и это делается в XX веке при наличии государственной думы. Но жизнь под Дамокловым мечом

невыносимо тяжела. И мне думается, что век инквизиции не был страшнее настоящей минуты... Но еще раз прошу Вас, Николай Лукич, не оставляйте дела М. В. Фрунзе наполовину сделанным. Ему предстоит еще суд за организацию рабочих. Будьте его добрым гением до конца, наша благодарность к Вам будет вечной. Я бы мог прислать Вам №№ газеты «Владимирца», где описана деятельность нашего М. В., но, к величайшему моему огорчению, они забраны при обыске и не могу, пожалуй, найти, где бы Вы прочли, что в день ареста Ар-

сенция из 10000 рабочих 8000 рабочих приняла участие в демонстрации, ходатайствуя об освобождении... Свидетельствую Вам искреннюю признательность от имени шуйских рабочих и могу сказать, что одного этого поступка достаточно на вечную признательность и памятник Вам от рабочих г. Шуи. Остаюсь искренне преданный Вам рабочий. Рядовой».

Известно, что ходатайство Скалзубова и протест общест-венности помогли: смертный приговор Фрунзе заменили каторжными работами.

На этой фотографии я увидел рабочих, снятых в цехе.

В тесной мансарде Музея революции хранятся рукописи многих революционеров. Однако часы, проведенные здесь, ничего не дали. Ни воспоминаний, ни писем Заломова тут не было.

Может, Заломов отнес сюда не «бумаги», а что-нибудь другое? Например, фотографии?

Картотека фотографий музея оказалась огромной. Но в ней все-таки удалось найти фотографию, подаренную Заломовым.

На этом фото я увидел рабочих, снятых прямо в цехе.

В глаза бросились крестики, сделанные чернилами на желтом поле фотографии. Они отмечали несколько человек. Один из рабочих во втором ряду отмечен белой квадратной бумажкой, наклеенной на фотографию.

Загадка этих пометок раскрывается надписью на обратной стороне:

«Возврату не подлежит.

Снимался в г. Перми, во дворе казенных железнодорожных мастерских, где работало 800 человек. На снимке — часть рабочих механической мастерской. В шляпах два монтера, в котелке машинист. Крестиками отмечены партийцы, которых помню. Себя отметил бумажкой. Рядом со мной стоит токарь Швецов, один из лучших партийцев. Время съемки — весна 1898 года.

П. Заломов. 21/XII 1931 г.»

Этот автограф революционера ясно говорит, что одним из товарищей Заломова (недаром, наверно, они оказались рядом) был «токарь Швецов». Может, это тот самый токарь с Ижевского завода, который вместе с Заломовым поступил в мастерские?

К сожалению, найти на снимке «Семеныча» или узнать имена других революционеров, отмеченных рукой Заломова, пока не удалось. Может, после опубликования этого снимка найдутся другие его экземпляры?

7.

НА БАРРИКАДАХ ИСТОРИИ

Мы не знаем пока многих подробностей жизни Заломова на Урале. Неизвестны и обстоятельства его отъезда из Перми летом 1899 года.

Причина этого отъезда указывается в воспоминаниях В. Трапезникова, долгие годы дружившего с Заломовым:

«Рабочие социалисты были наперечет. Всякий новый агитатор был для организации ценен, а Заломов обладал уже значительным стажем и опытом и поэтому сразу занял видное положение в небольшой социал-демократической группе. Но это обстоятельство вскоре сделало пребывание его заметным для жандармов и опасным как для него, так и для молодой организации. Заломову вновь пришлось уехать. Списавшись с Нижним, он после нескольких месяцев жизни в Перми уехал в Сормово...»

В этих строках не точно лишь указание времени, проведенного Заломовым в Перми. В автобиографии, написанной рукой Петра Андреевича, говорится, что в Пермских железнодорожных мастерских он «проработал год». Этот год обогатил Заломова новым революционным опытом.

Возвратившись в Нижний, Заломов приступил к созданию Сормовской социал-демократической организации, вошел в состав Нижегородского комитета РСДРП. В эти дни царская охранка доносила: «Заломов представляет из себя серьезную, убежденную в политическом отношении личность».

После демонстрации 1 Мая 1902 года Петр Андреевич был арестован. На суде Заломов и его товарищи выступили с яркими политическими ре-

чами, которые высоко оценил В. И. Ленин, назвав их «превосходным, от самых глубин пролетариата исходящим комментарием» к стачкам и забастовкам. Речи революционеров были опубликованы в «Искре» и разосланы во все концы России.

Приговоренный к пожизненной ссылке в Восточную Сибирь, Петр Заломов отказался от кассации. Он снова прибыл в Пермь, но теперь уже в тюремной барже, чтобы, перейдя здесь в вагоны с решетками, отправиться дальше. В ссылке, в селе Маклаковке Енисейского уезда, Петр Заломов встретился с нижегородской революционеркой Жозефиной Гашер. Вскоре они поженились. В январе 1905 года родилась их старшая дочь — Галина.

— В марте девятьсот пятого года, — рассказывает Галина Петровна, — мой отец бежал из ссылки при содействии Максима Горького, приславшего триста рублей на организацию побега...

Затем Заломов, с паспортом на имя Антона Волоховича, жил нелегально в Киеве, Петербурге, Москве, участвовал в декабрьском вооруженном восстании, сражался на баррикадах Красной Пресни.

В том же 1905 году Петр Заломов впервые встретился с Максимом Горьким на финской даче Куоккала. Он жил там две недели. В письме Горького к Е. Пешковой появляется строчка: «У меня бывает сормовец — какой это дивный парнюга!» Об этих днях вспоминает и сам Заломов: «Алексей Максимович набросал по моим рассказам записки.

Жизнь рабочего революционера увлекла пи-

сателя. И летом 1906 года, живя в Америке, он начал работу над романом «Мать».

Горький не раз подчеркивал близость героев этой книги к реальным прототипам. В 1910 году он писал Н. И. Иорданскому:

«...Ниловна — портрет матери Петра Заломова, осужденного в 902 году за демонстрацию 1 Мая в Сормове. Она работала в организации, развозила литературу, переодетая странницей... Она — не исключение. Вспомните мать Кадомцевых, судившуюся в Уфе за то, что она пронесла в тюрьму сыну бомбы, коими была взорвана стена во время побега. Я мог бы назвать с десятком имен матерей, судившихся вместе с детьми и частью лично мне известных».

Революционная Россия высоко оценила горьковскую книгу. Ленин, прочитавший «Мать» еще в рукописи, сказал Горькому на V съезде РСДРП в Лондоне: «Книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении незрительно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя».

После Октябрьской революции Петр Заломов стал строителем новой жизни. Он руководил одним из первых в стране местных Советов, в 1929 году участвовал в создании колхоза «Красный Октябрь» в селе Гончарово Курской области и был избран председателем его.

К славной биографии Петра Заломова, типичной для русского рабочего-революционера, еще не раз будут обращаться историки и писатели, литературоведы и журналисты.

ВОТ ЭТО ПУТЕШЕСТВЕННИК!

Несколько лет тому назад в «Уральском следопыте» была опубликована заметка «Нохо с паспортом на шее». В ней рассказывалось, как зоолог В. С. Смирнов в тундрах Ямальского и Гыданского полуостровов проводил мечение песцов. За эти годы часть пушных зверьков была добыта охотниками, и бирки вернулись к ученому. Они рассказывают о географии путешествий песцов.

Один песец «отметился» в устье реки Енисея не ранее начала августа 1961 года. Петля была поставлена у норы вблизи поселка Напалково, на западном берегу Гыданского полуострова. В декабре того же года его поймали далеко на востоке.

Этот случай доказывает, что песцы с Гыдана уходят не только в западном, но и в восточном направлении.

Летом 1962 года расстановку петель у нор песцов продолжили. Первой же зимой пришло сообщение из Восточной Сибири: 29 января зверек пойман в устье реки Оленек. А вот совсем недавно получили прямо-таки сенсационное сообщение: уральский песец пойман... на Аляске! (Добыт он был еще 14 февраля 1963 го-

да, но сведения до нас дошли только в конце 1966). Песец был обнаружен в восьми милях южнее местечка Уэйнрайта (70°32 с. ш. и 160° з. д.), расположенного на берегу моря, западнее мыса Барроу — самой северной оконечности Аляски.

Как продвигался песец? Если вспомнить, что один зверек попался в устье Енисея, другой на реке Оленек, то можно предположить, что путь их лежал по побережью Ледовитого океана. (В таком случае он равен только по прямой почти 5000 километрам). Лишь на последнем участке своего путешествия песец обязательно шел или по льду Берингова пролива или севернее Чукотского моря. В Северную Америку он мог попасть только в то время, когда пролив и море скованы льдом. Не исключено, хотя и менее вероятно, иное направление — по льдам через Центральный полярный бассейн. (Это расстояние меньше, чем по побережью.)

Суда, плавающие во льдах Ледовитого океана, не раз встречали песцов далеко от берега.

В. ПАВЛИНИН, 9
доктор биологических наук

Герой этого очерка, повествующего о событиях, произошедших несколько лет назад, Владимир Шепелев живет в Александровском на Оби и работает сейчас командиром вертолета.

10 «Падают обороты двигателя...» — вот все, что успела принять радистка аэродрома в Березово. Услышав, что вертолет терпит аварию, испуганная радистка-стажер бросилась к начальнику аэропорта. Владимир Шепелев — бортмеханик «девяносто пятого» — напрасно посылал в эфир координаты аварии: координаты никто не принял. На борту бывалого вертолета было пятеро. Копылов — командир. Мягков — штурман. Гетман — технический руководитель экспедиции. Тернавский — начальник партии. Шепелев — бортмеханик. Шепелев сидел на правом сиденье, Копылов — на левом, а штурман стоял позади. Гетман и Тернавский находились

в грузовой кабине. В 11 часов 20 минут — это было ясно даже на слух — обороты двигателя упали. Вертолет почти завис над вершинами красивых, как в мультипликации, гор, качнулся и стал падать. Копылов изо всех сил старался дотянуть: за кедровым островком — поляна. Еще немного. Совсем немного... Верхушки деревьев угрожающе рванулись навстречу. Они совсем близко... метров пятнадцать... десять... только бы дотянуть.

Копылов полностью взял «шаг-газ» и ручку управления на себя. Предупредил:

— Падаем на мой борт.

Шепелев выключил зажигание, перекрыл пожарный кран, чтобы не загореться после удара о землю.

Вертолет врезался в лес и, заваливаясь на левый борт, стал падать почти перевернувшись вверх колесами.

Шепелев пришел в себя первым. Командир лежал, навалившись на ручку управления. Владимир окликнул его несколько раз. Он пошевелился, и бортмеханик увидел, что обломком дерева, пробившего кабину пилотов, у командира раздроблена левая рука.

Владимир оглянулся, услышав стон в грузовой кабине. Штурман сидел, подерживая головы Тернавского и Гетмана. Оба не подавали признаков жизни. Штурман попытался приподняться, но не смог.

Потом выяснилось, что у штурмана в двух местах была сломана лопатка и разбито левое плечо, у Тернавского сломано несколько ребер, а у Гетмана сильно повреждено легкое. Шепелев потя-

нулся и застонал — он тогда не знал, что у него самого сломано два ребра, только дыхание и каждое движение причиняли невероятную боль. Он вылез из кабины, сбросив аварийную правую дверь. Открыл грузовые люки и вытащил Гетмана, Тернавского и штурмана. Потом опять полез в вертолет, достал нашатырный спирт, вату и бинты. Кое-как привел троих в сознание. Очнулся и командир. Только тут Шепелев огляделся.

На возвышенности, где упал вертолет, деревья достигали сорока метров — могучая кедровая роща. Сломанное дерево пробило вертолет, нанизав на себя его фюзеляж. Хвостовая балка оторвалась.

— Отлетал свое, старшина!

Они оказались без еды и спичек. Надо было добраться хотя бы до воды. Решили двигаться к небольшой речушке Хирхойм, которая, по их расчетам, протекала неподалеку. Командир и Владимир поднимали кого-нибудь из троих раненых и перетаскивали на десять — пятнадцать метров вперед. Потом возвращались за следующим. Так они шли.

Опасность, казалось, гонится за ними по пятам. Сначала на полянку вкатились два медвежонка, за ними отошавшая за зиму медведица. Скрытые кустарником и деревьями, люди замерли. Шепелев, не отводя от медведицы взгляда, потянул было с плеча ружье. Но вспомнил: в патронах мелкая дробь. Только разъяришь зверя.

Видимо, они оказались с подветренной стороны: медведи пересекли поляну и исчезли так же внезапно.

Через час остановились отдохнуть в небольшом сухостойном леске. И тут же подул сильный ветер, и сушины начали валиться одна за другой. Было не до осторожностей. Владимир ухватил двоих, командир с трудом поднял третьего, и они побежали. Выбрались к реке. Двигаться так дальше было невыносимо. И тогда решили, что Шепелев оставит их и пойдет за помощью.

Все пожали бортмеханику руку и пожелали счастливого пути. Шепелев посмотрел на них — искалеченных, окровавленных — и чуть не заплакал,

бросить их одних, без медикаментов, продуктов и теплой одежды! А вокруг бродит зверье голодное... Другого выхода, однако, не было.

Шепелев настроил несколько уток и косачей, но это ерунда, им нужна была срочная медицинская помощь.

Решено было, что он пойдет по берегу Хирхойма. Пусть путь длиннее и тяжелее, но зато не заблудишься в топях и есть надежда встретить охотников или рыбаков, их следы.

Сутки он двигался по берегу Хирхойма. 22-го мая подошел к Вогулке — нужно было ее переплыть и идти вновь по течению до Сосьвы, там быстрее можно было встретить людей. И здесь в спешке Шепелев совершил грубейшую неосторожность.

Хирхойм был чист, а по Вогулке еще несло лед. Владимир отошел метров семьдесят от устья Хирхойма и приготовился к переправе. В шлемофон положил все документы, а одежду увязал в комбинезон, повесил комбинезон на ружье, взял его в правую руку, поднял над головой и ринулся в реку. Ледяная вода перехватила дыхание. К тому же в нешироком Хирхойме оказалось быстрое тече-

ние, а плыть пришлось одними ногами: левая рука из-за сломанных ребер почти не слушалась, а правая занята.

Его понесло, он собрал все силы, чтобы добраться до другого берега, прежде чем его вынесет на Вогулку. Когда он уже добрался до середины, то увидел перед собой льдину диаметром метра три-четыре. Он инстинктивно уронил на нее ружье и узел, рукой уперся в край льдины, пытаясь смягчить удар. Пока он отбивался от льдины, его все-таки вынесло на Вогулку. Кое-как выбрался, — помогло течение да та самая льдина, чуть не утопившая его в Хирхойме.

Он и сейчас считает преступлением, что не отошел от устья Хирхойма еще метров на сто вверх. Четверо доверили ему жизнь, и он просто не имел права погибнуть на полпути.

Патронов у Шепелева осталось восемь штук да три холостых для разжигания костра. Половину патронов израсходовал на двух рябчиков. Шел и нес рябчиков в шлемофоне, на поясе. Думал, когда будет совсем плохо, подкреплюсь.

Он шел уже шестые сутки. Почти не спал. Начались слуховые галлюцинации. Казалось, то лает собака, то кричат петухи, то разговаривают люди, то мотолодка плывет. Часто кружилась голова. Тогда мыл лицо холодной водой и пил. Благо, воды много. На одном таком привале понял: силы кончатся. Решил съесть одного рябчика. Стало немного легче. Но еще сильнее навалилась усталость, и он решил поспать. Проснулся от голоса, звавшего его по имени. Еще не очнувшись от сна, решил, что кричат ребята, зовут на помощь, будто на них кто-то напал. Схватил ружье и побежал назад. Метров через сто упал, отдышался. И понял, что кричат филины.

Уже днем заметил, что на поясе нет шлемофона. В нем был последний рябчик и последние патроны, завернутые в перкаль. Он вернулся и увидел: шлемофон разорван, рябчика нет, а патроны разбросаны.

Собрал все, что осталось, поднялся и осмотрелся. На берегу реки весной очень много следов. Он на них не обращал внимания, но здесь заметил на песке свежие следы медведя: они еще только начали заполняться водой. Решил проверить, идет медведь за ним или нет. Несколько раз возвращался и убедился: идет. Еще когда уходил от вертолета,

после первой встречи с медведями разрядил один патрон, высыпал дробь в тряпочку, завязал и зарядил снова. Дробь в таком случае бьет на десять-пятнадцать метров пульей.

Шепелев выбрал на обрывистом берегу узкое место и устроил засаду за кустом, на повороте реки. В левую руку взял отвертку — ножа не было. Ждал до тех пор, пока не стали трястись руки от напряжения и слезиться глаза. Ни звука. Выглянул из своего укрытия. За поворотом, метрах в семи-восьми, увидел медведя.

Шепелев шагнул к нему, вскинул ружье. И медведь не выдержал, кинулся вверх по обрыву, только ветки затрещали. Шепелев выстрелил, но, видно, не совсем удачно. Кружилась голова, онемели руки, неудержимо хотелось лечь.

Как выяснилось потом, он прошел сто пятьдесят восемь километров. До жилья оставалось совсем немного. Он шел шатаясь, переставляя вместо палки ружье. И в этот момент увидел над собой самолет, летающий «челноком». Их искали — он узнал самолет. Спотыкаясь, падая, собрал валежник, разжег костер холостым патроном, а дробью, когда появился самолет, выстрелил в воздух. Но мало ли охотников в тайге: летчик искал пятерых. Самолет ушел, не обратив на костер внимания. А через час появился второй самолет. Шепелев бросился вслед за самолетом, упал. Тогда на большой льдине, не успевшей оторваться от берега, он написал грязью огромные цифры номера вертолета: «95». Самолет вернулся, снизился и покачал крыльями...

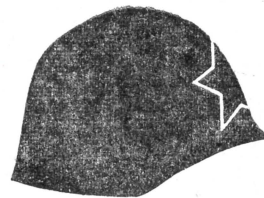
Мешок, сброшенный пилотом, упал в реку. Снова пришлось лезть в ледяную воду. Спички и сахар размокли, но хлеб... он остался. Владимир съел только полбуханки. Знал: больше нельзя. Самолет несколько раз пролетел над ним, как бы приглашая следовать за собой. Он понял. Машина не может сесть. Ему казалось, что он бежал, на самом деле медленно шел, падал, теряя сознание, с трудом поднимался и шел вслед за самолетом. И пилоты, понимая, что он идет из последних сил, бережно «вели» его, показывая дорогу... Потом крепкие руки друзей-летчиков. Он назвал координаты товарищей и только тогда вошел в самолет.

г. Томск.

С. ВЫГОН

Рисунки Н. Мооса

**Будем
достойно
славлю
отцов**

БЫЛА ВОЙНА

ГРЕМИТ атака. Звенят пули. Ровно строчит пулемет...

Это не из песни. Это идет бой — настоящий, жестокий, кровавый. И более страшный, чем тот, о котором песня. Пение пуль и треск пулеметов, залпы орудий, разрывы снарядов и мин. 75-я стрелковая бригада наступает в районе города Белого. Она участвует в операции по ликвидации Ржевско — Вяземского плацдарма гитлеровцев.

На подступах к деревне Цигуны ползут к гнезду фашистского пулеметчика двое. Один уже замахнулся, чтоб бросить гранату, но упал... К нему подползает второй — сержант Новоженни.

— Комиссар, комиссар, — шепчет он. Потом, приподнявшись, зло посылает гранату под пулемет врага. Тот смолкает. Мимо Новоженнина бегут бойцы. А сержант, расстегнув полушубок лежащего на боку комиссара, слушает — бьется ли сердце? Нет. Все конечно! Михаил Васильевич никогда больше не соберет бойцов в кружок и не заведет с ними любимую песню:

Ах, как бы дожить бы
До свадьбы-женитьбы...

А в Цигуны уже ворвался на танке десант автоматчиков под командой лейтенанта Коротынского.

Вот и оседлана дорога Белый—Смоленск. Снова нашими

 **НА
ПРИЗ
НАШЕГО
ЖУРНАЛА**

стали Цигуны и Сельцо, Кузьмино и Клемятино. И уже дальше, ко второй линии немецкой обороны рвутся сибиряки. Они преодолевают широкую ложбину, которую в первый же день окрестили «Долиной смерти»: просматривается и простреливается со всех сторон.

Еще усилие, атака, и по ту сторону долины переходят в руки стрелковых батальонов деревни Плоское, Цицино, Нефедово, Пшеничное, Подьясенце... Так было двадцать четыре года тому назад.

А сегодня наш отряд красных следопытов Омска идет по этим местам.

Борис Александрович Ефимов — ветеран 75-й стрелковой бригады, формировавшейся в Омской области, — рассказывает нам о том, как сражались здесь наши отцы. Это он и руководитель штаба следопытов Маргарита Павловна Беспрозванных организовали поход по тем местам, где воевали сибиряки.

ТАК НАЧИНАЛСЯ ПОХОД

Собственно поиск начали не мы, а ветераны 75-й Отдельной Омской стрелковой добровольческой бригады. Они разыскивали своих однополчан, и не только в Омской области, но и в Орле, Томске, Риге, Ленинграде.

И когда старшеклассники из разных школ Омска объединились в городском штабе красных следопытов, то сразу решили: продолжим поиск, начатый старшими. Так была организована экспедиция. Перед отъездом шумно распределяли обязанности: командиром отряда единодушно выбрали Сашу Молдаванава, его помощниками стали Алла Яковлева и Юрий Архипенко. Конечно, поход не обойдется без «трофеев». Собрать их вызвалась группа Саша Самохина. «Сумки медсестер» достались Ире Киргинцевой и Аде Беспрозванных. Ира Шахова, Света Лезагина займутся поиском документов, фотографий. А Боре Кот сразу пришлось нелегко: в его объемистом рюкзаке — аппарат для киносъемок.

Под стук колес поезда, мчавшего отряд к Москве, к местам боев, рождалась «Песня омских следопытов»:

Перед нами повсюду
дороги открыты,
И к поиску каждый готов.
Вперед, следопыты,
вперед, следопыты,
Шагайте дорогой отцов...

Первые шаги по военной дороге отцов мы сделали на юге Калининской области, в Бельском районе, где и принимала боевое крещение в конце ноября 1942 года бригада омичей-добровольцев. Все, что было узвано о боях и походах бригады, о лучших ее воинах, мы как бы перенесли на местность, на те холмы, долины и болота, где воевали отцы. Вот почему вставляли у нас перед глазами картины атак, слышался гул артиллерийских дуэлей. Были мы в деревнях под Белым в жаркие дни второй половины июня, а виделись нам заснеженные леса и склоны холмов, черные веера разрывов на бело-синем снегу, ночи, озаренные мертвенным светом вражеских ракет...

ГОРОДОК НА ОБШЕ

В жизни все так переплетено и взаимосвязано, что трудно сразу выделить главное, единственно важное. Так случилось у нас: заранее наметили цель похода — собрать материалы о боях сибирской части, найти ее героев. А познакомились прежде всего с историей городка Белый, с многими из тех, кто в тылу врага сохранил верность своему, советскому.

Небольшой городок на извилистой речушке Обше — Белый — до сих пор хранит следы хозяйничанья фашистов. Местные краеведы собирают документы, фотосвидетельства о нашествии гитлеровской орды на милые русскому сердцу леса и поля средней России, на землю мирных хлебопашцев и поэтов, художников и былинных воинов.

Первое интервью мы брали у старейшего краеведа Бельщины Валентины Константиновны Ильиной. От нее услышали легенду о том, как создавался Белый в 1355 году для защиты Смоленского княжества от

нашествия литовцев и поляков.

Прошло почти шесть веков. В начале октября 1941 года фашисты оккупировали город. Но большая часть района оставалась непокоренной — в ней сохранялась Советская власть.

Население Белого и партизаны не давали покоя фашистам.

ВАСИЛИСА ИЛЬНИЧНА БУРОВА

В первых числах октября 1941 года, отступив части Красной Армии в болота, немцы стали создавать укрепленные линии обороны на холмах, по которым проходила дорога Белый — Смоленск. А жителей деревень выгнали убирать трупы возле населенных пунктов...

Василиса Ильичина, не успев накормить четырех малышей, выскочила из сарая по первому же окрику старосты. Ее заставили засыпать землей убитых красноармейцев, которых гитлеровцы сбросили в воронки от бомб и ненужные окопы.

Слезы застилали глаза, все вокруг как бы плыло в тумане. Бурова не сразу поняла, что ей шепчет старуха-соседка. Но постепенно до ее сознания дошло, что колхозники нашли раненого: «Живой еще... Страшный, худущий. Просит: пить дайте, а сами уходите!»

Едва стемнело, Василиса Ильичина с двумя женщинами пробралась через лащину к кустарникам, где лежал боец. Он еле слышно стонал, пока его тащили задворками в деревню. Женщины перевязали раненого и спрятали в клуне. Но на другой день ему стало хуже, громко стонал, поэтому из клуны его перенесли в дальний погреб. А крышку погреба забросали картофельной ботвой... В течение нескольких месяцев «болезного» не раз перетаскивали из дома в дом, пряча от немцев и полицеев. С тревогой проходили женщины в те дни мимо столба с объявлением: «За укрывательство оружия и красноармейцев — расстрел!»

Вот уже дважды после войны приезжал в Клемятино Борис Абрамович Лисица. Это

его выходили, поставили на ноги колхозницы, а потом помогли перебраться к своим: женщины знали каждую тропку через леса и болота...

Вспоминает все это Василиса Ильинична, а на глазах навертываются слезы. Говорят, с годами все бывшем порастает. Ах нет — вот уже четверть века прошло, а сердце помнит все.

Слушаем рассказ Буровой мы, сибирские школьники, и думаем: «Какую же веру в свое правое дело имели эти люди! Так вот почему, не щадя жизни, войны дрались с фашистами, пробиваясь к оставшимся на оккупированной земле женщинам, детям, старикам, которые так ждали своих освободителей и не подчинились врагу».

И уже не только о своих земляках-воинах, но и обо всем народе звучали слова следопытской песни:

Нашли мы героев
под городом Белым,
Одним мы желаньем
горим...
Коль Родине надо,
коль надо для дела,
Мы подвиг отцов повторим.

ЧЕРЕЗ ВЕКА — ЧЕРЕЗ ГОДЫ ПОМНИТЕ!

Одну за другой проходил наш отряд деревни, что отвоевывали у врага сибиряки-добровольцы. Узнавали новые детали боев и имена героев. А главное, сердцем почувствовали, как свято чтят в этих местах память погибших и взрослые, и дети.

Долго сидели мы с колхозниками на склоне широкой долины, разделяющей село Плоское. Старожилы вспоминали тяжкую жизнь в неволе, артиллерийские обстрелы, бомбежки. Фашисты долго цеплялись за деревню, вернее, за холмы, на которых вытянулись ее улицы. И все-таки четвертый стрелковый батальон отбил Плоское зимой 1942 года.

— Здесь вот, — показывают женщины на огромную яму на скате оврага, — был блиндаж. Тут мы прятались с ребятами, а с 12 декабря размещался и штаб батальона.

12 декабря. Эта дата памя-

на ветеранам части: в тот день погиб парторг батальона Коныхов, тяжело ранили комиссара Скипина. Деревня пережила ожесточенный минометный обстрел. Но прорваться в нее гитлеровцы не смогли. Только за один день батальон отразил семь атак: главный удар принимала пулеметная рота лейтенанта Любашенко.

...Утром 22 июня, как раз в двадцать четвертую годовщину вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, наш отряд выстроился у братской могилы неподалеку от Плоскинской школы. Небольшой траурный митинг. В утренней тишине звучит:

Помните!
Через века — через года
Помните!
О тех,
Кто уже не придет
никогда, —

Помните!
В памяти учительницы Анны Федоровны Борисенковой всплывают жестокие бои в окрестностях, оккупация, издевательства фашистов, снова бои и освобождение. А ветер несет в долину, которую по-прежнему нет-нет да и назовут «долиной смерти», — слова «Реквиема»:

В горле сдержите стоны,
Памяти павших
будьте достойны,
Вечно достойны!

Под могильным холмом лежат многие из освободителей Плоской. Сюда продолжают переносить останки воинов, погибших на территории Будинского сельсовета. А потом здесь установят памятник...

После полудня наш отряд прибыл в деревню Демехи. В центре ее, за красивой оградой, уже высится памятник — боец с автоматом. На постаменте слова: «Вечная память героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

Ложатся на холмик у памятника цветы. Опять звучит «Реквием». Ада Безпрозванных передает местной школе горсть земли с братской могилы сибирских красногвардейцев. Волнуясь говорит, что в памяти народной никогда не изгладятся имена воинов, что молодежь Омска знает своих земляков, воевавших на землях Калининской и других областей нашей Родины.

От имени коллектива Деме-

ховской школы выступает ее директор Дмитрий Нилович Горланов:

— Мы, демеховцы, клянемся почитать братскую могилу, где покоятся ваши земляки, как самое священное место...

И еще один митинг вечером того же 22 июня, на площади города Белого. Председатель Бельского горсовета Сергей Иванович Минин приветствует нас, посланцев омичей, и просит передать земной поклон ветеранам 75-й бригады.

— Мы, жители города Белого, благодарны нашим освободителям. А память воинов-сибиряков, сложивших головы на нашей бельской земле, всегда будем свято чтить.

Из строя следопытов выходят Алла Яковлева, Саша Молдаванов, Юра Архипенко. Над притихшей площадью, над головами участников митинга торжественно-печально и призывно звучит чеканный стих:

Памяти павших
будьте достойны!
Вечно достойны!..
Детям своим расскажите
о них,
Чтоб запомнили!
Детям детей расскажите
о них,
Чтоб тоже запомнили!
Люди помнят. Люди все
помнят. За четыре дня похода
под Белым мы убедились
в этом.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ...

Не будем скрывать: первые дни похода ошеломили нас — впечатления, впечатления... Еще бы: впервые увидели места боев и встретились с людьми, пережившими фашистскую оккупацию. Не на снимках, а воочию предстали перед нами следы войны.

Все это на время как-то отеснило главное — поиск новых имен земляков-героев войны. И вдруг оказалось, что эти имена, рассказы о подвигах хочет знать все население районов, где сибиряки прошли, грома гитлеровцев. Тут нам и пригодились рассказы ветеранов, книга «Омичи в боях за Родину».

Следующий пункт маршрута — Спас-Деменск Калужской области. Здесь, к северо-западу от города и по южной

стороне Гнездиловских высот, в районе железнодорожной станции Павлиново, омичи-гвардейцы вели бои в августе 1943 года. Мы просмотрели районные архивы, побывали в редакции газеты, «рылись» в картотеках Спас-Деменского райвоенкомата.

А в День молодежи весь отряд участвовал в районном празднике. Света Левагина и Саша Самохин поведали спасдеменским следопытам о своих планах и поисках. Наш отряд обменялся сувенирами с местными школьниками, пионерами. А потом все вместе отправились на Гнездиловскую высоту.

У братской могилы, где похоронено немало сибиряков, выступали Миша Шлевко и Ира Бондаренко. Члены отряда стояли на часах у памятника. Отсюда они взяли горстку земли, политой кровью земляков. После митинга ос-

мотрели остатки окопов и противотанкового рва на высоте, собирали поржавевшее оружие, стреляные гильзы, пробитые каски...

Теперь на пути Смоленск. И тут мы порылись в архивных материалах, в подшивках старых газет, осмотрели музеи и исторические места древнего города.

Рига!.. Удивительно насыщенными были дни в столице Латвии и в местечке Тылжа Балвского района. Мы встречались с рижскими школьниками и со старыми большевиками-латышами, работавшими в первые годы Октябрьской революции в Омске; побывали во Дворце пионеров, в музеях. У председателя рижской секции Всесоюзного Комитета ветеранов Отечественной войны, генерала в отставке Петра Оскаровича Баумана ознакомились с многочисленными документами о боях

за Советскую Латвию в 1944—1945 годах, а в республиканском военкомате — со списками воинов сибирской части, погибших на территории Латвии.

Тылжа! Местечко, каких в Латвии много. На главной улице — обелиск славы. Вокруг братской могилы надгробные плиты: «Сиротин Федор Васильевич, подполковник», «Розенберг Леонид Осипович, 6 мая 1924 — 1 августа 1944. Родному сыночку от скорбящей матери»... «Вашанов В. С., младший лейтенант», «Кенжин С. Н., солдат»... Девять плит, девять имен. Тут и собралась школьниками местечка вместе с нами. Волнующе звучат стихи:

Помните о тех,
Кто уже не придет никогда...
Детям своим расскажите
о них,

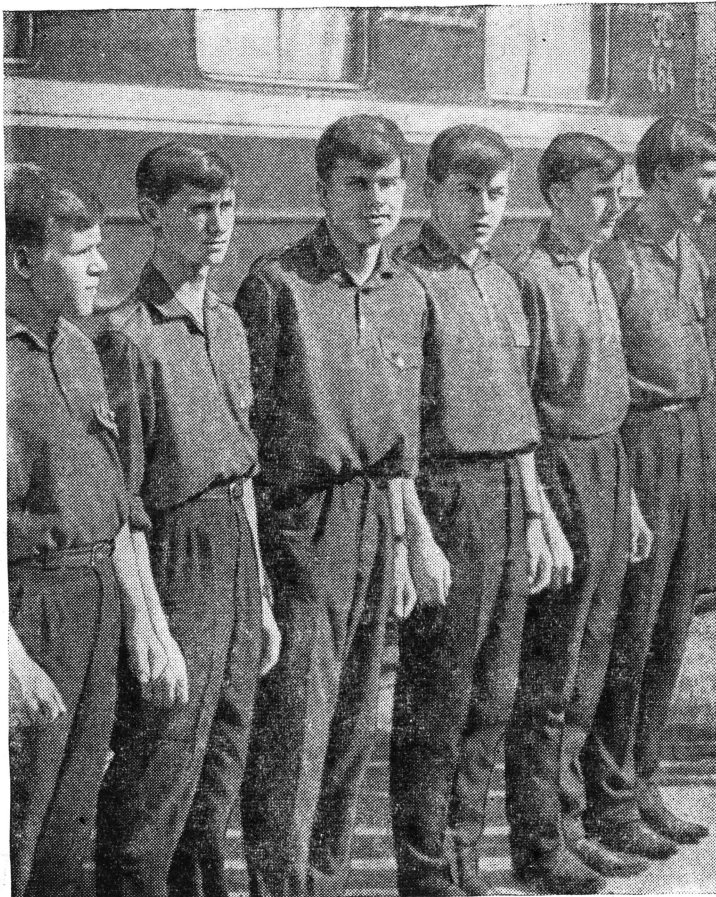
Чтоб запомнили.

Школьники Тылжи показали нам музей боевой славы. На стендах его много документов, фотографий. Наиболее подробные сведения раздобыли ребята о подполковнике Сиротине и его адъютанте Розенберге. Они повели нас в восстановленные ими землянки партизанского штаба. О боевых делах партизан рассказывал главный инженер совхоза Тылжа Лайман Александрович Витоле.

Большую благодарность хочется передать сегодня Якову Сергеевичу Ермолинскому, учительнице Плоскинской школы Ани Федоровне Борисенковой, секретарю Спас-Деменского райкома партии Станиславу Иосифовичу Макарову, ветерану сибирской бригады Лидии Ивановне Юндиной, генералу в отставке Петру Оскаровичу Бауману.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Жил до войны в Ново-Атыяловском сельсовете Ялуторовского района Тюменской области тракторист Шамсутдин Калгаманов. Любил он свои поля, и машину знал до тонкости. А еще увлекался музыкой — в округе поискать надо было другого такого скрипача. Ушел Шамсутдин на войну, оставив жену с маленьким сыном. И ни жена, ни мать, ни брат

Айзутдин в течение почти четверти века так и не знали, где и как погиб тракторист-музыкант... Очень удивился Айзутдин Калгаманов, когда получил письмо из Омска, с обратным адресом: «Дворец пионеров. Штаб красных следопытов». Читая письмо, разволновался, и вот уже в ответ летят строки:

«...Получили Ваше письмо и узнали из него, где и когда погиб мой брат Шамсутдин... Читали всей семьей. Грустно было вспоминать. И в то же время радостно, что память о брате живет не только в наших сердцах... Благодарим Вас за поиск, за сообщение.

Я тоже участвовал в войне, до самого ее конца. Хотелось мне побывать на могиле брата. И теперь это возможно — благодаря Вам».

Несколько слов из письма Анастасии Харитоновны Иващенко из Щербакульского района Омской области.

«Тяжело и больно вновь беречь раны сердца... И в то же время приятно сознавать, что о памяти моего дорогого сына Павлика еще кто-то заботится, что его могила не стала могилой неизвестного солдата...»

Александр Иванову Вершинину мы нашли в Волгограде и написали ей о подвиге ее сына Николая. И вот ответ, который нельзя читать без волнения.

«Дорогие дети! Получила Ваше письмо... Слезами облила каждую строчку. Не знаю, как и выразить Вам свою материнскую благодарность. В войну я потеряла обоих сыновей. Горя своего мне не выразить... Продолжайте свой благородный труд. Посылаю Вам фотографию Коленки. А. Кожуховская-Вершинина».

Идут и идут письма Омскому штабу красных следопытов. Это встречный поток — ответы на запросы и сообщения. Несут теперь письма из Омска радость людям.

Поиск продолжается!

Красные следопыты Омска.

ОРКЕСТР ГАЛИ ГАЛИМОВОЙ

Воспитанница детского дома Галя Галимова была запевалой всех увлекательных дел в школе-интернате № 5 Свердловска. Фестивали, соревнования, игры — везде участвовала она. Не хватало игрока в футбольной команде — выручала Галя, выходила на поле нападающим. Она-то и придумала создать духовой оркестр.

В оркестре все энтузиасты, все любят музыку, все с почтением относятся к своему организатору, первой трубе — Гале Галимовой. Правда, она уже учится на первом курсе машиностроительного техникума, но оркестр не оставляет.

Вторая труба — Юра Телегин. Это его главное увлечение.

На трубах играют Коля Потапов, старший из братьев Хохловых — Витя. Младшему — Коле больше по нраву валторна.

Два альты — Володя Степанов и Сережа Безводинских — люди серьезные, дисциплинированные и пользуются большим уважением товарищей. Зато Сережа Туров доставил своим друзьям немало хлопот: и занятия пропускал, и репетиции. Пришлось его перевоспитывать. Зато сейчас он — незаменимый барабанщик.

Баритон Сережа Обласов — один из лучших спортсменов школы. А самый младший в оркестре — тенор. Валерик Куклин.

В прошлом году Галя Галимова, Коля Потапов, Сережа Обласов и Витя Хохлов ездили на Всероссийский смотр пионерских духовых оркестров в пионерский лагерь «Орленок». Они играли в сводном оркестре свердловчан, который занял на смотре первое место.

П. КОРОБИЦЫН

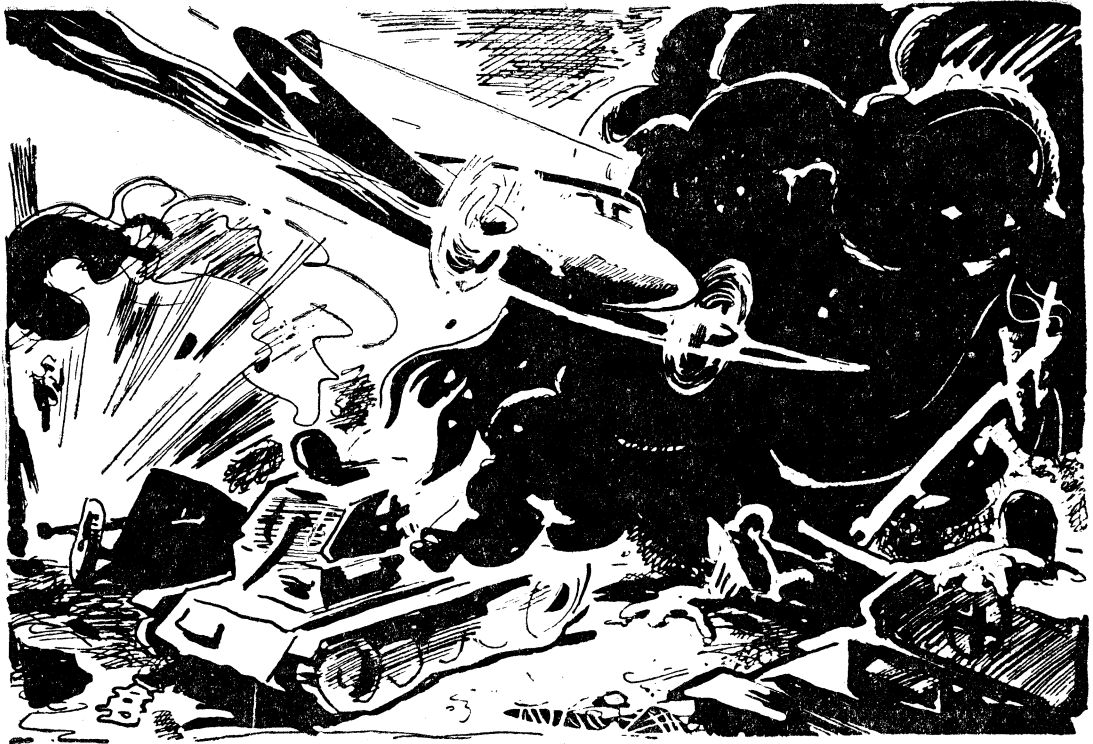

Дружные оркестранты — Юра Степанов, Юра Телегин, Витя Хохлов и Сережа Безводиских.

Репетирует тенор Валерий Куклин.

Младшему из Хохловых — Коле по душе валторна.

РАДИСТ ОГНЕННОГО БОМБАРДИРОВЩИКА

«Уральский следопыт» уже рассказывал о летчике капитане Гастелло и его боевых друзьях, совершивших бессмертный подвиг в начале Великой Отечественной войны. Этот очерк С. Захарова посвящен последнему — четвертому — члену экипажа, младшему сержанту Алексею Калинину.

В столовой авиагородка было шумно. Молодые авиаспециалисты — стрелки, мотористы, радисты — только что сдали последние экзамены.

Рослый младший сержант, сидевший за крайним столом, с упоением выстукивал хлебным ножом морзянку.

— Послушай, Алеша, — шутиливо толкнул его в бок курносый сосед, — говорят, повара нынче здорово постарались по случаю твоих успехов... Да перестань

барабанить! Или в рекордсмены-радисты готовишься?

— А почему бы и нет?

— Ха, тоже мне Кренкель нашелся!

— Товарищ младший сержант, — неожиданно раздался рядом голос, — ваша фамилия, кажется, Калинин? Да сидите, сидите...

Но младший сержант, увидев летчика с капитанскими шпалами на петлицах, быстро вскочил.

— Так точно! Калинин!

— Вы так выстукивали,— продолжал с улыбкой летчик,— что может позавидовать любой радист. Буду просить, чтобы вас направили ко мне, в четвертую эскадрилью. Не возражаете?

— Никак нет, товарищ капитан!

— Вот и хорошо. Фамилия моя Гастелло.

* * *

Одна из многочисленных рек, впадающих в Баренцево море, носит название Пеша. По преданиям, окрестили ее так раскольники, пришедшие сюда «пешим способом» еще в далекие петровские времена. Много горя пришлось хлебнуть переселенцам, чтобы выстоять в борьбе с суровой северной природой. Одни погибали в схватках с хищниками в снежной тундре в сорокаградусные морозы, другие тонули в морской пучине во время промыслов. Но те, кто выдюживал, становились закаленными, сильными людьми.

В селе Нижняя Пеша в 1919 году и родился Алексей Калинин. Отец его Александр Прокопьевич до призыва во флотский гвардейский экипаж батрачил в уездном городке Мезени у купцов Ружниковых, а когда отслужил действительную и возвратился домой, пошел в зятя к нижнепешскому рыбаку Николаю Алфимову. У бывшего матроса, что называется, не было и ломаного гроша в кармане, но Алфимов радовался: в семью пришел мастер на все руки.

Жили Калининны дружно. Алексей был самый младший и втайне завидовал брату Андрею, которого отец брал с собой в море.

Дом Калининных находился почти на самом берегу. Александр Прокопьевич поставил перед окнами девятиметровый флюгер, вокруг него соорудил скамейки. По праздникам сюда сходилась молодежь, начинались песни и пляски, а старики, усевшись на скамейках, попыхивая трубочками, заводили степенный разговор.

Вот здесь-то и было замечено, что «меньшой» Калинин обладает поразительным слухом. Он схватывал любую мелодию и быстро подбирал ее на балалайке.

— Учить сына, Прокопыч, надо!— советовали соседи.— Обязательно учить! Грешно таланты в землю зарывать.

— Спасибо на добром слове,— гово-

рил в ответ рыбак.— Да вот как это сделать? Чай, сами знаете, в селе-то школы нет, а везти парня на сторону— капиталов не хватает.

Постепенно в тундру приходила новая жизнь. Жители стали забывать о временах, когда урядник и купец считались полновластными хозяевами края. В 1926 году в Нижней Пеше была организована промысловая артель. Летом в устье проходили пароходы, доставляя из Архангельска хлеб, сахар, керосин, спички, а также газеты и книги. Однажды в селе появилась кинопередвижка. Незамысловатый фильм произвел на пешенцев впечатление настоящего чуда.

В эти же годы в Нижней Пеше была построена школа. А вскоре здесь произошло еще одно событие: на замерзшую реку, как раз напротив дома Калининных, неожиданно опустился самолет. Прилетел он из Нарьян-Мара, чтобы разведать место для будущей посадочной площадки.

Мальчишки и девчонки с радостными воплями прямо с крутого обрыва катились к реке. Вслед за ними бежали взрослые. Подивившись, они помогли летчику вбить в лед колья и привязать к ним самолет, чтобы не опрокинуло ветром.

Вечером в школе в честь воздушного гостя состоялся концерт. Вел его подросток Алексей Калинин. В этих делах Алеша был незаменим. Как-то после удачной путины Андрей купил ему у приезжего кооператора мандолину. Парнишка виртуозно научился играть, и ни один школьный праздник не обходился без него. Сначала юный музыкант выступал только сам, потом организовал небольшой струнный оркестр.

Летчику концерт понравился, особенно заключительный номер— авиамарш «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Ребята сыграли его с таким подъемом, что их вызывали на «бис».

Утром самолет поднялся в воздух. Мальчишки долго смотрели ему вслед, потом наперебой заговорили:

— Вот это летает! Поди, никакой птице не угнаться...

— А ты думал! Сто километров за час может пролететь.

— Ну уж...

— Сам летчик вчера говорил.

Один из мальчишек спросил у Алеши:

— Как ты думаешь, можно на таком аэроплане долететь до Москвы?

Тот, подумав, ответил:
— Можно. Лишь бы керосину хватило.

Летом Александр Прокопьевич брал Алешу на охоту, учил стрелять, ставить силки на птиц. За удачный выстрел шутило хвалили:

— Метко бьешь, как поп Алексеюшка!

О попе Алексеюшке Калинину-младшему приходилось слышать не раз. Еще до революции в Нижней Пеше появился попик. Видимо, был отправлен сюда духовным начальством за какую-то провинность. «Пастырю» так понравилась дикая здешняя природа, что он, забыв о своих обязанностях, неделями пропадал в тундре со старенькой берданкой. А после революции Алексеюшка, плюнув на сан, расстригся и стал профессиональным охотником. И нижнепешенцы искренне горевали, когда бывший поп замерз в тундре.

В 1935 году — в это время Алексей закончил семилетку — полным ходом шло освоение Северного морского пути. На берегах полярных морей и рек строились технические и продовольственные базы, метео- и радиостанции, оборудовались посадочные площадки для самолетов. На Волонгскую метеорологическую станцию и поступил работать Алексей. Он наблюдал за уровнем воды в реке, за силой ветра и осадками.

Через три года Алешу приняли в комсомол. В это время он уже заведовал клубом в Нижней Пеше.

Молодежь полюбила клуб. Особой популярностью пользовались оборонные кружки. Сам Алексей в числе первых сдал нормы и получил значки ГТО, ПВХО, Ворошиловского стрелка.

— Ты как адмирал при орденах! — сказал отец с нескрываемой гордостью. — Служить-то где собираешься — в сухопутных армиях либо на флоте?

— Это зависит не только от моего желания, — ответил сын. — Куда больше подойду, туда и пошлют.

Осенью 1938 года Алексея Калинина призвали в армию. В низовье реки, до парохода «Канин», его провожали на рыбацком боте брат Андрей и Шура Попкова. Девушка недавно приехала в Нижнюю Пешу, работала в отделении госбанка. И друзья невольно стали примечать, что Алеша слишком часто заглядывал в банк, а когда Шура появлялась в клубе, играл на баяне с каким-то особым подъемом.

«Канин» басовито загудел. Алексей стоял на корме и махал рукой Шуре и брату. Медленно проплывали берега с зелеными деревьями, серыми гранитными валунами. Все дальше и дальше назад уходили знакомые места. И вот в лицо ударил упругий соленый ветер.

Река кончилась. Пароход выходил в открытое море.

Николай Гастелло.

Анатолий Бурденюк

«Канин» доставил призывников в Архангельск, а через неделю поезда уносили их в разные концы страны.

Алексей оказался в одном эшелоне с Кокиным, товарищем по семилетке. Стоя в дверях теплушки, они с любопытством смотрели на незнакомые деревни, леса. Эшелон уходил на восток. На остановках друзья покупали газеты и принимались читать. В них сообщалось о разгроме польской армии немцами, о вступлении наших войск в Западную Украину и Западную Белоруссию.

Уже вскоре Алексея и Кокина зачислили в полковую школу связи, в подразделение радистов. Ребята были довольны: специальность радиста нужна везде — и в армии, и дома.

Вскоре началась война с белофиннами. Курсанты один за другим писали рапорты, прося об отправке на фронт. Просьбу Кокина начальник школы уважил, а Алексею сказал:

— Навоеваться еще успеете. Поучитесь пока.— И заметив, что курсант недоволен, добавил: — Вас, как отличника боевой и политической подготовки, скоро откомандируем в школу младших авиационных специалистов. Там люди с вашим слухом позарез нужны.

В авиационной школе Алексей продолжал с увлечением заниматься радиodelом, обучался воздушной стрельбе по наземным целям, прыгал с парашютом.

За короткое время надо было изучить очень многое.

И вот Алексея Калинина назначили стрелком-радистом в четвертую эскадрилью 207-го авиаполка. Начались учебные полеты вместе с Гастелло.

...Огромный бомбардировщик ДБ-3 летит над облаками. Гастелло достает планшет и смотрит на карту. «Пора передать на КП очередную радиogramму», — думает он про себя и, повернувшись к радисту, кивает. Алексей делает ответный знак рукой, наклоняется к передатчику. А Гастелло уже дает задание летчику-наблюдателю Бурденюку проверить и уточнить маршрут.

Вот-вот должен показаться «аэродром противника». Экипаж готовится к «бомбометанию».

— Аэродром под нами! — сообщает штурман.

Гастелло замечает искусно замаскированные деревянные макеты самолетов и, заходя на цель, приказывает Алексею:

— Передать остальным самолетам: разворот на сто восемьдесят градусов, курс держать на сброшенные «бомбы». Следить за воздухом!

«Бомбы» ложатся очень точно. Гастелло еще раз проходит над целью, и Алексей открывает по ней огонь из пулемета. Задание выполнено.

— Лучше сделать лишний заход, — говорит командир эскадрильи на разборе

Григорий Скоробогатый.

Алексей Калинин.

результатов вылета,— но ни одной бомбы нельзя тратить впустую. Очень важен и тактический маневр. Когда вы неожиданно снижаетесь перед ударом, у противника сдают нервы...

А вечером Гастелло и Алексей встречаются в клубе авиагородка. Командир эскадрильи и стрелок-радист играют на баяне. Правда, здесь первенство всегда остается за стрелком-радистом.

Ранним утром 22 июня сорок первого года 207-й полк был поднят по боевой тревоге. Выступая на митинге, Гастелло говорил:

— Что бы ни ждало нас впереди, мы все пройдем и выдержим. Никакой буре нас не сломить! Никакой силе не удержат! Фашистские бандиты будут уничтожены!

Эскадрилья вылетела бомбить узлы железных дорог, где скопилась живая сила и техника врага. Самолеты появились над целью в темноте. Бомбардировщик Гастелло, вырвавшись из-за облаков, пронесся над станцией, сбрасывая бомбы. Яркое пламя осветило окрестности. На земле горели цистерны с бензином, рвались снаряды.

Недалеко от станции обнаружили вражеский аэродром. Гитлеровцы, видимо, были уверены в полной безопасности и даже не погасили на летном поле огни. Гастелло подал команду, и эскадрилья, сделав небольшой доворот, сбросила оставшиеся бомбы. На аэродроме началась паника. Один истребитель успел подняться в воздух и попал в луч прожектора. Алексей поймал его в перекрестье прицела и дал пулеметную очередь. Истребитель задымил и пошел книзу.

На обратном пути эскадрилью атаковали появившиеся из-за облаков «мессершмитты». Однако они, не рассчитав скорость, проскочили далеко вперед. Этим воспользовались наши воздушные стрелки, и гитлеровские истребители быстро ретировались.

Во время этого ночного боя бомбардировщик Гастелло получил тяжелое повреждение. Алексей радировал на командный пункт полка:

«Говорит Роза... Говорит Роза... Имею два попадания... Лишился приема... Могу только передавать... Правый мотор не работает оборотов... Ранен штурман...»

Но произошло невозможное: на од-

ном моторе Гастелло довел и посадил на своем летном поле поврежденный самолет.

Как только бомбардировщик был отремонтирован, звено ДБ-3 получило новое задание: разбомбить на шоссе Молодечно—Радошковичи мотомеханизированную колонну противника, спешившую к Минску.

Новым членом экипажа стал адъютант полка лейтенант Григорий Скоробогатый.

— Будете люковым стрелком,— сказал ему Гастелло,— нашим «щитом».

Алексей устроился у верхней турели, Скоробогатый— у нижней.

— За воздухом следите внимательно! — наказал капитан.

...Звено появилось из-за поросших лесом холмов и обрушилось на врага. Ошеломленные гитлеровцы бросали горящие машины и разбегались. Но вскоре открыли огонь зенитки, замаскированные на опушке. Вокруг бомбардировщиков вспыхивали облачка разрывов.

Отбомбившись, звено повернуло на восток. Вдруг Алексей почувствовал толчок. Зенитный снаряд угодил в крыльевой топливный бак. Гастелло бросал самолет из стороны в сторону, пытаясь сбить пламя. Но огонь разгорался все сильнее, и капитан понял, что спасти бомбардировщик не удастся...

Что сказал Гастелло в эти минуты своим боевым товарищам— никто никогда не узнает. Огненные языки обжигали руки, лизали лица. Из пробитого бака лился горящий бензин, а машина неслась к пересечению шоссе с проселочной дорогой, туда, где находился враг. Николай Гастелло, Анатолий Бурденюк, Григорий Скоробогатый и Алексей Калинин ринулись в последнюю атаку. Вот сброшены две оставшиеся бомбы. Алексей Калинин и Григорий Скоробогатый расстреливали из пулеметов автомашины и тягачи. А через несколько секунд мощный, оглушительный взрыв потряс окрестность. Советский бомбардировщик врезался в самую гущу фашистской колонны...

* * *

Ежегодно пионерская дружина Нижнепешской средней школы в день рождения Алексея Калинина проводит сбор. В зал торжественно вносится подушечка с орденом Отечественной войны I степени, которым стрелок-радист был награжден посмертно.

ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ

Случай и в самом деле был особый. А вышло все так. Пятнадцатилетний паренек, которому в порядке исключения доверили трактор «Беларусь», прикатывал площадку зернотока.

Если после небольшого дождя разбухшую от влаги земляную площадку застелить соломой и несколько часов подряд прикатывать широкими тракторными колесами, то площадка, после того как с нее уберут солому, делается гладкой и твердой, словно покрытая асфальтом. И тогда на нее можно сыпать зерно, поступающее от комбайнов.

Паренек ездил, ездил по площадке, круг за кругом, круг за кругом, все быстрее и быстрее. Ему кричали:

— Не так быстро! Перевернешься!

Но хлопец, видимо, вообразил себя всадником на скаковой лошади. Круг за кругом, круг за кругом, еще быстрее, еще быстрее! Ветер свистит в ушах, оглушительно ревет мотор и хлопец не слышит, что ему кричат, видит только, как люди машут руками. Еще быстрее, еще быстрее!..

И трактор перевернулся. Трактор перевернулся, а хлопец погиб.

Отвечать за смерть юного тракториста пришлось главному инженеру совхоза. Его наказали, наказали крепко, но к уголовной ответственности не при-

влекли, и на этом «ЧП» закончилось. Минувшим летом по старой памяти я заглянул в Новониколаевку. Там у меня давние друзья — известная на весь район семья механизаторов Сиюгалеевых.

Лидия Григорьевна ничуть за эти два года не изменилась. Все такая же жизнерадостная и приветливая, все так же спокойно, уверенно, без излишней хлопотливости ведет она свои домашние дела. Только теперь у нее уже не три сына, а четыре. Младшему, Кольке, — два года.

— Тоже механизатором будет, — смеется мать, оттягивая Кольку от самовара: Колька все пытался отвернуть кран.

Двое старших сыновей и муж Лидии Григорьевны еще не вернулись с поля: убрали хлеб. Урожай был богатый, погода стояла сухая, и комбайны работали чуть не круглые сутки.

— А Ваня-то, небось, уже комбайнер? — спросил я.

Лидия Григорьевна вдруг погрузилась, со вздохом сообщила:

— Не повезло нынче моему Ванюшке. Сперва было дали комбайн. Не посмотрели, что хлопцу нет и шестнадцати. Директор как-то зимой сказал: «Ну, Ванюшка, вот закончишь курсы трактористов, потом курсы комбайнеров, сдашь экзамен на шофера — и тогда будешь ты у нас механизатором широкого профиля». Мой Ванюшка и рад стараться: весной сдал на тракториста, летом — на комбайнера...

— Ну и что?

— Да как же: неделю поработал — отобрали комбайн, — она вдруг сбавила тон и сказала с горечью: — Несчастье у нас произошло. Ванюшкин одноклассник на тракторе убился... Тоже несовершеннолетний... Отец ходил к главному инженеру, просил за Ванюшку. Венадий Николаевич даже и слушать не стал: у меня, говорит, не две головы...

Я не знал, что это случилось с Ваниным одноклассником.

— По-моему, главный инженер прав, — высказал я Лидии Григорьевне свое мнение. — Если бы еще и с Ваней что-нибудь, не дай бог, случилось, тогда Венадию Николаевичу и впрямь головы не носить.

И тут Лидия Григорьевна обиделась:

— Да ведь он же моего Ванюшку знает как облупленного! Ничего такого с моим Ванюшкой не может быть.

Я удивился: Лидия Григорьевна и мысли не допускала, что ее Ванюшка способен на баловство. И все другие люди, по ее мнению, должны были так же рассуждать.

— Чего уж там говорить — несправедливо с моим хлопцем поступили, — махнула она рукой и вдруг, сверкнув белозубой улыбкой, вся так и просияв, стала рассказывать, как рад и горд был ее Ванюшка, когда ему доверили самостоятельно работать на комбайне: «Ну, мама, говорит, буду теперь механизатором. Не пойду осенью в девятый класс». Я и отговаривать не стала — все равно бесполезно. Пускай, думаю, поработает годик-другой, узнает, почему фунт лиха. И вот они у меня все трое — отец, Слава и он — выехали в поле горох косить! Каждый на своем комбайне — ну, надо было видеть Ванюшку, такой он счастливый сидел за рулем!.. И так у них сразу все хорошо пошло. Горох, ведь, как поляжет, — с ним трудно. Бывает, что и опытные комбайнеры по несколько дней нестраиваются, а у Ванюшки сразу все хорошо! Приходит вечером: «Мама, я норму выполнил!..» И так весь горох убрали — для парня праздник. А пришло время пшеницу убирать, вдруг появился мой Ванюшка среди дня домой, лег на диван и молчит. «Ты чего?» Молчит. Встал, пошел в сарай. Я за ним. «Ну скажи, сынок, что случилось?» Молчит. Сел на бревно, голову обхватил руками. Лица не видно, только вдруг плечи затряслись, и слезы такие крупные, прямо как тот самый горох, — закапали. Потом немного успокоился. Пожаловался: «Отец слова не мог сказать инженеру... Знает ведь, что я умею работать!..» А отец-то в это время как раз был у главного инженера...

Я попытался представить себя на месте Венадия Николаевича, совхозного инженера: как бы я сам поступил?

С одной стороны — инструкция, которая категорически запрещает допускать несовершеннолетних к самостоятельной работе на машинах. С другой — тот роковой случай... Верно: особый случай. Но потом, поди, кому-то там доказывай, что это действительно был особый случай. Тебя и слушать не станут. Не положено — и все тут.

Конечно, и со взрослым человеком, с опытным механизатором может произойти несчастье. Но взрослый подпи-

шется под инструкцией по технике безопасности — и потом уже сам за себя отвечает. На детей такой порядок не распространяется. Подписал Ваня инструкцию или не подписал — все равно отвечает за него взрослый, который своей властью допустил его к работе.

Лидия Григорьевна не согласилась со мной.

— Дети тоже бывают разные. Иной и в двадцать лет ровно как сосунок еще. А у нас в семье все с самых малых лет к работе приставлены. Нет, несправедливо обошелся Венадий Николаевич с Ванюшкой.

— Да разве...

Но Лидия Григорьевна меня не слушала.

— Сама-то я не старше Вани была, когда в начале войны, после семилетки, села на трактор. Сперва отцу помогала. Я ведь способная, живо переняла у него механизаторскую науку. Отец всегда на хорошем счету был. Иной тракторист больше простаивает из-за поломок, чем работает: то одно, то другое — тогда ведь техника была не то, что теперь. И бегают, бегают тот тракторист в мастерскую за запасными частями. А мой отец редко когда с мастерской дело имел: вовремя углядит в своем тракторе слабое место, что-то там подкрутит, подклепает, смажет — ходит трактор хоть бы что!.. И я так же работала. Никаких аварий не знала. Потом, когда замуж вышла, Алексей Карпович, муж мой, переманил меня к себе на комбайн. Пятнадцать лет проработала с ним. Пятнадцать урожаев убрала. Почему же я могла работать, а Ваня — не может?

— Тогда время другое было. В войну все дети быстрее выросли.

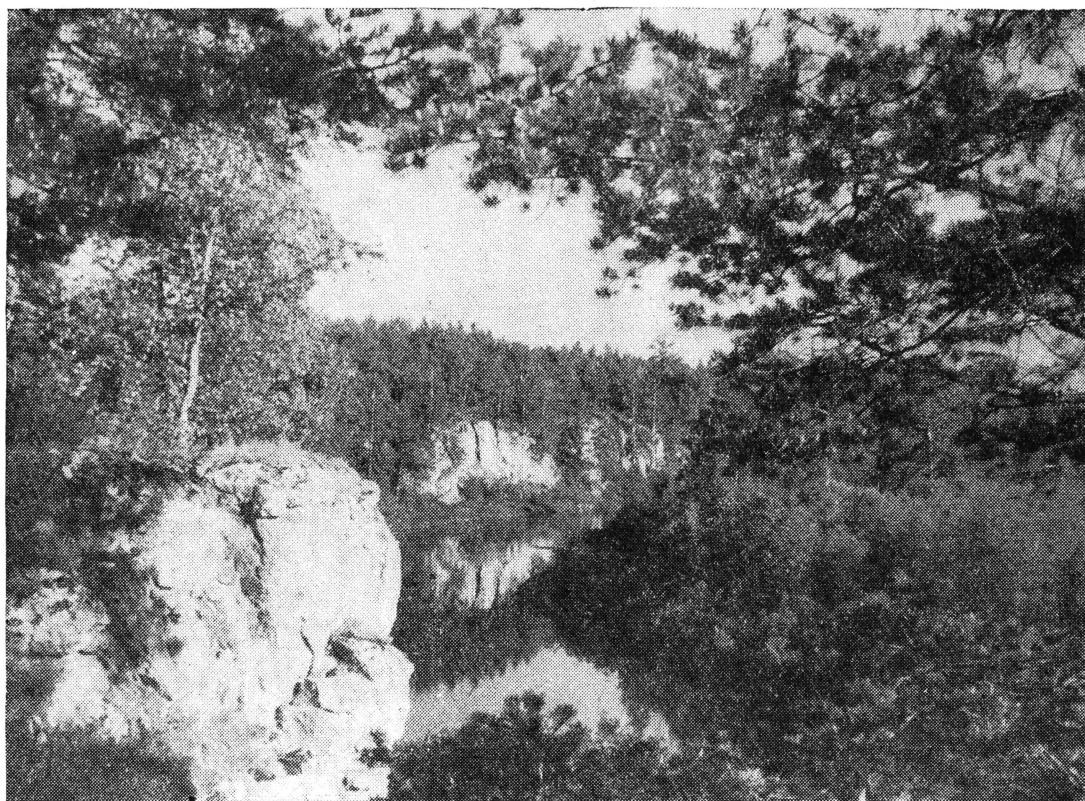
— Это, пожалуй, верно, — согласилась Лидия Григорьевна и тут же опять за свое принялась: — Я же не про всех — про своих только детей вам говорю! Ну, вот хоть Славу возьмите, — и она стала рассказывать мне, как ее старший сын сделался комбайнером.

Я осторожно напомнил Лидии Григорьевне ее же собственные слова о том, что Ваня не похож на старшего брата. Два с лишним года назад она сама мне говорила, что Ваня, в противоположность Славе, предпочитает бегать со сверстниками по улице, играть в войну, гонять собак. Я напомнил Лидии Гри-

горьевне и такой рассказанный ею эпизод: однажды Ваня сел на мотоцикл и укатил на Урал рыбачить. И заночевал на берегу. А дома мать переживала за него, всю ночь ни на минуту глаз не сомкнула.

— Это так,— согласилась со мной Лидия Григорьевна.— Ванюшка мой и напроказить может, и номер какой-нибудь иной раз выкинет. Но только не на работе,— и она снова повторила: — К работе у нас в семье каждый приучен,— она произнесла это с гордостью. — Вот хоть недавний случай возьмите. Я на зорьке встала, смотрю: Ваня сидит на кухне, чистит ружье. «Уток, мама, хочу пострелять». А сам с работы в двенадцатом часу приехал и в семь ему опять в поле, на комбайн. Пошел, пострелял уток, а потом весь день — с семи утра и до одиннадцати — на комбайне работал. Я у мужа потихоньку спросила: «Ты хоть дал, говорю, ему днем немного соснуть?» — «Да он, гово-

рит, не захотел уходить с комбайна». Вот и возьмите этого Ванюшку! Я ведь вам рассказывала, как мы с ним вдвоем работали на комбайне?.. В шестьдесят третьем году мы надумали купить машину — двух-то мотоциклов мало оказалось для такой семьи — ну, я и решила, чтоб денег подзаработать, снова пойти на комбайн, хлеб убирать (я с пятьдесят девятого года детскими яслями заведовала). «Ванюшку, говорю, в помощники себе возьму». Так, в шутку сказала: какой, думаю, из него еще помощник! А он всерьез понял! Встаю утром корову доить — еще и пяти не было, — смотрю: на диване моего Ванюшки нет! Пошла на кухню, а он там сидит в одних трусах. Подпер голову рукой — не то дремлет, не то думает о чем-то. Спрашиваю: «Ты чего это, Ванюшка, не спишь?» Он голову поднял, захолопал ресницами и спрашивает: «Ты, мам, правда на комбайне будешь работать?» — «Правда». — «И меня в помощники возьмешь?» —

УРАЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

Фото Н. Верзилова

«Ну кого же еще, кроме тебя». Тогда он и говорит: «Мам, люди в поле выезжают, а нам еще комбайн ремонтировать надо». — «Ничего, сынок, успеем», — отвечаю я ему, а сама думаю: легко сказать — отремонтировать, столько лет инструмента в руках не держала.

Днем зашла в мастерскую, к брату Сергею: «Ванюшка-то мой ночь не спал...» Он мне сразу показал на комбайн: «Бери, отремонтируй». Главврач тоже про ремонт заговорил: в яслях надо печи перекласть, стены подмазать, дров на зиму заготовить. «Управишься за неделю — так и быть, отпущу на комбайн». Я к Славе: «Что делать? Некогда мне комбайном-то заниматься, а Ванюшка надеется...» Слава засмеялся: «Не беспокойся, мама, Ванька сам все сделает!» — «Да он же не знает ничего!» — «Знает, — успокоил меня Слава. — В прошлом году, когда мы с дедом ремонтировались, он все время возле нас вертелся, помогал. Он, мама, и комбайн знает, и трактор...»

Лидия Григорьевна ходила по дому, собирала на стол, поглядывала на печь, а рассказ о Ване шел сам собой.

Как Слава сказал, так и вышло: Ваня сам отремонтировал комбайн. Правда, не без помощи деда и старшего брата. Снимет Ваня головку блока и бежит к деду: «Деда, пойдут эти клапана?» Тот посмотрит, скажет свое слово, и Ванюшка опять к комбайну.

На восьмой день ремонта Ваня собрал двигатель и попробовал его запустить. Не завелся. Пришлось опять деда звать на помощь. Дед велел снять головку блока. Глянул в цилиндры, пальцем попробовал внутри. «Э, да у тебя там вода! Ты, видно, плохо затянул болты». Ваня поставил новую прокладку, надел головку, и дед показал ему, как надо затягивать болты: от середины к краям. Ваня так и сделал. Но перед тем, как снова запускать двигатель, все же позвал деда: «Погляди, все ли так, как надо».

На этот раз мотор завелся и заработал ровно и сильно.

Потом они вдвоем со Славой поставили подборщик. А мать, закончив ремонт яслей, пришла и ахнула:

— Ванюшка, да ведь я с подборщиком никогда не работала!

Ванюшка только глазенками своими черными знай помигивает.

— Ничего, мама, как-нибудь...

И вот однажды рано утром Ваня выкатил со двора мотоцикл, и они с матерью поехали в поле, на свою загонку, где уже стоял комбайн. Следом за ними, на другом мотоцикле, Слава вез деда. А отец пошел пешком.

— Догоняй, папа! — крикнул Ваня. — Вот заработаем денег — купим машину!..

В этот первый день не обошлось без приключений. Только заехали на валок, как забарахлил подборщик, стал пружинами «землю хватать».

Ваня слез, осмотрел пружины и сказал совсем по-взрослому:

— Подтянуть надо.

Подтянули пружины, и подборщик пошел.

Когда бункер наполнился зерном, Ваня по сигналу шоферу.

Через некоторое время подошла другая машина, потом еще, еще... И вдруг случилась беда. Шофер подвел машину так неловко, что своротил напроць выгрузной шнек.

— Давай, мама, снимем его. У дяди Сережи в мастерской есть запасные, я видел...

На той же машине Ваня минут через двадцать вернулся с новым шнеком.

— ...Через полчаса мы его поставили, — продолжала рассказывать Лидия Григорьевна. — Потом все гладко пошло. И вдруг слышу, Ванюшка меня окликает: «Мам!» — «Ну, что?» — «Дай за штурвалом постоять». Дала. Уж так доволен был! А когда стемнело, я его до дому зову: «Отец-то уже, гляди, остановил свой комбайн». Но Ванюшка тут меня упрощивает: «Давай, мам, еще немного поработаем. У нас ведь мотоцикл, мы с тобой мигом до дому доберемся». — «Ну, давай!» — говорю. И еще часа два мы с ним работали — самыми последними с поля уехали... Так мой Ваня и стал комбайнером.

А на другой год его взял себе в помощники отец. Поначалу Ваня был доволен.

Но вдруг однажды говорит мне:

— Не буду с папкой работать! Не доверяет он мне...

Поговорила с мужем:

— Ничего с твоим комбайном не делается, если парень и поводит его немного.

Гляжу, — хмурится, отворачивается. А все же дал комбайн Ване. С поля Ваня вернулся веселый.

— Мам, я сегодня сам до обеда работал!

А вскоре понадобилось отцу срочно поехать в город, и Ваня весь день остался за комбайнера.

— Как дела, сынок? — спросил вечером отец.

Ваня ответил, не моргнув глазом:

— А что дела? В порядке.

Лидия Григорьевна так и не убедила меня в том, что с ее Ванюшей обошлись несправедливо. И все же какой-то червячок сомнения шевелился: ну разве он виноват в том, что ему до шестнадцати лет не хватает всего каких-нибудь пяти месяцев!

...Я стоял на току. Одна за другой подходили сюда машины от комбайнов, и рабочие выгружали зерно из кузовов в длинные островерхние бурты.

Из пыльной завесы вдруг вынырнул мотоцикл и остановился возле весовой будки. Мотоциклист был смугл, как цыганенок, невысок ростом и щупл. Я узнал Ваню Сиюгалева. Он опять работал на комбайне, помощником у отца. Как в прошлом году. Мастер, переведенный в подмастерья...

— Что Ваня? — спросил я, заметив, как беспокойно забегали его глаза по всему току.

Оказывается, у автомашины, которая возила зерно от их комбайна, сломалась рессора. И комбайн вот-вот остановится с полным бункером.

Увидев заведующего током, Ваня припустил к нему. Потом они вместе подошли к одной из стоявших под разгрузкой машин, и заведующий что-то сказал шоферу. Тот кивнул.

— Как работается? — спросил я у Вани, когда он вернулся.

— Ничего, — тихо сказал он, глядя в сторону.

— Норма идет?

— Идет.

Мне хотелось сделать для него что-нибудь приятное, и я сказал:

— Возьми меня, Ваня, с собой в поле. Я погляжу, как ты управляешь комбайном.

Ваня хлопнул большущими черными ресницами. Раз, другой...

— Я ведь не комбайнер, — совсем тихо произнес он.

— Одолжи у отца, и мы с тобой поработаем.

Ваня с готовностью кивнул и, вскочив на мотоцикл, помчался в поле, а я сел в кабину самосвала.

Сперва самосвал подъехал к комбайну, на котором работал Слава, и взял у него из бункера зерно.

На противоположной стороне поля я увидел другой комбайн. От него уже отошла машина, но комбайн не двигался с места.

— Что они там, уснули? — недоумевал Слава.

А произошло вот что. Пока Ваня ездил на ток, Алексей Карпович по ошибке — уже смеркалось, и было плохо видно — заехал не на тот валок. Сдавая комбайн назад, он не посмотрел, хорошо ли захлопнуто днище копнителя. Когда комбайн пошел задним ходом, зубья воткнулись в землю и днище вылетело.

Алексей Карпович, Ваня и Слава со своим помощником — я тоже им помогал — попытались вставить днище на прежнее место, но ничего не получилось.

Ваня, смотрю, совсем приуныл. Вот уж действительно не везет парню.

Подошел еще один комбайнер.

— Это у всех комбайнов так, — сказал он. — Днища часто не закрываются. Я каждый раз, когда надо назад сдавать, слезаю с комбайна и смотрю: захлопнуто ли?

Никто ни слова не сказал о том, что, может быть, тут и Алексея Карповича есть вина, что и он, может быть, не досмотрел. А ведь и верно: не досмотрел.

Я подумал: если бы вместо Алексея Карповича за рулем комбайна в этот момент сидел Ваня? Наверняка кто-нибудь проехался бы насчет его неполных шестнадцати лет: «Вот ведь как доверять технику детям!»

Может быть и никто не сказал бы так. Но эта мысль, пришедшая вдруг мне в голову, заставила меня иначе взглянуть на наш спор с Лидией Григорьевной.

Не знаю, как бы я сам поступил на месте совхозного инженера, но в том, что с Ваней обошлись несправедливо, что его обидели незаслуженно, я больше не сомневался.

Природу мало любить. Нужно заботиться о ней, беречь. А для этого надо по-хозяйски знать ее богатства. Институт экологии растений и животных Уральского филиала Академии наук СССР предлагает несложные задания, которые могут выполнить следопытские отряды летом. А помощь от этого будет большая.

Отметьте, где находятся гнезда крупных хищных птиц (орлов, орланов). Когда свиты они? Узнайте, каждый ли год птицы выводят в них птенцов? (Но гнезда не разорять!);

в степях Южного Урала и Зауралья найдите поселения сурков. Где? Расспросите, давно ли существуют поселения? Сколько в них, примерно, зверей?

встречали ли вы скопления летучих мышей? Где они расположены: в дуплах деревьев, на чердаках, за обшивкой стен пустующих зданий, в пещерах? Примерное количество животных;

где находятся колонии грачей? Узнайте, когда возникли? Сколько в колонии гнезд;

запишите случаи встреч со зверями, введенными на Урал для обогащения местной фауны: бобры, выхухоли, маралы, пятнистые олени, американские норки, енотовидные собаки;

отметьте появление новых, не обитавших ранее в вашей местности видов птиц, зверей и других животных (где? когда? количество);

большой научный интерес представляют наблюдения за массовыми перекочевками животных: белок, лосей, косуль, куропаток, тетеревей... Когда началась и когда закончилась миграция? В каком направлении двигались животные? Их примерная численность? Встречались ли лавшие?

разузайте о годах

«мышьиной напасти»: полевков, мышей, крыс, хомяков. Когда отмечена такая вспышка вредителей? Как долго она длилась? Какие последствия?

если вы встретили кости ископаемых животных, ни в коем случае сами никакие раскопки не производите, только опишите место;

большую помощь могут оказать следопыты при маркировке (мечение, кольцевание) некоторых зверей: белок, зайцев и других. Желая ознакомиться с методом маркировки просим обратиться в наш институт;

соберите гербарий древесных, кустарниковых и травянистых растений, а также мхов, лишайников и грибов с точным указанием места и времени сбора. Наибольший интерес представляют высокогорные и степные районы и скалы;

проведите в походе фенологические наблюдения над наиболее распространенными растениями в различных районах Урала. Особое внимание обратите на высокогорные районы;

узнайте, какова урожайность древесно-кустарниковых растений: кедр, сосна, ель, пихта, дуб, липа, шиповник, смородина, вишня, малина, черемуха, жимолость, и ягодных: клюква, голубика, черника, земляника, морошка. Полезно установить, при каких условиях наблюдаются наивысшие урожаи и как они изменяются по годам;

отметьте время, когда появляются съедобные грибы, расспросите местных жителей, как изменяется урожайность грибов в зависимости от условий;

организуите зеленые патрули для охраны растений в районах новостроек, горных выработок и местах прокладки газопроводов; возьмите под надзор наиболее старые и мощные деревья;

разыщите участки, где хорошо сохранились стволы и пни давно отмерших древесных растений: в торфяниках, на дне озер, в поймах рек, в слое вечной мерзлоты; зарегистрируйте места самопрививок одного вида дерева на другом, например, кедр на сосне;

найдите по пути красиво цветущие травянистые растения. Если удастся, установите время их цветения, составьте гербарий;

очень хорошо, если следопыты соберут семена древесных, кустарниковых и травянистых растений, укажут время и места сбора. Количество — 50—100 штук каждого вида. Семена пришлите в Ботанический сад УФАНА;

проведите опыты на пришкольных участках и газонах по окультуриванию новых дикорастущих растений. Особое внимание обратите на купальницу европейскую, чину весеннюю, лилию кудреватую (саранка), поповник обыкновенный. Первые два вида лучше всего пересаживать.

Задание составлено: доктором биологических наук В. Н. Павлиным, кандидатом биологических наук С. Г. Шиятовым, научным сотрудником З. Д. Зайцевой. Все материалы и запросы посылайте по адресу: Свердловск, 8, ул. 8 Марта, 202. Институт экологии растений и животных Уральского филиала Академии наук СССР.

Вот и снова наступило лето — пора походов, поисков, открытий. Снова тысячи отряженных следопытов отправятся на поиски новых подземных кладовых.

Тысячи! А когда-то, еще в 1930—1940 годах, их были единицы. И вполне понятным был тогда призыв выдающегося советского ученого академика А. Е. Ферсмана к пионерам и комсомольцам.

Недавно вдова академика — Е. М. Ферман — обнаружила эту неопубликованную рукопись в архиве и вспомнила ее историю. Весной 1941 года редакция отрывного «Календаря школьника» обратилась к А. Е. Ферману с просьбой написать что-либо для одного из отрывных листочков «Календаря» на 1942 год. Академик охотно откликнулся на это предложение и уже через несколько дней направил в редакцию рукопись. Однако ей не удалось увидеть свет, как и календарю, для которого она предназначалась: началась Великая Отечественная война и издание это прекратилось.

Екатерина Матвеевна Ферман передала найденную рукопись «Уральскому следопыту». Мы печатаем ее в надежде, что слова выдающегося ученого, обращенные к молодежи сороковых годов, будут интересны и современному ее поколению.

А. Е. Ферман (слева) в Свердловске.

ЗА НЕДРА!

Незадолго до своей смерти (в 1765 году) наш знаменитый ученый Михайло Ломоносов писал: «Сыскал я легкий и краткий способ, которым в один год приобрести можно знание о минералах нашего отечества. Для чего имеем мы многие тысячи рудоискателей — каждый сильнее тысячи саксонцев! Рудоискателями называю я детей малых, особливо — крестьянских, кои, играя по берегам рек, собирают разные камешки. Сию забаву в великую государственную пользу легко можно обратить...»

Тогда призыв Михайлы Ломоносова не мог иметь успеха; и только сейчас перед советскими пионерами и комсомольцами открываются огромные возможности искать и находить новые полезные ископаемые — быть полезным социалистической стройке нашей страны.

Как много интересных минералов можно найти еще в диких местах наших горных хребтов, по обрывам рек, на крутых берегах морей и озер! Но не думайте, что нет интересных полезных минералов и пород там, где сплошные леса или поля покрывают поверхность земли. Присмотритесь внимательно, и вы найдете и там много интересного. То плуг выпашет на поле какие-то камни, которые колхозники сложат по краям вспаханной полосы, то для постройки дороги добудут камень на берегах речонки, то бурелом вывернет с корнями дерево и обнажит горные породы; даже в болотах, в торфяниках и озерах образуются новые полезные ископаемые. Сумей только их подметить! Собери их внимательно, опиши, как и где нашел, и пошли их геологам; они определят и ответят, что дальше делать с находкой.

Недаром Михайло Ломоносов писал:

«В пространной нашей державе неоцененные сокровища лежат потаенны и только искусных рук ожидают...»

Академик А. Е. ФЕРСМАН

«Уральская жизнь»

Екатеринбург

7 июня. Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Петроград. Выступивший на съезде Ленин заявляет, что партия большевиков готова взять власть... В дальнейшей речи развивает теорию необходимости немедленного захвата власти и земли. Ленин критикует позицию правительства социалистов по отношению к войне. Призыв

Керенского к наступлению называется изменой интересам международного социализма.

«Заря народоправства»

Камышлов

20 июня. Планы германцев на русском фронте. По слухам из авторитетных источников «Русское слово» сообщает, что германское верховное командование создало приказ о приостановке переброски немецких войск с русского фронта на англо-французский. Надежда на заключение сепаратного мира покинула германцев и, по признанию их главной квартиры, настал самый благоприятный момент нанести России полное поражение, ввиду полной дезорганизации русской армии.

29 июня. Приложение к «Заре народоправства». Сколько стоил царь народу? На со-

держание дворцов и дворцовых слуг в Петрограде тратилось 1.117.000 рублей — целых три уезда на эти деньги может обзавестись бесплатными благоустроенными лечебными заведениями, при которых не страшны никакие повальные болезни.

На содержание дворцов в Гатчине и Москве, почти всегда пустовавших, уходило 1.144.000 рублей, — этих денег хватило бы на покупку типографин, бумагу и наем умных людей, для того, чтобы в целой губернии каждый желающий мог за 5—10 копеек приобрести книжку, где толково описывалось, как вести сельское хозяйство и как ведут его за границей.

На императорские театры, где царь и его семья боялись показываться, тратилось 5.045.000 рублей. Вместо 4—5 императорских театров можно в каждом губернском городе построить по гимназии, где сыновья крестьян и рабочих могли бы получить такое же образование, как и дети состоятельных родителей.

ХУДОЖНИК ГРАЖДАНСТВЕННОЙ ТЕМЫ

От Березовска до Свердловска дорога не дальняя, полчаса езды автобусом. Однако в трудные военные годы автобусы не ходили, а пешеходу, да в непогоду, — путь не близок. И видно уж очень важное было дело у коренастого березовского мальчишки, если не были ему преградой ни метели, ни морозы, если упрямо мерили дорожные километры его крепкие ноги.

Так начал свой путь в искусство известный художник Геннадий Сидорович Мосин.

Это он пятнадцатилетним подростком целых два года ходил на занятия из Березовска в Свердловск, в художественное училище. Потом была Ленинградская академия художеств, долгие часы раздумий перед картинами великих мастеров.

В 1957 году Геннадий Сидорович вернулся в родные края и с увлечением отдался творческой работе. Он делает росписи по сказам Вазова, пишет небольшую картину «Павлик Морозов», а в 1959 году на выставке «Урал» появляется его полотно «Похороны жертв революции».

Эта картина была творческой удачей художника. Искусство Урала обрело большого мастера, способного решать сложные гражданственные темы.

Картина «1918-й» написана Геннадием Мосиным в соавторстве с художником Михаилом Брусловским. Авторы по-новому, романтично и возвышенно показали события грозного 1918 года. Глядя на картину, кажется, слышишь ленинский голос, его призыв.

Картина писалась долго и трудно. Многие переписывались неоднократно.

Уже готовую картину художники отвернули к стене и... написали на новом холсте другую. Звучная, романтическая, впервые появившись на выставке «Урал социалистический», она многих покорила, но и вызвала горя-

чие споры. Успех ожидал картину в Москве на всесоюзной выставке «На страже мира» и в Италии на выставке «Биеннале-ди-Венеция 1966 г.», где она в числе немногих произведений достойно представляла искусство Советского Союза.

Геннадий Мосин — художник ищущий. В каждом произведении он находит свой язык, который бы максимально выразил главную идею, ради которой и ведется этот поиск. Примером такого поиска могут служить произведения, репродукции которых помещены на цветной вкладке в этом номере.

Портрет Алексея Кубышкина — героя Итальянского Сопротивления, ныне работающего бурильщиком на Березовском заводе «Стройконструкция» под Свердловском. На первом плане крупно дана фигура Кубышкина, написанная подчеркнуто реалистически и обыденно. Вторым планом (как клейма на древнерусских иконах) развернуты сцены подвига. Образ героя неожиданно глубоко раскрывается через сопоставление этих планов. Портрет конкретного человека перерастает в своеобразную историческую картину, переступающую о времени смертельной схватки с фашизмом.

Абсолютно в другом ключе создает Геннадий Мосин портрет своего близкого друга художника Виталия Волочича. Он изображает его в мастерской. Фигура лаконична и выразительна. Изображенная на стене театральная реклама помогает проникнуть в сложный мир художника.

Эти произведения еще ждут встречи со зрителем, и я уверен, что встреча эта будет интересной.

**Н. ЧЕСНOKОВ,
художник**

„НА УФУ ВЕДЕТ

ЧАПАЕВ

КРАСНЫЕ ПОЛКИ...“

Чапаевцы рассказывают...

Александр Илларионович Бантиков, бывший командир пулеметного взвода 217-го Пугачевского полка

Чапаевская дивизия почти не выходила из боев, наступая в составе Южной группы войск. Особенно упорные бои нам пришлось вести за Бугульму. Они начались 9 мая и продолжались три дня. В этих боях были разгромлены лучшие белогвардейские части. В наши руки попали богатые трофеи.

После поражения корпуса генерала Каппеля под Белебеем колчаковцы отступили за реку Белую. Линия фронта вплотную подошла к Уфе.

25 мая 1919 года началась Уфимская операция. Обращаясь к войскам, командующий Южной группой М. В. Фрунзе говорил:

«России труда пора кончать борьбу с упорным врагом. Пора одним грозным ударом убить все надежды прислужников мира капитала и угнетения на возможность возврата старых порядков... Бросая вас нынче вновь в наступление, я хочу напомнить о том, что вы им решаете окончательно спор труда с капиталом, черной кости с костью белой, мира равенства и справедливости с миром угнетения и эксплуатации. В этой великой, святой борьбе рабоче-крестьянская Россия вправе требовать от каждого из своих детей полного исполнения своего долга. И этот долг мы исполним!

Наш первый этап — Уфа, последний — Сибирь, освобожденная от Колчака. Смело вперед!»

Белогвардейцы делали все, чтобы отразить наступление советских частей. Железнодорожный мост под Уфой был взорван, переправы через Белую уничтожены. Вдоль берега тянулись окопы с проволочными заграждениями вплоть до Красного Яра, где в ночь с 7 на 8 июня начала переправляться наша дивизия.

Место для переправы было выбрано очень удачно: здесь река делает широкую петлю и образует полуостров, поросший густым кустарником и деревьями. Это помогло передовым подразделениям скрытно подойти к противнику.

Утром 8 июня Пугачевский полк и другие части дивизии форсировали реку и с ходу вступили в бой. Над переправой появились вражеские аэропланы. Сверху полетели бомбы, застрочили пулеметы. Во время налета чуть не погибли В. И. Чапаев и М. В. Фрунзе. Начдива ранило в голову пулей. Разорвавшаяся бомба разнесла на куски лошадь командующего, а сам он был отброшен взрывной волной.

9 июня, после того, как потерпела крах «психическая» атака каппелевцев, мне приказали пробраться с пулеметным взводом на окраину Уфы и ударить по белым с тыла. Мы замаскировались в густой траве и стали ждать. Через некоторое время показались группы бегущих белогвардейцев.

Огонь наших «максимов» косил отступающих. Они метались, ища спасения. А справа и слева уже неслось раскатистое «ура».

Чапаевцы ворвались в Уфу.

Пулеметчики Пугачевского полка. 1919 г.

Степан Иванович Ермилов, бывший командир батальона 220-го Иваново-Вознесенского полка.

Колчаковцы, видимо, предполагали, что мы будем наступать на Уфу в лоб, и с таким расчетом строили свою оборону. Но Чапаев перехитрил белых.

Оставив перед Уфой заслон из бригады Потапова, он перебросил полки под Красный Яр.

Наш батальон получил приказ: переправиться через Белую, снять охранение противника и занять плацдарм. Командир бригады Кутяков предупредил, что бой за плацдарм предстоит тяжелый, но приказ надо выполнить любой ценой.

Вечером 7-го июня на катере, захваченном у белых, я отправил на противоположный берег разведку, а батальон оврагом подвел к реке. Колчаковцы были застигнуты врасплох. Разведчики быстро уничтожили передовое охранение и дали сигнал батальону.

Мы переправились и, отбивая яростные атаки опомнившегося врага, закрепились на правом берегу.

Переправа дивизии была обеспечена.

34 8-го июня наш Иваново-Вознесенский полк начал наступление на деревню Но-

вые Турбаслы, а Разинский — на село Александровку. Противник то и дело переходил в контратаки, но каждый раз откатывался с большими потерями. У нас уже кончались боеприпасы, а белые бросали в бой все новые и новые силы. Отдельные наши подразделения начали отходить.

И вот в этот критический момент верхом на коне появился Фрунзе.

— Товарищи! Победа близка! — крикнул он. — Вперед, в штыки!

Положение было восстановлено. Бойцы лавиной устремились в штыковую.

Враг дрогнул, попятился. Наши батареи обрушили на него ураганный огонь. Вскоре отступление белых превратилось в паническое бегство.

Мы заняли Новые и Старые Турбаслы и стали готовиться к решающему бою за Уфу, который развернулся на следующий день.

9 июня, рано утром, колчаковцы начали новые атаки, стремясь сбросить нас в Белую. Но мы еще ночью узнали о намерениях противника от одного из уфимских рабочих и встретили врага шквальным огнем.

В этот день колчаковцы только убитыми потеряли около трех тысяч человек и откатились далеко за Уфу.

Два кубка

— *Пиастры, пиастры,
пиастры!..*

Р. Стивенсон. Остров сокровищ.

СКА-
ЗАНИЕ
О
ГРАДЕ
НОВО-
КИТЕЖЕ

Роман приключений

Рисунки С. Киприна

Начало см. №№ 2, 3, 4, 5 за 1967 год.

3*

Братчик вытащил из поставца серебряную чашу, большую низкую чашу с носиком, налитую до краев темно-красной густой жидкостью, и два небольших серебряных кубка. Он наполнил кубки, и в комнате запахло медом.

— Мед вишневый, ставленный, что наши предки на пирах пили. В старину живали деды веселей своих внучат! Я предлагаю... — Он помолчал, подняв кубок. — Я предлагаю выпить за наш будущий союз. За дружбу до гроба!

— Пить подождем, — отодвинул Косаговский кубок. — Сначала о деле.

Братчик нахмурился и поставил резко кубок на стол, расплескав его.

— Не понимаю, о чем еще нам говорить. Я играю в открытую, все мои карты на столе. Вы их теперь знаете, и выходить вам из игры нельзя. Иначе... — Он вытянул из кармана пистолет. — Здесь семь пилюль, доза, как говорит Марк Твен, как раз нужная для взрослого цветущего мужчины. — Он сунул пистолет в карман. — Но я вижу, что имею дело с умным человеком.

— И все же я отказываюсь! — спокойно ответил Виктор.

Губы Памфила свело судорогой.

— Подождите демонстрировать свою преданность Советской власти. Прежде послушайте меня до конца. Вы вывезете из этого гиблого места всех своих друзей, иначе они будут замурованы здесь до конца своей жизни.

— Не беспокойтесь о нас. Мы выберемся без вашей помощи. Мы на своей земле.

— Погодите! — раздраженно крикнул братчик. — А кроме того, две тонны платины. Вы понимаете, две тонны! Один полет, всего один полет, и мы миллионеры! Две тонны платины мы разделим пополам, фифти-фифти, как говорят янки. Воображаете, сколько каждый из нас положит в карман? Цена платины сейчас двадцать две тысячи долларов пуд! Это вам не советская зарплата!

В голосе братчика появились мягкость и вкрадчивость.

— Я не буду соблазнять вас шаблонной виллой на берегу лазурного моря, морской яхтой для дальних плаваний и шикарным автомобилем. У каждого свое представление о счастье и наслаждениях жизнью. Хотя шикарный автомобиль весьма способствует чувству независимости и личного превосходства. Вообразите все это и сравните с тем, что сейчас имеет!

Братчик сделал паузу, глядя выжидательно и спокойно.

— Ну же, быстрее! Сразу, как в воду! — засмеялся он нервно.

Летчик тоже посмеялся, но в меру, вежливо.

— Что ж, в воду, так в воду. Согласен. Валийте, грузите самолет платиной. Две тонны «Антошка» подымет. Но полетим к нашему ближайшему

городу и сдадим платину государству. И вас, разумеется.

Такого ответа Памфил, видимо, не ожидал.

В окне билась муха. Жужжание ее навредило тоску и тревогу.

— А не много ли вы на себя берете? — заговорил братчик. — Неужели не боитесь смерти?

— Боюсь, — ответил Косаговский. — Но есть кое-что и посильнее...

— Вы правы. Страх ожидания смерти посильнее собственно смерти. Особенно ожидание смерти не быстрой, и не скажу чтобы безболезненной. Суровец, здешний палач, потрудится над вами. И виску, и встряску на дыбе испытаете, и репку-матушку запоете, и всю подноготную расскажете! Научу Суровца и чахарскому способу кишки на пику мотать!.. Есть и еще способ, называется «на комары». Ваши волосы забьют клином в пень и свяжут голого. В тайге комаров и гнуса — тучи...

Виктор верил, что братчик на все способен, но ответил брезгливо:

— Брось хвастать. Кого пугаешь, падаль?

— Что? — крикнул бешено Памфил и слепо двинулся на летчика. — Встать! Встать, когда с тобой говорит русский офицер!

— Японский холуй, а не русский офицер.

Братчик со свистом хватил воздух и, вырвав из кармана взблеснувший пистолет, ткнул его в лицо летчика.

— Дырку захотел? Да? Пулю меж глаз?

— Не психуй, Памфил-Бык, — спокойно сказал Виктор. — Психуешь, как баба.

Злой и униженный, Памфил бессильно опустился на табурет. Попробовал закурить, и бросил сигарету — руки дрожали.

— Люблю злых, с ними драться веселее, — глядя на него, засмеялся Косаговский. — Убить меня ты можешь, но долго ли после этого проживешь? Ни бог, ни микадо тебе не помогут!

Братчик не ответил, долго молчал, мертво глядя в угол. Тяжелый удар соборного колокола вывел его из оцепенения.

— Поздно, уже темнеет. Надо кончать! — взвинченно сказал он. — Ты решил уже, наверное, что загнал меня в угол. Ошибаешься! Я стреляный, фатовый, как говорят чалдоны. Или мы все смоемся отсюда, или все здесь сдохнем... Советую подумать еще раз. Не передумаешь, шепну Нимфодоре, что Анфиса, ее преемница, будущая старика ново-китежская, опоганила себя любовными шашнями с мирским сквернавцем, с тобой, милостивый государь. Старуха будет в восторге! Любит поглумиться над человеком. Анфису выведут на Толчок, и при всем честном народе палач спустит с нее семь шкур.

Виктор весь сжался, но вида не подал.

— Однако есть и другое средство, — Памфил тяжело глядел на летчика. — Твоего брата я час назад привез в Детинец. И попробуй отказаться! Я удавлю его пионерским галстуком. Теперь что скажешь, чума тарбаганья?

Виктор схватился за край стола. Ему показалось, что земля уходит из-под ног. А братчик все тянул и тянул к летчику пальцы, измазанные опиумом, медленно шевелил ими, показывая, как он затынет удавку на шее Сережи.

— Убери поганые руки! — яростно крикнул Виктор. Братчик дернул назад руки и медленно отступил. Летчик не спускал с него глаз. «Хоть бы на полчаса вырваться отсюда, повидаться с капитаном, посоветоваться», — думал он.

— Когда полетим?

— Дело за вами! — ответил братчик. — Мне нужно только ваше согласие.

— Но прежде я должен поговорить с друзьями. Не могу же я решать за них — им ведь тоже лететь за рубеж... Завтра утром я приду с ответом.

— Э, нет! Вы отсюда никуда не уйдете. А мнение ваших друзей можно узнать и письменно. Впрочем, их согласие совсем не важно. Не захотят лететь, пусть кончают жизнь в Ново-Китеже... Хотите написать сейчас?

— Сейчас не хочу.

— Как угодно.

Братчик хлопнул в ладоши, и в горницу тотчас вошли Остафий Сабур и двое стрелцов. Видимо, они ждали за дверью.

— В Пыточную! — коротко приказал Памфил. Стрельцы бросились к Виктору, связали ему руки, вытолкнули из горницы.

Взгляд Памфила остановился на двух налитых кубках. Он размахнулся и сбил их на пол. Долго, тупо глядел на лужу, похожую на пролитую кровь.

Глава 14

Бунт

*Лук мой славный,
дорогой,
Грянем в трон
разок-другой!
Прямо в бархат бей,
стрела,
Чтоб тучнее пыль
пошла.*

*Шандор Петефи. Лук мой
славный.*

Во все стороны, на юг и север, на запад и восток — горы, горы, горы. Они лежали, как косматые звери, вытянув лапы и положив на них то круглые, то острые морды. В праздничном воздухе утра горы приблизились всеми морщинами распадков, темными пятнами ущелий и долин. А где-то очень далеко переливчато сверкало что-то похожее на изгиб широкой реки. Не дорога ли в мир, в большую, звонкую, кипучую жизнь?

Капитан и старосты всех шести посадов сидели на обломках скал. Были тут и староста слободы Усолье и деревенский староста Некрас Яяша. Не сел, стоял, привалившись к сосне, Пуд Волкорез. Не было только Птухи, он стерег свою взрывчат-

ку, и Алексы. Солевар не уходил от дозорцев, следивших за Детинцем.

Собираться в посадах теперь опасались. За прошедшие два дня после совещания в кузнице душановы сыщики десятками лезли в посадки, шныряли по улицам и дворам днем и ночью. Теперь они носили под кафтанами легкие кольчужки, а за поясами их торчали напоказ пистолеты и кистени. Этими ночами старосты посадов и все, кто чуял за собой какую-нибудь вину перед Детинцем, дома не ночевали, а уходили в сараи, кузни и даже в сады или огороды.

Поэтому и совещание на этот раз созвали на Лысухе — белоголовой горе, нависшей над Ново-Китежем. Старосты вчера еще узнали от капитана о вызове летчика в Детинец и о похищении Сережи. На возвращение Сережи надежды не было, а Косаговского ждали весь остаток дня и всю ночь. А утром, по просьбе капитана, собрались на Лысухе.

Решено было ждать до полудня и, если летчик не вернется, — начинать действовать. Внизу, в городе, был оставлен Истома. Он прибежит на Лысуху и сообщит, если Виктор появится.

Уперев локти в колени и положив подбородок в ладони, капитан посмотрел вниз, на богоспасаемый град. Пыльные ухабистые улицы, потемневшие от дождей избы, лютая бедность, голод, невежество, тоска. В этих дымных, вонючих избах тлеют лучины, хлебают там щи без соли, жуют несоленую кашу, стонут больные тифом, оспой, чахоткой, а здоровые от беспросветной нужды, голода и смертной тоски или бегут в кабак или молятся неистово. А, подняв в молитве глаза к небу, видят все тот же Детинец, его пузатые башни, словно кулаки, занесенные над замордованными посадками и деревнями. Иной раз мутится у капитана голова: явь это или страшный сон?

Ратных вздохнул и выпрямился.

— Пуд, нашли твои лесомыки что-нибудь в церкви Николая на Бугре?

Волкорез виновато облизнул обветренные губы:

— Дельного ничего. Следы видели в лыве¹. Это подале от церкви будет. Обутка аки бы не наша. У нас такую не носят.

— А в самой церкви, внутри? Особенно в алтаре?

— В церкви ничего не нашли.

«Неужели не в алтаре Николая на Бугре их притон, когда они приходят сюда? А харбинский окурок? Где же они прячутся?..»

Будимир первый услышал крик. Кузнец поднялся с камня, посмотрел вниз. Без тропки, напрямик ломился к ним Истома. Приблизившись, он обвел всех взглядом, часто, запаленно дыша.

— Пошто спешил? — спросил Будимир.

— Полдень уж, из Детинца никто не пришел. Старосты вздохнули.

— Верховники перешли уже в наступление, а мы еще собираемся. Виктора и Сережу может спасти только немедленное восстание, пока братчики не засели в Детинец. Поймите это, — сказал Ратных старостам.

Гончар поворошил бороду, ответил осторожно:

— Бой этот для нас последний будет. Одолеют — вся наша жизнь кончена!

— Нет, ты скажи, как думаешь, можно наших

¹ Мелкое болото, мочажина.

друзей, мирских, оставить верховникам на растерзание?— сумрачно посмотрел на него староста Щепного посада.— Ну? Чего молчишь?

— Не можем мы того сделать, спасены души!— громыхнул Будимир.— Не можем друзей верных в беде бросить! Есть или нет на вас крест? Я так думаю, начнем с теми силами, кои соберем!

— Опасно,— покачал головой гончар.

— Держи опас про запас, хлебна муха! Знаю, что опасно. А мы всю жизнь с опаской жили. Старосты, спасены души, разойдемся по своим посадам и клич кликнем!

Все начали спускаться с Лысухи, и вскоре вышли в Кузнецкий посад. Здесь гремело, звенело и дымило на каждом шагу.

— А кузнецы все стучат и стучат! Погибель Детинцу уют!— сказал Волкорез.

Будимир остался в своем посаде. Затем и остальные старосты начали расходиться по посадам. Капитан свернул к Детинцу. Надо было осмотреть еще раз все подходы к крепости.

Как не раз бывало в истории, начало бунту положил небольшой, казалось бы, случай. На многолюдном толчке душановский подглядчик ни за что ни про что огрел кнутом Митьшу Кудреванко. Подглядчика схватил за бороду кто-то из посадских.

— Пошто мальчонку ударил?!— закричал он. Расталкивая народ, к посадскому поспешил на помощь стрелец.

— Брось! Ухайдакаю лешего!

Стрельца ухватил за ворот сыромятник и рванул назад.

— Сунься только, одним мертвецом больше будет!

В это время Митьша опомнился, схватил камень и изо всей мочи запустил им в обидчика. Подглядчик крикнул от боли, выхватил из-за пояса пистоль и выстрелил в паренька.

И сразу наступила тишина, стало слышно, как канючит чайка над озером да стонет мужик, в которого ненароком попала пуля, предназначенная Митьше.

Тогда и раздался первый яростный крик:

— Бей детинских, кто в бога верует!

Кто-то заломил подглядчику руки за спину, ткнул лицом в землю.

Конные стрельцы, возвышавшиеся над толпой, сбились в кучу, не решаясь кинуться на посадских. Дело-то пошло не на шутку! Затрещали плетни, из них выламывали колья, бабы с плачем закрывали ставни, во всем городе отчаянно залаляли собаки, в церкви набатно ударили в чугунное било.

— Бунтуем, спасены души!..

— Сподобил господь!..

— Русь Детинец!.. Оттыкай дыру в мир!..

Стрелецкий урядник, толстенный, молодецкий, почти мальчишка, вдруг взъярился. Заиграла стрелецкая спесь, слыша непотребные крики посадчины. Он выдернул саблю из ножен и закричал, грозя ею:

— Расходись! Нет вам, псам, ходу к Детинцу!

— А мы пойдем!.. Тебя не спросим!..— крикнули ему из толпы.

— Не пройдет!.. Саблями сечь будем!..

Урядник пришпорил коня и запальчиво бросился на толпу. Но тут же урядника, схватив за кушак, сорвали с седла и швырнули на землю.

— В колодец его!— закричала толпа, срывая с урядника оружие.

Его привязали к колодезному журавлю вниз головой и несколько раз окунули в колодец. Урядник жалобно взвыл:

— Ребятушки, не губите! Подневольные мы!

— Врешь!— отвечала толпа.— Вольной волей зеленый кафтан да берендейку надел!

Еще двоих стрельцов стащили с коней и принялись мять им бока. Остальные зеленые кафтаны повернули коней и помчались к Детинцу.

Посадские хлынули вслед.

Людской девятым вал, ударившись о стены Детинца, остановился и забурился. Ходила зыбь, крутились водовороты и не умолкали крики. Капитан разобрал отдельные голоса и видел отдельных людей. Вот Псой Вышата кричит, тряся рваными дерюжными штанами:

— Теперь держись, Детинец! Жди нас в гости, идем посадничьи меды пробовать!

А не отходивший от него ни на шаг Сысой Путья, почесывая пузо под рубахой, говорил кротко и мирно:

— И то! Порушить надобе это лукошко, Детинец понимай.

На них налетел с неожиданной яростью посадский, похожий на апостола с иконы, споривший с Псоем еще в роще на Ярилином поле. Задирая апостольскую бороду, Софроний начал выкрикивать визгливо:

— Вы лбы о Детинец расшибете, нахвальщики! Шумство и озор до добра не доведут!

Тогда взорвался вдруг мичман.

— Отвечаю предыдущему оратору! Что защищаешь, жлоб? Какая у тебя жизнь? Хуже турецкого святого живешь! Посаднику галоши целуешь!..

Люди загудели:

— Верно, мирской, говоришь! Святые слова!

Откуда-то прикатили пустую огромную бочку и на нее взобрался Будимир.

— Спасены души, тиха-а-а!— загромыхал его бас.— Что высоко подпоясались? Али драться собрались? Добре! Пора по Детинцу ударить!

— Ай да Будимир!— заликовала толпа.— Широка борода, а душа молода! Веди на Детинец!

— Не я поведу. Без головы и руки-ноги враз-

брод пойдут, и надо нам по древнему, Степанушки Разина обычаю выбрать походного атамана. Кого волите, хрешшоны?

— Ты нам совет дай, кого выбрать!— закричали в толпе.

— Степана мирского выбирайте! И мудр, и сердцем чист. Гож ли?

— Гож, гож!— заревела толпа.— Кажу нам Степана мирского!

— Полезай на бочку,— сказал Будимир капитану,— покажись народу.

Ратных влез на бочку, и люди закричали:

— Люб, люб!.. Маленько знаем тебя!

— Челом бьем, порадей, родимый!

— Веди нас на Детинец, Степанушка!

— И на отчину выведи!.. В мир!.. На Русь!

Ратных смотрел на прокопченную, землистую от голодовок, позеленевшую от цинги посадчину, и сердце его билось взволнованно.

— Коли народ выбрал, отказываться права не имею!— крикнул он и поклонился.— За доверие благодарю, но только я сердитый. Что думаю— скажу, что сказал— сделаю, а споров да перекогов не терплю!

— Послушны будем твоей воле!— кричал народ.— Атамань с богом! Вот и второй у нас атаман Степан!

— В помощь себе беру Будимира Повалу, лесомыку Пуда Волкореза и мирского Федора, вот этого!— указал он на Птуху, стоявшего около бочки.

Мичман сразу подобрался и лихо, по-нахимовски на затылок, сдвинул мичманку.

— И это в твоей воле!— ответила толпа.

— А вот знак власти твоей атаманской,— протянул ему Будимир кривую длинную саблю в сафьяновых ножнах.— Это сабелька старицы Анны, ею она царских воевод рубила. Мы, кузнецы, ее храним.

Капитан вытащил саблю наполовину из ножен и поцеловал ее.

А в толпе кто-то нетерпеливый завопил:

— Начинай воевать, атаман! Верховники в Детинце, как в горсти. Их, как цыплят, лукошком наккрыть можно. Начинай!

— Хороши цыплята! Слушайте меня, спасены души!— полез на бочку Софроний.— В Детинце собак-стрельцов близ тысячи. Несть числа! А с сильным бороться— смерти искать!

— Да спихните вы его с бочки!— заревела толпа.— По морде угодник, а по делам негодник! Откуль-же близ тысячи, зеленых кафтанов едва сотня наберется!..

— Беги от стен!— закричали в задних рядах.— Счас с пищалей шибать начнут! И пушку ладят!

— Трави запал!— долетела команда со стены.

Детинские стены окутались пороховым дымом. Стрельцы открыли огонь из длинных, тяжелых пищалей и коротких широкогорлых «тюфяков». А в башенной амбразуре вспыхнуло пламя, и пушечный выстрел тупо отдался в тайге. Каменное ядро, проверещав над осаждающими, плюхнулось в землю далеко за их последними рядами. Детинские владыки повернули разинский «Единогор» против народа.

Пороховой дым повис низко над землей, как болотный туман. Кричали в толпе раненые. Кружили над людьми перепуганные галки. Осаждающие отхлынули от стен, и стрельба прекратилась.

Вскоре пошел дождь, частый и крупный, но посадские не ушли от Детинца.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НА СЛОМ!

Глава 1

Осадный табор

*...Так и стояли. Эти
и те,
Переполыхиваясь
винтовой.*

*И. Сельвинский.
Улялевицина.*

Восставшие посады окружили Детинец осадным табором. Появились шалаши из ветвей и соломы, шатры из дерюг и рогож. Пригнали из посадов телеги и огородились ими от конных атак стрельцов. И поднялись над табором бунтовскими знаменами древние, из мира принесенные, разинские бунчуки на красных древках.

Шумела радостно, словно дождалась праздника, посадчина. Были тут кузнецы с запеченными у горнов лицами, плотники из Щепного посада в дерюжных фартуках, с топорами, засунутыми за спиной за пояс, красильщики с руками желтыми, синими, зелеными, рыбаки подпоясанные по ловецкому обычаю сетями, скрученными в жгут. Были здесь и мужики из таежных деревень, вооруженные вилами-тройчатками и цепями, были солевары с язвами на лицах и руках от горячего рассола, и, конечно, лесомыки с рогатинами и страшными своими луками.

Скрипящие, тяжело нагруженные возы привезли из Кузнецкого посада тайно заготовленное оружие: вязанки мечей, сабель и копий, ослопы, окованные железом палицы, и кистени, железные рубчатые шары на цепях, с какими еще на татар хаживала Русь. А против конных стрельцов были молоты-клевцы с железным клювом для стаскивания всадников с седел. Прислал Кузнецкий посад и пицали, тяжелые и длинные, как ломы, но немного было огненного боя. А от сырмятников привезли куяки, кожаные рубахи, обшитые железными пластинами.

Походный атаман восставших посадов в шинели, туго запоясанной и застегнутой, в зеленой пограничной фуражке и с древней саблей старицы Анны, пристегнутой к ремню, обходил осадный табор. За атаманом шли есаулы. В высоком шлеме, в пластинчатых латах, надетых на посконную рубаху, опираясь, как на клюку, на прямой широкий меч, тяжело шагал Будимир Повала. Всея пятерней он лохматил подпаленную у горна бороду и не спускал глаз с детинских стен. Но не страх, не сомнение были в его глазах, а спокойствие и уверенность. Положив на плечо рогатину, грозную, тяжелую, шел плотный кривоногий староста охотников Пуд Волкорез. И он не сводил с Детин-

ца пятнистые, как у рыси, глаза. В глубине их залегла настороженность, он смотрел на Детинец, как на зверя, готового к прыжку. За бревенчатыми стенами сидел этот лютый зверь, прицеливался к удару когтистой лапой. Третьего есаула, мичмана Птухи, не было в таборе, он уехал в посад за взрывчаткой и порохом.

Атаман и есаулы остановились у дерюжной палатки, где бабки-ведуньи разместили лазарет. На рогожах лежали раненные при первом приступе на Детинец. Скупо стонал посадский, подбитый картечиной. Рваные его портки и рубаха залубенели от крови. Ведуньи варили целебные корни, обмывали отваром раны и накладывали на раны осиное гнездо или присыпали золой. А в стороне лежал убитый. Бабки уже обмыли покойника через березовый веник, обули в ненадежные новенькие лапти, на глаза положили медные гроши, а в головах поставили чашку с водой, чтобы было где обмыться его душеньке, вылетевшей из тела.

И провожал его в последний путь похоронный плач женщин:

Подымитесь вы, ветры буйные,
Со всех четырех сторон.
Разнесите мать-сыру землю,
Разбейте гробы да распахните саваны...

Будимир снял шлем, вытер рукавом вспотевший лоб и перекрестился.

— Мало на воле погулял!— сказал он жалеюще, указывая на мертвеца, и перевел взгляд на Детинец.

Похоронный вой плакальщиц начала перебивать горластая, задиристая перебранка двух враждующих станов. Таков древний осадный обычай. Посадские кричали стрельцам, выпавшим на стены:

— Пошто ворота Детинца заперли?

— Чтоб телята не лазили!— отвечали насмешливо стрельцы.

— Теляток спужались, храбрецы?

— В мир, гилевщики, захотели?— орала со стен.— Ототкнем вам дыру не в мир, а в адское пекло!

— Всем вам, кафтанникам, головы свернем! Сами себя в пятки целовать будете!

— На себя погляди, посадчина тухлая! Лаптем щи хлебаешь, еловой шишкой чешешься!

— Веревки на вас, кафтанников, жалко! Мочальной петлей удавим!

На стене показалась вдруг багровая рожа попа Саввы. Задрал нос-пуговку, он сначала выматерился ядрено, потом заорал:

— Паршивчики, шелудивчики! Сманили вас, дуrolомов, мирские на окаянство! Саблей вас будем крестить, как рече пророк!

— Душа паскудная, попище нечестивый! Уже переметнулся?— брезгливо закричал Истома, стоявший под стенами.

— Истомушка! Внутрек! Сам знаешь, сколь скудно мы живем!— слезливо заныл поп.— А старица обещала, что я один буду мертвых посадских отпевать. А посадчину стрельцы сотнями уложат, вот увидишь!

— Кутья тухлая!— закричали ненавидяще посадские.— Трупоядец проклятый!

А поп надрывался со стены:

— Сосчитай-ка, Истомушка! С каждого покойника по алтыну, три рубля в мошну!

Толстый неповоротливый стрелец, низко склонившись со стены, крикнул зычно:

— В Светлояре ваших мертвяков будем топить! Как в прошлый бунт топили!

— Ты-то топить не будешь!— рявкнул Волкорез, срывая с плеча лук. Длинная зверобойная стрела мстительно взвизгнула и впилась стрельцу в горло.— Вот тебе, вражина!

Стрелец шатнулся и упал со стены головой вперед.

А перебранка осадного табора и Детинца прекратилась только ночью.

Ночь пришла холодная и ветренная, с редкими проблесками луны меж бегущих облаков. И принесла эта ночь караульным стрельцам тревогу и страх.

Со стен слышен был шум какой-то работы: лязгало железо, били в землю лопаты, ломы и кайлы, скрипели подъезжавшие возы. А не видно в темноте, что задумали смерды.

Это Птуха готовил свои фугасы. Он сердился и ругался шепотом, чтобы не услышали на стенах.

— Кошмар! Ты же не могилу копаешь, а шурф! Понимаешь? А на дне шурфа выкопаем зарядную камеру. И что с этого будет? И будет с этого, чтоб вы знали, воронка усиленного выброса!

А со стороны Светлояра подъезжали возы с песком, глиной и крупной галькой, забоечным материалом для шурфа.

Тревогу и страх рождал и у посадских нависший над осадным табором Детинец. Был он загадочен, безмолвен и темен. Светились только два окна в хоромах, словно пялились на табор огненные глазища. А еще — посверкивали волчьим глазом тлеющие фитили на стенах, отмечая места пушки, тюфяков и пищалей, да иногда свет проглянувшей луны дробился синеватыми искрами на остриях копий, на лезвиях бердышей и на шлемах стрельцов.

«Ветер и ночь холопьего бунта! Стены старинной крепости и зловещий блеск древнего оружия... Все как во сне!» — думал капитан стоявший около штабного шатра.

Капитан и Волкорез вползли в штабной шатер, под большую дерюжину, накиннутую на поднятые оглобли двух телег. В шатре были уже Будимир, Алекса Кудреванко и атаманские посыльные, то есть адъютанты,— Истома и Мишанька Безмен.

Садясь на рогажу, Ратных сказал:

— Итак, товарищи и братья, завтра утром общий штурм Детинца. Согласны?

— Знамо так! И перетакивать не будем,— решительно ответил Будимир.— Мужики уже роптать

начали, де, атаман и есаулы зады чешут, о битве не думают.

— А с братчиками как? — озабоченно спросил Пуд.— Опаска с ними большая нужна!

— С братчиками не все ясно. В Детинце, полагаю, их нет, а вот с тыла они могут ударить. Алекса перенес свои сторожевые посты на тылы осадного табора. Алекса, не проморгают твои дозорцы?

Кудреванко привстал, отвечая:

— Уши топориком держим, не вполглаза — на полный глаз глядим. И мышшь не прошмыгнет!

— Если тревога в тылу начнется, ты, Пуд, туда своих ребят с луками посылай. Нужно издали врагов бить, близко к табору не подпускать. Подойдут вплотную, нам не сдобровать! А как твои таежные посты, Пуд?

— У Алексы мышшь не прошмыгнет, а у нас червяк не проползет. Округ города в тайге дозоры стоят.

— Оружия у нас маловато,— вздохнул атаман.— Если стрельцы в конную атаку пойдут, колями и оглоблями отбиваться придется.

Будимир виновато опустил голову.

— Сделали сколько успели. Раньше времени начался бунт.

Все помолчали, погруженные в тревожные думы. Потом капитан спросил Истому:

— О пленных наших ничего не узнали? Тебе поручено было разведку сделать.

Юноша покачал головой.

— Узнали, да мало. Друзья Сергунькины, ребяташки посадские, говорят, что Сергунька и брат его в Пыточной башне сидят. Точно, будто-бы...

В шатер, согнувшись, втиснулся мичман. Был он перемазан землей и глиной, брюки на коленях разорваны.

— Закончили? — оживился Ратных.

— Так точно,— глаза Птухи, обычно всегда со смешинкой, как у истого одессита, сейчас блестя жестко.— Эх, и рванем! Двадцатый век против семнадцатого. Кошмар!

Ново-китежане с уважением смотрели на мичмана.

К штабному шатру подошел кто-то и остановился, не решаясь войти. Видны были только огромные босые ноги. Потом послышался голос Некраса Лапши:

— Атаман-батюшка, есаулы славные, на детинских стенах огни многие появились. Взглянули бы!

Штабной шатер вмиг опустел.

Глава 2

Мирная беседа

*Только там, где
приходит беда,
Проверяется смелость.*

Муса Джалиль.

Их заперли в Пыточной башне. Большое волоковое окно, через которое Сережа и его друзья пробирались недавно по желобу в Детинец, было забито наглухо толстыми сновыми горбылями. Виктор еще на рассвете

внимательно осмотрел это окно, попробовал отодрать горбыли и безнадежно сказал:

— Здесь нам хода нет.

Было в каморе и второе окно, маленькое и забранное решеткой, выходящее на посадничий двор. Видно из него было не многое: край двора, верхушки сада да берег пруда, где шлепали вальками прачки. Но это было все же веселее, чем мрачные стены тюрьмы, и Сережа часто подходил к этому окну. Он и заметил, что среди прачек, коренастых, голоногих, появилась тоненькая девушка в цветном сарафане.

— Чего это она смотрит на наше окно? — удивился вслух Сережа.— Все смотрит и смотрит!

— Кто смотрит? — подошел к окну Виктор и тотчас вскрикнул:— Она! Анфиса! Узнала, что нас сюда сунули! Будем ждать от нее весточки.

А весточка уже пришла, уже стучал на двери наружный засов. Посадничий ключник, дряхлый Петяйка, принес большой узел с пирогами, жареным мясом и рыбой.

— Сдоба вам и ядь всякая, скромная и постная.

— Спасибо, дедуся! От кого посылка? И письмо есть?

— Письмо тебе посадник-владыка батогами пропишет!

— Ты ей на словах хоть передай, что я...

— Отзынь, поганец! — крикнул зло Петяйка и спросил Сережу сухо и угрюмо: — Велено спросить здоровье твое. Что передать?

— Передайте, здоровье хорошее,— ответил Сережа и вежливо добавил: — И большое спасибо за беспокойство. Это тоже передайте.

Петяйка вышел из каморы и со стуком задвинул снаружи засов на двери.

Кроме радостной весточки от Анфисы, ничего не случилось в этот день. Он тянулся, как и всякий тюремный,— лениво, незаметно, бесшумно, словно паук по стене. Лишь стучало где-то деревянное ведро о сруб колодца и ворковали голубы под застрехой башни. Но вот в тюремное безмолвие начали вливаться сначала глухо, а потом все громче и громче яростные и страстные крики. И когда буря эта домчалась до Детинца, ударила о его стены, заметался по каморе и летчик.

— Началось!

Загремели пищальные выстрелы, ухнула пушка. Виктор прижал к себе Сережу. Решается их судьба! Сейчас ворвутся стрельцы и потащат на расправу. А может быть... Может быть, ворвутся капитан, мичман, посадские и выведут на свободу.

Так и стояли, обнявшись, глядя с ожиданием на дверь. Но прекратились выстрелы. Постепенно умолкли крики. Никто не пришел.

Наступила ночь. Переволновавшийся Сережа крепко заснул на соломе, а Виктор не спал. Тревожно вслушивался в ночные шумы Детинца. Не спало и гнездо верховников. Кричали сердито мужчины, причитали женщины, звякало оружие. Зарешеченное окно светилось красным, трепетным светом факелов.

Неожиданно стукнул засов двери, и в камору хлынул свет. На пороге стоял Петяйка, за его спиной стрельцы с большими фонарями. Сережа испуганно вскочил с соломы.

— Не подходите! — тихо, но с угрозой сказал Виктор, загоревшись собой брата.

— Не бойся, мирской,— сказал, выходя вперед, стрелецкий десятник.— Ни тебе, ни мальцу

худа не будет. Зовет вас ее боголюбие государыня-старлица в свою Крестовую палату для мирной беседы.

Летчик ответил угрюмым, враждебным взглядом. Он знал, что вызывает его Памфил-Бык для окончательного ответа.

— Знаю я ваши мирные беседы.

Десятник перекрестился и улынулся добродушно:

— Вот те крест, что худа вам не будет. Говорю же, старлица зовет.

Виктор заколебался. Ответ Памфилу давать придется, от этого не отвертеться. Он взял Сережу за руку, сказал решительно:

— Хорошо, пошли!

...Ночь была черна и тревожна. Над Детинцем повис злой клыкастый месяц. Чуя недоброе, на стрелецких дворах взирали собаки и замолкали, к чему-то прислушиваясь.

Виктора и Сережу ввели в посадничьи хоромы и повели по полутемным горницам. Всюду стояли стрельцы, сонно опираясь на бердыши. Смутная тревога чулась в низких, душных горницах, где разноцветные огни лампад остро отражались в лезвиях бердышей.

Остановились у широкой тяжелой двери, охраняемой двумя стрельцами. Те скрестили было бердыши, но, увидев ключника, освободили проход. Петяйка открыл дверь и молча, кивком, пригласил пленников войти. Виктор вошел, ведя за руку Сережу, и услышал тихий старушечий голос:

— Подойди ближе, мирской.

Виктор поднял глаза. Втянув изжеванные старостью щеки, словно задохнувшись от ярости, на него смотрела ново-китежская владычица. Ее горячий, звериный взгляд обжегал летчика.

Он притянул к себе Сережу, обнял его за плечи и огляделся.

Их привели в Верхнюю Думу, государственный совет Ново-Китежа.

На лавках, стоявших вдоль трех стен, сидели верхние люди. Виктор глядел на их медно-красные морды, распухшие от лени, обжорства и перепоя, на их отвисшие толстые щеки, на крепкие волчьих челюсти — берцовую кость перекусаят, на затылки, как из камня вытесанные, на тяжелые животы, свисавшие меж расставленных ног, и думал: «От таких добра не жди! Своими руками задумат...»

Верхняя Дума заседала в Крестовой палате, молельне старлицы. Всюду иконы, всюду суровые, изможденные лики святых. На тонких цепочках висели горящие лампы, в грубых железных подсвечниках оплывали толстые желтые свечи. Горький их чад и копоть лампад забивали дыхание.

Старлица сидела в своем высоком, обитом красным бархатом кресле, упираясь в пол посохом и положив ноги на скамейку с пуховой подушкой. Рядом с нею, в кресле пониже, развалился, сонно заводя маленькие осовевшие глазки, посадник. Отдельно, на табурете, сидел человек в ядовито-желтом кафтане. Свет свечи упал на его лицо, втиснутое в рыжий собачий мех бороды. Она вспыхнула зловещим пламенем, и летчик узнал старшего подглядчика Патрикея Душана.

— Благослови, матушка-государыня, начать,— сказал посадник.

— Господь, благослови на мирную беседу,— откликнулась старлица.

В Крестовой палате стало тихо. Потрескивали лампы и свечи. И снова послышался басок старлицы.

— Патрикей, прочитай мертвую грамоту на мирских и кузнеца Повалу!

Душан встал, развернул берестяной свиток и начал читать глухим, замогильным голосом:

— Ее боголюбие старлица Нимфодора и владыка-посадник Ждан Густомысл сказали, а Верхняя Дума приговорила: мирских людей Степана, Виктора и Федора Трехпалого, а с ними же старосту Кузнецкого посада Будимира Повалу,— Душан перевел дыхание и грозно, торжественно закончил,— сжечь в железной клетке на Толчке на большом костре!

— Слышал, мирской? — засмеялась клокоцущая Нимфодора.— Попал ты, как кур в ощи! Не вырвешься!

Краснорожий верховник хохотнул злорадно.

— Не хотелось петушку на пир идти, да за хохолок потащили!

А второй — дряхлый, лицо с кулачок, борода шилом, губы и щеки ввалились, прохрипел:

— Попался, который кусался!

— Говори, Патрикей, вины мирских людей! — резко сказала Нимфодора, стукнув посохом в пол.

Душан заговорил быстро. В оловянных глазах его сверкала подлая радость и злоба.

— Подбивали мирские люди Посадских людшек идти с уязвительным оружием на Детинец, против государыни старлицы, государя посадника и лучших верхних людей!..

Лучшие люди, слуша, сопели, задушенно рыгали, наливались свекольным соком и, по-бычьим нагнув головы, глядели исподлобья колючими глазами на мирских.

— Словно в улей дунули, вот как загудел народ,— горестно покачал головой посадник.— Отвечай, мирской, было такое?

— Было такое! — ответил твердо Виктор.— Народ посадский, трудовой народ, рвется в мир, на Русь из вашей кабалы, и мы им в этом поможем! Такая у нас, советских людей, установка.

— Не дай, боже, нам сей беды! — всхлипнул слезливо дряхлый верховник. И вдруг закричал запальчиво: — А мы с кем останемся? Кто работать будет?

— Ай-яй-яй! Вот горе какое! — посочувствовал Виктор и обвел медленным взглядом верховников, словно на каждого указал пальцем.— А вы что, больные? Вон какие бы! Тебе здесь нравится, дед? — посмотрел он на дряхлого.— Ну и сиди здесь, в лесочке, как дачник. А народ уйдет!

— Ранее в пень вас порубим, всех с головы на голову перепластаем! — закричала Нимфодора, стуча посохом в пол.— Тебе первому поганую голову напрочь!

— Перестаньте, бабуся, нервничать. Спокойнее! А люди ваши так и так в мир уйдут.

— Да бейте их!.. Режь!.. Души!.. — заорали дико верховники.

Они стаей кинулись на Виктора и Сережу, стиснули их в живом кольце. Они вопили, гнули, визжали, рычали по-медвежьи:

— Глотку им смолой залить!.. Ребра клещами переломать!.. На дыбу вздернуть!..

И вдруг крики, рычанье, визг разом смолкли, и кольцо горячих, потных тел распалось.

В дверях стоял Памфил-Бык.

Он был в синей ферязи и в мурмолке с золо-

чеными кистями, свисавшими на плечо. Но даже Сережа сразу узнал его.

— Витя, гляди, юродивый с нашей Забайкальской!

Ни на кого не глядя, братчик сел на свободный табурет. Сказал, поморщившись:

— Духота и вонь у вас, как в берлоге. Окно откройте!

Душан подбежал к окну и распахнул его. Виден стал месяц, висевший над тайгой, и слышен стал шум, крики, песни осадного табора, обложившего Детинец.

— Слышите? — быстро и радостно вытянул Виктор руку к окну. — Восстал народ! Вашему царству конец!

Тяжело ступая, медленным, давящим шагом Памфил подошел к летчику. Сказал спокойно, без раздражения:

— Напишите капитану Ратных, чтобы он снял осаду с Детинца.

— Осадил Детинец не капитан, а посадские люди, — ответил Виктор.

— Чепуха! — оборвал его братчик. — Быдло не осмелилось бы на восстание. Это ваша работа. А если откажетесь написать, завтра на рассвете я повешу вас и вашего брата на стенах Детинца.

— А еще чего вы хотите?!

Братчик шагнул к Виктору. От возбуждения он вздрагивал всем телом, как от озноба,

— Не напишешь? — И, понизив голос до шепота, снова спросил: — И не полетишь со мной? Не передумал, летчик?

— Плохо ты, бандит, наших людей знаешь!

Памфил в бешенстве сорвал с головы мурмолку. С неожиданной быстротой Нимфодора подбежала к Сереже и, нагнувшись, заговорила быстро и ласково:

— Покричи, внучек, своим мирским с детинской стены. Покричи, родимый. Скажи им, пушай они посадских от Детинца отведут. И будем мы снова жить в мире да радости. А я тебе за это коврижку медовую дам, сахарку дам. Покричи, ангелочек, покричи!

Сережа, прижав к губам сжатый кулак, чтобы не закричать, с ужасом смотрел на зловещую старуху. А она, надвинувшись на мальчика, дыша ему в лицо вонью гнилого рта, хрипела:

— А не будешь кричать, Суровцу тебя отдам. Руки твои в суставах хрустнут, клещами ноготки твои вырвут и огнем поджурят!

Голова Виктора медленно закружилась от нахлынувшей слабости. Капли пота текли у него по вискам. Он чувствовал, как дрожит плечо прижавшегося к нему Сережи.

— В остатний раз спрашиваю, покричишь? — выдохнула старица.

Сережа вдруг рванулся из объятий брата и крикнул старице в лицо:

— Фиг с маком! Сама кричи, если надо! Понятно?

— Сережа! — испуганно и восхищенно вскрикнул Виктор.

— Удавлю, гаденыш! — прохрипел Памфил-Бык. Он бесцеремонно оттолкнул Нимфодору и, схватив концы сережинного выгоревшего галстука, начал медленно наматывать их на кулак, притягивая мальчика к себе.

Виктор кинулся на братчика и ударил его локтем в грудь. Памфил ответил быстрым ударом в подбородок и ударом ноги в пах. Виктор сгорбился, постоял, полузакрыв глаза, и вдруг, схватив со стола тяжелый подсвечник, с силой обрушил его на голову Памфила. Но попал не в голову, а в плечо. Братчик застонал, бешено скрипнув зубами. На помощь к нему бросился Душан. Посадник мелко крестился, старица выставила угрожающе острый конец посоха.

Верховники снова двинулись плотной стеной. Сейчас бросятся, исполосуют ножами и выбросят собакам. Виктор прикрыл собою Сережу и поднял подсвечник.

— Ну, кто хочет? Подходи!

Верховники замерли: их остановил не подсвечник в руках летчика, а звук легких, быстрых шагов. В Крестовую палату вбежала Анфиса, схватила Сережу и сверкнула глазами на Памфила:

— Не тронь младенца, убивец!

Братчик не удивился и не растерялся. Он улыбнулся вежливо и тонко.

— Мне понятен ваш благородный порыв, мадемуазель. Этот мальчик брат вашего жениха, может быть, уже и мужа. Но, как мне известно, по законам Ново-Китежа вас, будущую старицу, за такие амурные дела должны бить кнутом на базарной площади.

Верховники оторопело переглянулись и засопели. У посадника отвалилась нижняя челюсть. Анфиса вскинула гордо голову. В глазах ее были гадливость и презрение.

— Батюшка, и ты, старица пресветлая, и вы, верхние люди, — смиренно поклонилась она всем, кого назвала, — на вас ляжет кровь младенца сего. Будет он мертвенький приходить к вам по ночам, на постелю сядет, кровью вас закапает! — дрожал голос девушки.

— Замолчи, Анфиса! — испуганно замахал руками дряхлый верховник. — Экое говоришь!

— Я за его смерть перед богом в ответе буду! — торжественно проговорила старица. — Ваш грех, верховники, я замолю. И не пролью я крови младенческой. Удавочкой захлестну. И братца его родного заодно, на ту же виселицу.

— Погоди, премудрая, и вы, лучшие люди ново-китежские, погодите! — решительно перебила Анфиса. — Души наши ты, старица, спасешь, а жизнь нашу? А ежели посадские Детинец на растюк возьмут, что они за убийства эти с нами сделают? За смерть младенца и брата его? Головы нам отрубят, это еще милостиво. А коли сначала руки и ноги отсекут, или на кол посадят?

— На земь сшибут, да еще и ногой придавят, — слышалось со скамей верховников. — Как баранов зарежут.

— Бараны и есть! — с презрением посмотрела Нимфодора на своих советников. — Уперли бороды в брюхо и знай сопят. Какой же ваш приговор будет?

Верховники нерешительно переглядывались. Один из них, осмелев, сказал:

— Погодить надо с виселицей. Неизвестно, как далеко обернется.

А другой кивнул на открытое окно:

— Вот они! Слышите?

— Испугались, отцы? — со спокойным бешенством спросил Памфил.

— Ты, милостивец, не сердчай, — заговорил робко верховник, тучный, огромный, похожий на гору мяса и жира. — Ты что, взял да ушел. А мы куда подадимся?.. Ты же обещал, кормилец, укорот дать посадским, коли они на дыбы встанут. Самопалами-скорострелами, драконами огнедышащими их усмирить! Где же слово твое? Стрели в посадских, разгоняй их сатанинское сборище!

— За мою спину прячешься? — спросил презрительно братчик и, поморщившись, схватился за разбитое плечо. — К дьяволу вас, толстопузых! Самопалы начнут стрелять, когда это мне нужно будет. А вы сами себя спасайте. У вас стрельцы, у вас пушка есть. Войдите!

Он подошел к Виктору, долго смотрел в глаза летчика и сказал негромко:

— На рассвете за вами придут. С веревками. С петлями. Подумайте еще раз, крепко подумайте!

Он выбежал из Крестовой палаты.

Старица сокрушенно вздохнула и сердито сказала Анфисе:

— А ты чего здесь торчишь? Уйди с моих глаз, постылая!.. Душан, передай мирских стрельцам. Пускай их обратно в Пыточную отведут. Придушить их всегда успеем.

— Видно, ноне уже не придушим, — проворчал сумрачно дряхлый верховник. А когда ушла Анфиса, а мальцы увели мирских, он всплеснул руками. — Господи сусе, как мирские в нашем городе богоспасаемом появляются, так обязательно бунт заваривается. То Васьки Мирского бунт, то, вот, опять посадки поднялись!

— Я во всем виновата! — поджала Нимфодора сухой рот. — Распустила я паству свою, яко негодный пастырь. А стадо без пастыря — пища сатаны. Но сломала я выю Васькиному бунту, сломаю хребет и бунту седнешнему. Душан, грамоту увещательную написал поп Савва?

— Вот она, твое боголюбие! — поднял Душан со стола березовый свиток.

— Давай сюда. И свечу дай.

Глава 3

Раздор-змея

Ах вы, люди

новгородские!

Между вас змея-раздор

шипит.

М. Лермонтов.

Последний сын вольности.

Выбежали из шатра не только атаман и есаулы, вылезли из шатров, шалашей, из-под телег все посадские.

Верхи детинских стен осветились трепетным светом боевых факелов. В железных корзинках, нацепленных на концы копий, красным, дымным

огнем горело смолье. И неожиданно забухал набатно соборный колокол «Лебедь».

Осадный табор забегал, засуматошился. Но сотники и десятники быстро выстроили людей в боевые порядки. Слышны были голоса есаулов, приказывавших гасить костры, цели для вражеских стрелков.

На стены тем временем выходили верховники. Они встали в ряд, и факелы осветили их могущество и богатство. Сколько тут было пышных бород, толстых рож, сколько бархата, шелка, атласа и мехов самых дорогих. Когда установились верховники, чинные, важные, могутные, колокол смолк и долго была выжидательная тишина.

— К стенам нас подзывают, — догадались наконец посадские. — Указы-грамоты начнут читать, иль слово увещательное говорить будут. Всю ночь, чай, Верхняя Дума совещалась.

Так и вышло, по догадке. На вислое крыльцо¹ воротной башни вышел стрелецкий голова. Оставший снял атласную с бобром шапку и поклонился народу на три стороны.

— Гляди, вежливый какой стал! — засмеялись в толпе.

— Слушайте, люди ново-китежские, грамоту старицы и посадника! — зычно, на всю площадь крикнул он. Подняв высоко длинный свиток бересты, он начал читать. — Всем людям посадским, и деревенским, и прочим жителям богоспасаемой земли ново-китежской, иде-же истинное православие сияет, яко светило. Пожелав вам душевного просветления, вкупе же и телесного здравия, обращаемся к вам, людие, мы, высокие владыки. Во-перве, ее боголюбие старица Нимфодора, златое правило христовой веры, церкви бодрое око, уста немолчунные сладковещательные, преподобная мудрая наставница и владычица, и прочая, и прочая. А рядом с нею государь-владыка посадник ново-китежский Ждан Густомысл.

— Не приемлем! — заревела толпа, услышав имя посадника. — Не желаем про Ждана слышать!..

— Чего галдите? Дайте грамоту дочесты! — пытался голова перекричать людей. — А ну вас к дьяволу! Меня не слушали, так старицу Нимфодору, небось, выслушаете!

При имени старицы площадь начала затихать. На стене посветлело. Монахини-старухи вынесли толстые церковные свечи и фонари, иконы, кресты, хоругви. Люди на площади закрестились, сломались в поклонах. Но чей-то звонкий голос крикнул:

— Гля-кошь, и поп Савва-худая слава к свято-сти примазался!

Поп Савва, важный и суровый, выпятил брюхо и упер в него большой деревянный крест. Он не вытерпел и погрозил крестом, как дубиной, стоявшим внизу посадским.

Старухи-монахини визгливо запели молитву, и под пение дворовые парни вынесли на стену в кресле старицу. На площади попадали на колени, и вверх, к ней, протянулись мозолистые, земляные, корявые ладони, прося благословения. Нимфодора встала с кресла и, подойдя к перилам балкона, широкими взмахами руки перекрестила народ. Ее глаза старой хитрой бестии торжествующе поблескивали. Не вышли из ее воли люди, на колени попадали!

— Спасены души, пошто лики злые являе-

те? — заговорила Нимфодора неожиданно сильным и звучным голосом. — Пошто слушаете злокозненные советы проклятых богом мирских людей? Людие, воззрите на главу мою, иже денно и нощно о вас печаль имеет!

Старица сняла монашеский клобук и поклонилась народу. Седые реденькие волосы ее смешно разлохматились на ветру. Женский жалостливый, со слезами, голос крикнул из толпы:

— Шапочку одень, матушка. Головушку старую застудишь.

— Размирье наше кончат надобе. На что сменять хотите жизнь ново-китежскую, кроткую да утешную? — ласково, увещательно продолжала старица. — На жизнь мирскую, на злую царскую неволю?

— Кому она утешная, ново-китежская жизнь? — с грустным укором спросил Будимир, сидевший на бочке рядом с капитаном. — Верховникам да стрельцам, кои каждый день убоину жрут да медовуху пьют. — И, не утерпев, крикнул зычно: — Не брещи, старая, давно на Руси царей нет!

— Ты, преподобная, со святыми ангелами гурторь, а с нами, грешными, теперя не договоришься! — вскинулся из толпы веселый голос.

Второй голос крикнул насмешливо:

— Ты, милостивая, не слова нам кидай, а сичкику мирского кинь!

Его догнал злой и резкий вскрик:

— Вставай с колен, хрешшоны! На колених не бунтуют!

Люди поднялись с колен, недобро переговариваясь. Старица почувствовала перемену в настроении толпы и закликушествовала:

— Стыд и обык забыли, богом проклятые! Проклинаю вас до третьего колена! Анафема вам! Огонь и железо на вас пошло!

Будимир улыбнулся одними губами, невесело и раздраженно:

— Всегда она против народа, хлебна муха! Мудрая наставница, уста сладковещательные, а для нас у нее иных слов, кроме угрозных и хулильных, нет. Змея!

Вздохновенную, обозленную Нимфодору уволок старухи. Ее сменил, вылез на балкон посадник Ждан Густомысл. И едва увидели его люди, понеслись разъяренные крики:

— Толстопуз окаянный!.. Судья неправедный!..

— Измотал народ, живодер!..

— Огульные и прочие работы на белом железе отменяй!..

— Огульная работа — богова работа! — ревел в ответ посадник.

— Чертова работа, а не богова!..

— Богова работа, яко молитва ко господу, в ту же небесную чашу падает!

— Вам в карман падает!

— Подавься своим белым железом, живодер!..

— Не люб ты нам!.. Самодурен ты и древоголов!.. Не желаем тебя!..

— По вашей правде и воле буду править! — прижав руки к груди, умоляюще кричал посадник. — Крест на том поцелую!

— Обманешь! Опять на шею сядешь!

— А теперь мы на тебя сядем!

— Она у ты мягкая, сытая! Ой, люблю!..

Грозное веселье толпы остановил Будимир.

— Погодите, спасены души. О деле надо.—

И, встав на бочку, сложив ладони рупором, он крикнул посаднику: — Оттыкайте дыру в мир! Показывайте ходы через Прорву!

— Мы сами, спасены души, тех ходов не знаем! — ответил посадник.

— Врешь, Ждан! А бархат на тебе откуда? А белое железо куда сплавляешь? Добром не покажете, заставим, хлебна муха!

Посадник и Остафий Сабур растерянно переглянулись. Они долго о чем-то совещались с верховниками, и заметно было, что нет у них согласия. Все были взволнованы, растеряны и напуганы. Посадник, наконец, снова подошел к перилам балкона.

— Господин великий Ново-Китеж, чего зря шум? — рявкнул он. — Мятаж и свару и развратное прекословие немедленно прекратите!

— Ходы через Прорву давай! — крикнул Повала.

— На тебя, Будимир, Верхняя Дума мертвую грамоту седни написала! Заводила ты! На Толчке голову тебе Суравец оттяпает!

— Сам раньше на плаху ляжешь! — ответила криком толпа.

— У меня рука тяжелая! — наливаясь кровью и пуча глаза, заорал Ждан. — За ваши вины, уму неместимые, прикажу я стрельцам вас бить и рубить до смерти! А живым оставшимся прикажу ноздри вырвать до кости и на лбу знаки поставить каленым железом!

— Во, высказал! — оторопело протянул Пуд Волкорез, стоявший в первых рядах толпы. И вдруг закричал остервенело: — Легче, боров, пуп соврешь! Убери брюхо, не то стрелой проткну!

Посадник с неожиданной для его толщины быстротой скатился с балкона на стену.

Толпа негодуя и гневно гудела.

— От каменного попа жди железной просфоры! — сказал со вздохом сидевший Софроний, держась обеими руками за апостольскую бороду. — Прав ты, Будимир, только поле чистое да сабля вострая рассудят нас с верховниками!

— Понял теперь, хлебна муха? — улыбнулся ему Будимир.

— Идите, ребята, в стан, — приказал капитан. — Здесь мы ничего не выстоим.

— И то! — согласились посадские и не спеша отошли от детинских стен.

Верховники смотрели им вслед оторопело и напуганно.

Глава 4

Побег

*В тюрьме крепки в
дверях замки
И стены высоки.
За жизнью узника
следят
Холодные зрачки.*

О. Уайльд.

Баллада о Рэдингской тюрьме.

Ветер размел облака, и поднялась в небе луна. Над всей необъятной Сибирью полыхала, наверное, эта зловеще желтая луна.

Осадный табор понемногу затихал после вызова под детинские стены, после сердитого разговора восставших со старицей и посадником. Атаман и есаулы стояли около штабного шатра, договариваясь, кому с какими посадами идти завтра на штурм Детинца. Здесь и заметил Будимир молодого парнишку, шедшего как-то неуверенно, то и дело оглядываясь и всматриваясь в лица попадавшихся людей.

— Стой-ка! — схватил его за плечо Будимир. — А я, кажись, тебя знаю.

Паренек испуганно оглянулся, но, посмотрев на Повалу, улыбнулся:

— И я тебя знаю, дядя Будимир.

— Ты из Детинца, парень! Коней к нам приволил ковать.

— Из Детинца. Конюх я с посадничьей конюшни.

— А как сюда попал? — двинулся на парня Птуха.

— По веревке меня со стены спустили.

— Зачем? — с угрозой спросил мичман.

— Грамотку я мирским принес.

— От кого?

— Читай, узнаешь. Видать, ты мирской и будешь? А приказано передать грамотку наибольшему из мирских, он же атаман заворухи седнешней. — Я атаман. Давай грамотку, — сказал капитан.

Оробевший парень передал ему письмо.

Сердце капитана сжало недоброе предчувствие: письмо было на бумаге из блокнота, с зубчиками по верхнему краю.

— Голова стрелецкий Остафий, когда спускал меня со стены, кричал вслед, что мирские, мол, наградят тебя. Полтины две, мол, огребешь! Весточку зело радостную несешь! — стеснительно поглядывая на есаулов, говорил детинский посланец.

Капитан подошел к костру и быстро прочитал, видимо, очень коротенькое послание. Письмо выпало из его рук.

Мичман поднял письмо и вслух прочитал:

— «Капитан! К рассвету шайки бунтовщиков должны быть отведены от Детинца в посады. В противном случае с первыми солнечными лучами летчик Косаговский и его брат будут повешены на стенах Детинца».

Подписи не было.

— Вона, какие весточки я принес, — оробел конюх. — Такое дело плохой пахнет, а не полтиной! Капитан был бледен.

— Решайте, товарищи и братья, — тихо сказал он. — Я не знаю, как поступить.

Есаулы молчали, опустив глаза в землю.

— Решайте же! И будет по-вашему! — крикнул капитан.

— Не вправе мы такое решать! — Будимир беспомощно развел руками. — Всем народом такое дело решается, отойти нам в посады или в облоге стоять и на приступ идти.

— Смотрите на него, он собирается в посады вернуться! — блеснул мичман цыганскими белками. — Отойдем мы в посады, ладно! Ну и что? Поможет это, как пилюля от землетрясения! Отпустят они наших пленников за такую твою услугу, Будимир? И дыру в мир откроют для народа?

— А что вы предлагаете, мичман? — посмотрел на него Ратных.

Птуха глубоко вздохнул и поднял кулак, собираясь крикнуть что-то решительное, окончательное, но кулак его опустился и, понурившись, он сказал растерянно:

— Ничего я не предлагаю.

— Стало быть, надо сходку сбивать, хлеб-муха, — с печальной решимостью сказал Будимир.

И все посмотрели на Детинец, неподвижный и тихий. Ворота на запоре, стены пусты, лишь изредка холодно сверкнет там что-то — бердыш или обнаженная сабля. А вот и на дальнем конце стены что-то сверкнуло огненно, и долетело хриплое гарканье выстрела.

— Из тюфяков стреляют, — посмотрел в ту сторону Волкорез.

Все молчали, прислушиваясь и вглядываясь. На дальней стене снова гаркнул тюфяк, гаркнул и во второй, и в третий раз. Видны были выхлопы пламени из стволов. На стене взметнулись смоляные факелы.

— Это с Пыточной башни стреляют! — крикнул отчаянно Истома и побежал. Капитан тоже побежал под стеной Детинца.

Его обогнали Будимир, Волкорез, Птуха.

Осадный табор, разбуженный выстрелами, проснулся. Люди бежали в сторону Пыточной, потом вдруг остановились, закричали обрадованно и пошли обратно, навстречу капитану.

— Не пойму, что там случилось, — пробормотал он и остановился, пораженный. До него долетел голос Истома:

— Радуща ты моя, Серезенька! Вырвался!

— Виктор Дмитриевич!.. Дайте обниму!.. — кричал мичман. — Теперь мы опять на ровный киль встали! Ох, и повоюем же теперь!..

— Живы, здоровы, целешеньки? — закричал и капитан, бросаясь на веселые голоса.

— И живы, и здоровы, и целешеньки! — выдвинулся под свет факела улыбающийся летчик. А вместе с ним подошел и Сереза. Капитан схватил его и бурно поцеловал.

— Как же освободились?

Лучась мальчишеским задором, Сереза ответил:

— Целое приключение! На краю смерти были. Не верите?..

В который уже раз осмотрел Виктор волоковое окно, выходящее на дощатый желоб, подергал толстые горбыли, потом ощупал дверь каморы. Она была сбита из дубовых досок и закрыта снаружи на засов. Положим, каким-то чудом они откроют эту дверь, а что толку? Попадут в нижний ярус Пыточной башни, а оттуда ход только на посадничий двор. Тотчас схватят их стрельцы и отведут к Памфилу-Быку. А дальше и подумать страшно!..

— Эх, сидим сложа руки. Бежать надо! — заговорил вдруг Сереза. В голосе его были укор и суровое осуждение.

— А как? — спросил Виктор.

Вот тогда и донесся откуда-то тихий, но ясный голос:

— Серьга!

— Слышишь? — вскинулся Виктор. — Тебя зовут!

— Надо же! Это голос Митьши! — прошептал оторопело Сереза.

— Серьга, ты меня слышишь? — снова тихо проговорили совсем рядом.

Сереза бросился к окну, забитому горбылями. Он заметил еще днем, что между горбылями есть большая щель.

— Митьша, это ты? — крикнул Сереза в щель.

— Я самый. Тише говори, — донеслось в ответ. — Стерегут вас строго. На башне тяжелые пищали на сошках поставили. Стрельцы-караульщики по стенам ходят. Сунься-кось!

— Мы их шаги слышим. А ты как подобрался?

— Как стрельцы пройдут обходом Пыточную — мы сюда! Мы здесь всей ватагой. Ты глянь, что-то увидишь, — шепнул Митьша, отодвигаясь от щели. Сереза прильнул к щели. Внизу, у подножья башни, залитые желтым лунным светом, задрожав головы стояли Иванка, Тишата, Вукол и даже завидующая душа — Завидка, и ставший недругом из-за ножа Юрята. А впереди ребят сидел столбиком Женька. Нервно облизываясь, он тоже смотрел вверх, на забитое волоковое окно. Юрята вдруг сорвался, побежал к башне, и Сереза услышал, как он лезет вверх по желобу. А затем услышал и его голос:

— Здорово, Серьга.

— Здорово, — недружелюбно ответил Сереза.

— На-ка, вот, держи!

Юрята сунул что-то в щель, протолкнул. На пол каморы упал Серезин чудо-нож.

— На время даешь? — спросил Сереза.

— Насовсем! Бери, чего там! — прошепелявил Юрята.

— Ну, знаешь, Юрята... Теперь ты мне... — задохнулся от волнения Сереза. — Теперь ты мне самый что ни на есть лучший друг!

— Ладно тебе!.. Серьга, мы сейчас убежим, по стене обход идет, а потом...

По желобу прошумело и стихло.

— Смотри, Витя, опять со мною ножичек! — Сережа нажал кнопку и взмахнул клинком. — Теперь мы с тобой о-го-го!

Виктор взял нож из рук брата.

— Топор бы нам добрый, тогда бы мы...

— Топор в башне есть, я видел.

— В башне?!

Виктор подбежал к двери каморы, примерил-ся и вонзил в доски нож. Работал отчаянно, резал, ковырял, сверлил дверь. Но дуб был крепок. Не раз пришлось точить нож о прутья решетки. Сережа стоял рядом и вздрагивал от волнения. Виктор спешил. До рассвета оставалось немного.

И наконец в двери прорезана дыра. Сунул в нее пальцы, с трудом отодвинул деревянный засов снаружи. Дверь, скрипнув, открылась.

— Где топор? — спросил Виктор, встав на пороге. В башне было темно.

— Прямо иди, к стене. Там ищи, он в бревно воткнут.

Сережа остался на пороге. Идти в застенок, да еще в темноте, у него не хватило духа. Виктор вернулся в камору.

— Классный топорик! — сказал он, взвешивая в руке тяжелый палаческий топор с широким лезвием. Подсунул топор под конец прибитого горбыля и с силой нажал. Заскрежетали, выдираясь, грубо выкованные огромные костыли. Сережа прислушивался, готовый предупредить о приближении стрелецкого караула, ходившего по стене. Косаговский ухватился за отодравшийся конец горбыля, вцепился в конец и Сережа.

— Ра-азом, взяли! — скомандовал Виктор. С треском, похожим на выстрел, горбыль оторвался от окна.

— Чертова музыка! — прошептал летчик. — Стрельцы услышат.

Они прислушались. Наверху было тихо. Ухватились за второй горбыль, рванули. Он отдрался с таким же треском. В дыре чернела ночь.

— Я первый, — сказал Виктор.

Он взял топор, высунул голову в дыру, огляделся и одним прыжком вылетел из каморы на желоб.

— Давай, быстро! — шепнул он из темноты.

Сережа выкинулся из окна. Они скатились по желобу на землю и побежали. И тогда со стены заорали:

— Стой!.. Стой, говорю!..

А они бежали. Надо было перебежать широкую улицу и спрятаться за домами. Но грохнул со стены тюфяк. Картечь просвистела над головой. А улица, проклятая, не кончалась. На стене суматошно орали стрельцы. Снова и снова выстрелил тюфяк. А следующий выстрел не срежет ли их наповал? И снова закричали на стене. Но теперь не стрельцы. Кричал девичий голос, молящий и вместе с тем строгий:

— Не стреляйте, богом молю!.. Приказ мой вам, не стреляйте!..

На стене стало тихо. А вот и первая изба. Обежав ее, Виктор и Сережа остановились, привалившись измученно к стене.

— Еще чуть, и гроб был бы! — тяжело дыша, сказал Виктор. — А ты слышал голос девичий?

— Слышал.

— Догадался, чей это голос?

Ответить Сережа не успел. На него налетело, едва не сбив с ног, что-то косматое, визжащее, и

горячо лизнуло в лицо. Это был обезумевший от счастья Женька. Он скакал, вертелся и тьякал. А потом, рыча свирепо и ласково, схватил Виктора за носок ботинка.

— Ах ты, псина! — умилился летчик.

... — Памфил проговорился мне, — докладывал Виктор капитану, — что сейчас братчиков в городе нет, но он может их очень быстро вызвать при необходимости. А особенно важно: по его словам где-то в Детинце целый арсенал скорострельного оружия.

— Надо немедленно штурмовать Детинец! Пока Памфил не вызвал братчиков в город, — загорелся нетерпением капитан. — Если мы захватим этот арсенал, нам обеспечена полная победа!

— Что же, начнем с молитвой! — посмотрел на небо Будимир. — Светает уж.

Глава 5

На слом!

И грянул бой!

А. Пушкин. Полтава.

Белая голова Лысухи порозовела. Угасли ночные костры осадного табора. Люди переговаривались шепотом после сна голосами. В Детинце ударил соборный колокол. Такому раннему звону к заутрени посадские удивились, но покидали шапки и закрестились на занимавшийся восток.

Колокол гудел не благостно, не молитвенно, а грозно и тревожно.

— Сполошно звонят!.. В набат Детинец ударил!.. — заговорили в осадном таборе.

Сотники полезли на телеги, пытаются разглядеть, что делается в Детинце, ничего не увидели, но начали скликать и строить свои сотни. И впрочем они спохватились: по табору поскакали атаманские посылки Истома и Мишанька Безмен, кричали тревогу, чтобы брали люди оружие, богу молились, чистые рубахи надевали и к ратным трудам готовились.

Колокол ударил в последний раз надрывно, отчаянно, словно вскрикнул в страхе. Медленно раскрылись окованные железом крепостные ворота, злобно зарычав ржавыми петлями. Звериный этот рык был слышен во всех посадах.

Из ворот медленным, торжественным шагом выехали конные стрельцы, в первой шеренге с копьями, во второй с саблями. Впереди, отдельно, ехали посадник и стрелецкий голова. Конница спустилась с детинского холма и остановилась на лугу.

Сытые, застоявшиеся лошади фыркали, играли крупами, нетерпеливо перебирали ногами, звенели уздечками. Звякало оружие. От конных рядов несло на табор крепкими запахами стойла.

— Словно подслушали наши разговоры, — сказал недовольно капитан стоявшим рядом есаулам. — Предупредили нас, язвы их, раньше нас выступили!

— Бой лютый будет, хлебна муха! — откликнулся Будимир. — В челе войска сам посадник встал.

— Не чаёт нашей кровушки напиться, собака ненажора! — проворчал Пуд Волкорез.

— Захлебнется! — с вызовом выкрикнул Мишанька Безмен.

Ждан Густомысл был как грозовая туча — в черном бархатном плаще, с чупруном-плюмажем из черных перьев на шлеме. Рядом с ним знаменщик поднял черное знамя с вышитыми на нем ликами Христа и богородицы. Грудастый вороной конь посадника переступал косматыми ногами, встряхивал головой, чуть не до земли свешивая гриву. Посадник сутуло сидел на коне, расстелив черную смолевую бороду по тяжелой черной кольчуге. Бородаща его лоснилась на солнце, как вороново крыло.

— Остафий Сабур, глянь, и в бою щеголь. Хвастун! — засмеялся Будимир недобрым, жестяным смехом.

Белолицый, румяный стрелецкий голова удало сдвинул набекрень атласную шапку и оправлял то и дело шелковый кушак, захлестнутый поверх бархатного зеленого кафтана. Торжественный, нарядный, он словно не в бой, а на свадьбу собрался.

— Ой, сколько их! Целая орда!

— Волчья стая! Загрызут они нас! — опасливо переговаривались посадские. И робкие эти голоса перебил отважный голос:

— Ничо! Запустим зеленым кафтанам ежа за пазуху!

И табор приготовился к бою. На телегах залегли пищальники и охотники-лучники. За телегами, чуть пошевельвая остриями поднятых копий, встали сотни копейщиков, основная штурмовая си-

ла. Бок о бок с копейщиками стояли сотни вооруженных и саблями, и боевыми молотами-чеканами, и кистенями, и прочим оружием.

В нескольких шагах от передних рядов осадного табора одиноко стоял Птуха в кителе с нарукавными галунами и минерским значком, в нахимовской, с тупым козырьком мичманке. У ног его в окоренке лежала бухточка тлеющего фитиля, а к лугу уходили дощатые желобочки, засыпанные порохом. Они заменяли запальный шнур.

Капитан, протяжно окая, громко крикнул:

— Сотники и десятники, по местам! К бою готовься!

Будимир на левом крыле и Волкорез на правом повторили его команду.

Густомысл поднес к глазам бинокль и устоялся на осадный табор, грозно сопя на весь луг. Посадских взяла оторопь. Остафий Сабур загадочно улыбался.

Посадник опустил бинокль и, ущемив носиче в два пальца, высморкался так оглушительно, что гул пошел окрест, а в осадном таборе женщина вскрикнула испуганно: «Ой, господи!» И словно

подстегнутый этим робким вскриком, Густомысл выдернул из ножен широкий, блеснувший на солнце меч. Стрельцы передней шеренги опустили копьа, во второй шеренге потянули из тугих ножен сабли. И тишина, особенная, намертво задохнувшаяся, опустилась на поле начинающегося боя.

— С нами бог! — долетел голос Густомысла. Он крестообразно сверкнул над головой мечом. Стрельцы колыхнулись, пригнулись к лошадиным шеям и с места дали полную волю озверевшим от шпорных уколов, маленьким, злым, косматым коням.

— Гойда!.. Гойда!.. — со звериным восторгом орали стрельцы, крепко прижимая к бедрам древки хищно нацеленных копий. Задние крутили над головами кривые клинки. В пыльном тумане, в блеске сабель и шлемов, в грохоте и храпе, неслась на табор конная атака.

Капитан почувствовал, как, словно в ознобе, натянулась на скулах кожа. Пьянящее чувство опасности, азарт боя и холодная, умная ярость леденили щеки и сушили рот.

Конница неотвратно летела на табор. Где-то в задних рядах табора в голос завывали, запричитали-

ли, как по покойнику, женщины, побежали, втянув головы в плечи, немногие трусы, захопавали, не дожидаясь команды, пищальники, и по приказу Волкореза лесомыки пустили в стрельцов залп стрел. Но большого урона не нанесли. Стрелы не пробивали кольчуги.

— Стрели по коням! — закричал Волкорез.

Будимир, стоявший за телегами с пешей ратью, дрогнул, но покрикивал подбадрывающе:

— Не трусь, спасены души! Бой отвагу любит!..

Конная лава приближалась.

— Мичман, почему медлите? — крикнул Птухе капитан.

Птуха молчал, не сводя пристального, прицеливающегося взгляда со скачущих конников.

— Не время еще, — ответил он. — Пусть поближе подойдут... Давай, давай! — подманивал он мчащихся стрельцов. И вдруг сказал решительно и строго: — Теперь порал!

Он сбил на затылок мичманку щелчком в козырек, поплевал в ладони и крикнул, будто на баке в бою:

— Полундра! Ложись!

И поднес тлеющий фитиль к желобу с порохом. Тонкая струйка пламени со свистом вырвалась из желоба. И побежал навстречу конной атаке лукавый ярко-красный огонек, искрясь, выбрасывая острые язычки, и ничто уже не смогло бы погасить его.

Порыв ветра, какого-то особенно плотного, сбил капитана на землю. Падая, он услышал низкий, утробный грохот и увидел слепящее, желто-белое пламя, а затем взмет черного султана дыма и земли. А на гребне взрыва встал, словно памятник на пьедестале, поднявшийся на дыбы вороной конь посадника, а Густомысл, навалилась на переднюю луку, все еще показывал мечом на врага. И вдали, неправдоподобно медленно, поднялись сорванные с петель ворота Детинца, на миг повисли в воздухе и с грохотом обрушились на землю, рассыпавшись на бревна.

Капитан поднялся с земли. В ушах и в голове было пусто, все кружилось перед глазами, и словно издали долетел до него довольный голос мичмана:

— Амба! Называется — направленный взрыв!

Вслед за мичманом звонко крикнул где-то рядом Сережа:

— Карамба! Один ноль в нашу пользу!

Осадный табор долго оторопело молчал, глядя на могучее действие взрыва. Затем кто-то сказал удивленно:

— Гляди-кось, кажись, наша взяла!

Все поле было усеяно трупами. Пяток стрельцов, пеших, бежал к взорванным воротам Детинца. Носились по полю, звеня пустыми стременами, обезумевшие кони. Тогда полным голосом, ликуя, крикнул Будимир:

— Шабаш, спасены души! Конец обедне! У кого кровь соленая, на слом!..

Следом за криком есаула ударил в уши ватажный, разинский двухпальный свист. Три века хранили его в памяти ново-китежские посады.

— На слом!.. На удар!.. — закричал табор в один голос и ринулся к взорванным крепостным воротам.

Окончание следует

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Разнообразны интересы следопытов Башкирии. Их поиски идут в самых различных и самых увлекательных направлениях. Так школьники Чекмасушенского района заметили, какие удивительные географические названия встречаются в их крае. Как они произошли? Потрудиться пришлось немало. И вот составлен географический словарь района.

А учащиеся шестого класса Староматинской школы решили помочь колхозу — поискать минеральные удобрения. Поход организовали по маршруту: Старые Маты — урочище Турай — правый берег долины реки Каратайки. Ребята нашли большие залежи агорруды.

Следопыты Башкирии очень увлечены археологией. Причем работают они под руководством и по заданию Института археологии Академии наук СССР. Так юные исследователи 105-й школы Уфы вели раскопки стоянки Мурат на озере Узун-Куль. Они обнаружили поселение первобытных людей, нашли наконечники стрел, ножевидные пластинки, керамику. Члены археологического кружка Уфимского Дворца пионеров открыли в бассейне реки Быстрый Танык тридцать восемь поселений древнего человека. Ребята получили отличный отзыв специалистов.

А. УСТИНОВА,
методист туристской станции.

В деревне Извайль поставлен обелиск двенадцати погибшим партизанам гражданской войны. В 1919 году они вместе со своими товарищами вели бои с войсками белых в районе Сторожевска и задержали наступление врага на город, не дали ему соединиться с крупными силами противника в районе Вишеры.

Мы, следопыты школы № 21 Сыктывкара, совершили поход по местам боев своих земляков, побывали в деревне Извайль, встретились с дочерью погибшего командира Алексея Ивановича Уляшева — Марией Алексеевной. Она подарила нам редкие фотографии, поделилась воспоминаниями о своем отце. Сейчас в школьном музее есть стенд, посвященный героям-партизанам.

Интересный материал собрали мы и о спортсменах братьях Жилиных. С первых дней Великой Отечественной войны ушли они защищать Родину. Все погибли. Мы обратились в горсовет и попросили переименовать улицу Мезенскую, где стоит дом героев, в улицу братьев Жилиных. Горсовет утвердил предложение штаба следопытов.

Следопыты школы № 21

Еще летом 1962 года ученики средней школы города Воркуты отправились в первую экспедицию по Полярному Уралу. Два месяца небольшая группа ребят работала в суровом горном районе. Быстрые речки и стоки, хмурые скалы с белыми пятнами снежных кар, зачехленную унылым и неприветливым пейзаж. Солнечные дни сменялись дождливыми, а вскоре на пути следопытов встали туманы. Но ребята не унывали — составляли гербарии, коллекции насекомых, собирали минералы.

Начало учебного года посвятили обработке материалов. А потом возникла мысль обратиться в институт географии Сибирского филиала Академии наук СССР и попросить тему для исследования. Ученые предложили сделать биогеографическую характеристику горнотаежного района запада Бурятской АССР и востока Тувинской АССР.

И вот 26 мая 1963 года мы снова в пути. Наша экспедиция длилась четыре года, — четыре раза в течение 1963—1966 годов мы отправлялись в походы. На территории почти в 1100 километров описали рельеф местности, скал и обнажений, растительный и животный мир. В пути помогли рыбакам, охотникам, добывали орехи, читали лекции.

А в школе мы создали малую академию. Члены ее увлечены исследованием родного края, готовятся стать геологами и археологами, ботаниками и зоологами. И мечтают о новых походах.

И. СИДОРОВ, преподаватель

Есть в Удмуртии небольшая деревенька — Пазял. Ее не найти даже на самой подробной карте республики. А вот случилось так, что второй раз Удмуртский научно-исследовательский институт направил сюда большую экспедицию.

Два года назад гости из Ижевска впервые услышали в Пазяле чудесные народные песни. Трудовые, свадебные, хороводные, гостевые, колыбельные и солдатские... Песни разных лет. И никто из участников экспедиции никогда не слышал их раньше: они родились и звучали только в Пазяле.

В деревне сложились свои традиции. Одна песня душевнее всех получается у семидесятилетней Александры Батуевой, а другая — у Анны Дерягиной, у Афимии Курбатовой...

Второй раз приехала экспедиция, чтобы голос деревенских запевал — Анны Комаровой, Елизаветы Репиной и Ольги Золотаревой — сохранить на лета.

Сто двадцать песен уже записаны. Теперь отбирают лучшие. Они войдут в книгу «Песни пазяльских удмуртов».

А. АРТАМОНОВ

Поезд отошел от перрона. — Послушайте, какую мы проехали станцию? — очень любезно обратилась девушка к попутчику.

— Незевай.

— Я вас серьезно спрашиваю, — обиделась девушка.

— А я вам серьезно и отвечаю, — в свою очередь обиделся мужчина.

Эту дорожную шутку я слышал давно. И, признаться, тогда до меня, как говорится, юмор не дошел. Но вот совсем недавно, подъезжая к Алапаевску, я случайноглянул в окно вагона и, к своему немалому изумлению, на станционном здании прочел: «Незевай». Вот так да! Значит,

ной» станцией я встретился на севере. На этот раз она была не «итальянская», а «украинская». Находится станция на восток от самого северного города в нашей области — Ивделя. Среди непроходимых болот, дикой тайги и несметных полчищ комаров стоит деревянный дом — типовое станционное здание на новой железной дороге Ивдель—Обь. Станция Лявдинка — типично уральская, а в ее названии так и чудится горячая полтавщина, подсолнухи и белые мазанки.

А вот за Верхней Турой есть небольшой поселок прямо-таки со столичным именем: Арбатский. Опять загадка: какая связь между поселком зо-

ной туринец. Не слышал ли ты про поселок Маломальск? Почему он так называется?

Анатолий рассмеялся.

— Попал в десятку! Да я же сам маломальский! А назвали поселок золотоискатели. Золотишко шло не густо, так, маломальски... Вот, осердась, и нарекли Маломальском.

В этом же районе, только восточнее, на реке Ляле, есть деревушка Караул. Помню, когда был несколько лет назад в Верхотурье, удивился: «Там что, ограбили кого?» А оказалось, в этой деревне жили когда-то стражники.

Про станции, которые хоть сейчас размещай в минералогическом музее, я уж не говорю. Асбест (кстати, в Свердловской области их даже два: город и маленький поселок в Алапаевском районе), Мраморский, Хрустальная, Колчедан, Самоцвет, Изумруд — о них, наверное, слышал каждый. Но вот далеко не каждый, наверное, знает, что есть у нас на севере, под самым Ивделем, станция Уралзолото. Прямо трест, а не станция.

Удивительные порой ассоциации возникают, когда слышишь названия некоторых уральских рек и поселков. Не мне, наверное, одному в слове Тагил чудится слиток металла. А многие туристы, кто побывал в деревне Полдневая, на Уфалейском хребте,

НЕЗЕВАЙ И ПРОЧИЕ

шутка-то вовсе и не шутка, такая станция и в самом деле есть.

По этой же дороге, но уже за Алапаевском, мне встретилась еще одна любопытная станция: «Задание». Почему Задание? Кому, когда и какое историческое задание было дано на месте этого вокзальчика, окрашенного охрой? Возможно, что кто-нибудь из жителей Задания и знает, откуда пошло такое странное имя, но поезд на станции не остановился и умчал меня дальше.

Я ехал и припоминал места на Урале с необыкновенными названиями. Прежде всего вспомнил про Сан-Донато за Нижним Тагилом. История о том, как Демидов купил княжеский титул в Италии и в честь такого «события» позднее была названа эта станция на Горнозаводской ветке, известна довольно широко.

Так за Нижним Тагилом появился уголок солнечной Италии. Правда, уголок только по названию.

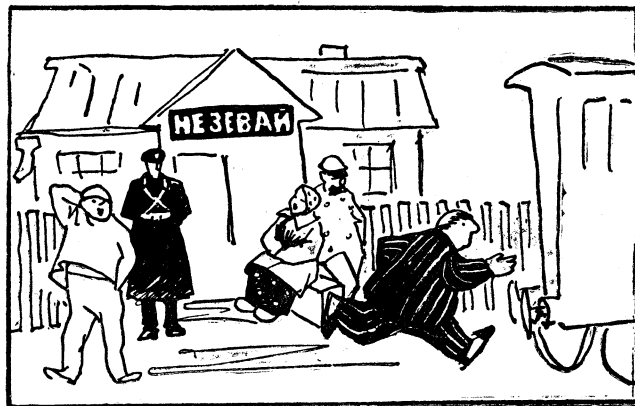
54

А еще с такой же «солнеч-

лотоискателей и знаменитой московской улицей?

Кстати, неподалеку от Арбатского, на той же самой речке Туре, есть еще один поселок с не менее любопытным названием: Маломальск. Както я встретил своего старого друга, качканарца Анатолия Торопицына, и поинтересовался:

— Слушай, Толя, ты корен-

утверждают, что в Полдневой гораздо теплее, чем в соседнем поселке — Зюзельском.

А уж говорить о точности соответствия имен поселков ландшафту, то пальму первенства здесь надо отдать Полуночному — самому северному поселку в Свердловской области. Лежит Полуночное посреди невысоких гор, и такое испытываешь чувство, когда идешь по его улицам, словно где-то вот здесь, рядом, проходит Полярный круг, хотя до него еще добрых пятьсот километров.

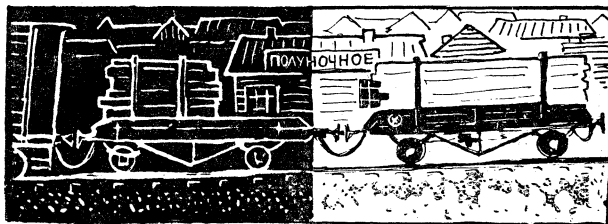
Лето в Полуночном странное — прозрачное, светлое; в ненастные дни вообще не поймешь, когда день, а когда ночь.

Идешь по поселку в полуночный час — и кажется все вокруг каким-то нереальным. Тишина такая, будто уши ватой заложило. Даже собаки в этот час замолкают. Дремут, ждут, когда появится из-за увала солнце...

Но самое, пожалуй, поэтическое имя принадлежит не поселку, а реке. Эта река передала свое звучное имя десятку городов и сел: Верх-Нейвинский, Невьянск, Нейво-Рудянка, Нейво-Шайтанка...

Нейва начинается в болотах у шоссе Свердловск—Тагил, где-то между Невьянском и Тагилом, и пересекает всю восточную часть нашей области. Но настоящую Нейву, ту самую Нейву, которая по достоинству носит свое удивительно чистое, я бы сказал, женственное имя, увидеть можно только в ее нижнем течении, у старинного села Елань, где Нейва, сливаясь с Режем, образует реку Ницу. (Опять-таки чуть не знаменитый средиземноморский курорт на юге Франции — Ницца!). Там Нейва такая чистая и ясная, что виден на дне каждый камень...

Ю. ЯРОВОЙ

Иван ФЕДОРОВ

ПАМЯТЬ

*Когда плохие вести
Перешагнут порог,
Ты не ищи то место,
Где я навеки лег.*

*Ни холм в степи широкой,
Ни травы в тишине,
Ни молодой осокорь
Не скажут обо мне.*

*А ты пройдишь полями,
Пройди за валом вал,
Где проходил с боями,
Где насмерть я стоял.*

*А ты войди в тот город,
В котором жил и пел,
И погляди на горы
Незавершенных дел.*

*Там каждый мост и камень
Расскажут, как в борьбе
Я создавал руками
Память о себе.*

* * *

*Май и дождь.
И гроза грохотала.
Утихала.
Гремела опять.
Над озерами радуга встала,
Чтоб, как ведра, их в небо поднять.*

*И, поверив народной примете,
С удивленьем смотрело село,
Как с ведерками полными лето
Путь-дорогу весне перешло.*

Мне хочется поведать читателю истории, которые произошли со мной, когда я впервые взял в руки ружье.

Д. Клещев, егерь.

МОЯ ПЕРВАЯ БЕЛКА

Я шел сосновым бором по знакомой мне тропинке. Под ногами снег поскрипывал так, словно мяли свежую капусту. Около стройной, высокой лиственницы, или, как ее нежно называют охотники, листвянки, остановился и начал разглядывать шрам, протянувшийся по коре от вершины до основания. Видно, во время летней грозы в дерево ударила молния. Но твердая ткань лиственницы не сдалась, и электрический заряд, пробороздив кору, ушел в землю.

Я люблю лиственницу за ее тонкие, шелковистые иголки, которые по сравнению с грубоватой сосновой иглой кажутся мне прямо-таки аристократическими...

Вдруг совсем рядом раздался резкий шорох. Обернулся. Вверх по стволу сосны серой молнией мелькнула белка. Вот она добралась до первого сучка, перегнулась на нем и посмотрела на меня. Стрелять! Надо стрелять! Но момент был упущен. Белка спряталась в густой шапке хвои, только хвост наружу. Я ходил вокруг сосны, гикая и бросая в зверьку комочки снега. Пытался всячески выманить его на открытое место. Но все

было безуспешно. И тогда решил прибегнуть к эксперименту, к какому, наверно, не прибегал еще ни один охотник. Я залял на нее, словно хорошая, выдрессированная охотничья лайка.

И белка мгновенно повернулась ко мне, будто перед ней и в самом деле была собака. Тут-то нажал я на спусковой крючок своего ружья...

Таким образом убил сразу двух зайцев: приобрел пушистого зверька и доказал, что даже в таком деле, как охота, возможно совмещение двух «профессий».

КАК Я УЗНАВАЛ ПОГОДУ

И так, идти или не идти — вот в чем вопрос, — говорил я себе, шагая по комнате и одновременно поглядывая за окно, где собирался дождь.

— Купи барометр, — коротко посоветовала жена.

— Барометр денег стоит.

— Брось ты, в самом деле, связываться с барометрами, — поддержал меня мой знакомый охотник. — Возьми лучше веточку вереска, поставь в комнату и следи: коли вершина ее согнется крючком — значит будет дождь. Станет прямо — жди ясной погоды. Вот и все. Проще пареной репы!

И скоро в моей комнате запахло вереском. Я принес не одну веточку, а целых две. Для ясности. Но ясности, увы, не получилось. Наоборот, теперь я запутался совсем. Дело в том, что одна из веточек упорно показывала мне на ведро, другая — на дождь. Между тем охотники — владельцы барометров — потихоньку похаживали в лес и каждый раз возвращались домой с добычей. Я же уныло топтался вокруг своих веточек и повторял как заклинание: «Идти — не идти, — вот в чем вопрос».

Наконец не выдержал: собрался за барометром, ибо понял, что пренебрегать наукой никогда и ни в чем не следует.

НА ЧУЧЕЛАХ

Впервые в жизни я сидел с чучелами на косачей. Об этой охоте я столько слышал, что не было никакой возможности удержать меня дома. Пришел в свой скрад. Утренняя заря только что занималась. Край неба, где должно было вот-вот взойти солнце, начал вдруг алеть и наливаясь, словно спелое яблоко. Прямо надо мной в синем просвете висела бледная луна, похожая на старую, стершуюся монету. Тишина настраивала на какой-то особый, философский лад.

«Что там ни говори,— рассуждал я, сидя в скраде и поглядывая по сторонам,— а природа никогда не утратит для нас своей прелести. Не пойму людей, которые годами не выезжают в лес, на озеро. Пожалуй, легче вывести на орбиту спутник, чем вытолкнуть порой такого из города подышать свежим воздухом».

Не знаю, от этого ли утра, или от того, что не было косачей, или просто потому, что я плохо спал всю ночь, находясь во власти предстоящей охоты,— только понежному сон начал одолевать меня.

Вдруг над головой послышался взмах сильных крыльев. На ближнее ко мне чучело кто-то упорно пытался сесть.

«Ага,— удовлетворенно подумал я, принимая удобную для выстрела позу,— один, кажется, прилетел».

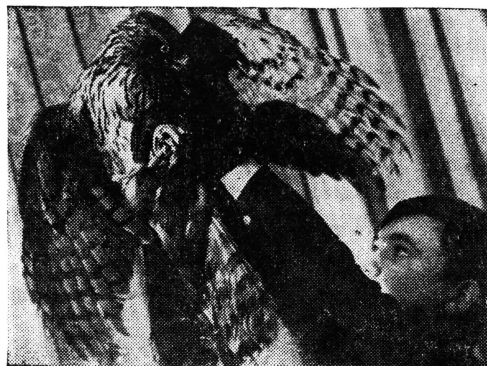
Но мне было совершенно не понятно поведение неожиданного гостя. Он начал вдруг с остервенением рвать когтями косача и клевать его.

Когда я, наконец, сообразил, что передо мной ястреб, хищник сгрел бедное чучело и взмыл с ним в небо. Правда, ястреб быстро понял, что в его когтях не живая плоть, а черт знает что, и выпустил чучело.

Вскоре я снова сидел в своем скраде и наблюдал, как надо мной время от времени пролетал знакомый ястреб. Надеюсь, что хищник на мгновение спустится чуть ниже и выстрел достигнет его. Но ястреб и не подумал это сделать. Видно, и для него урок не прошел даром: мы оба с ним чуточку в тот день поумнели.

Неудачливый разбойник

Это случилось в Перми, на улице Боровой. Лена и Володя Касимовы вернулись из школы и стали готовить уроки. Вдруг раздался звон разбитого стекла, и ребята бросились в соседнюю комнату. В балконной двери ветер рвал шторы, а на полу, раскинув крылья, лежал огромный ястреб-тетеревятник.

С большим трудом Володя поймал хищника и водворил его в наскоро сооруженную клетку. Удалось ему измерить размах крыльев—около метра.

Видимо, ястреб в погоне за голубем слишком увлекся и врезался в окно.

В. РУТКОВСКИЙ.

ПОЧТИ ФАНТАСТИКА

«СТРАХ», «УЖАС» И ДЖОНАТАН СВИФТ

Кем были открыты спутники Марса Фобос и Деймос — «Страх» и «Ужас»? Все справочники, включая и Большую Советскую Энциклопедию, единодушно утверждают, что «Марс имеет двух спутников, открытых в 1877 году американским астрономом А. Холлом». Однако великий английский сатирик Д. Свифт, написавший «Путешествия Лемюэ-

ля Гулливера», заявляет, что Фобос и Деймос были открыты лапутянскими астрономами. «...Они открыли две маленькие звезды, или два спутника, обращающихся около Марса. Ближайший из них удален от центра этой планеты на расстояние, равное трем ее диаметрам, второй находится от нее на расстоянии пяти таких диаметров. Первый совершает свое обращение в течение десяти часов, а второй в течение двадцати с половиной часов...» — писал Д. Свифт еще в 1726 году. На самом деле Фобос совершает полный круг вокруг Марса не за

десять, а за 7 часов 39 минут, и удалены спутники не на три и пять диаметров, как утверждает Д. Свифт, а на 1,5 и 3,5 диаметра. Ошибки налицо. Но когда астрономы попробовали сделать расчеты орбит Фобоса и Деймоса с помощью инструментов, которыми могли располагать современники Д. Свифта, оказалось, что ошибки эти — погрешность самих инструментов!

Так кто же открыл на самом деле Фобос и Деймос — американский астроном в 1877 году или английский писатель на сто пятьдесят лет раньше?

ПОЧТИ ФАНТАСТИКА

ЕЩЕ ОДНО ПРЕДСКАЗАНИЕ...

Атомный взрыв 1945 года... На много километров кругом не осталось в живых никого, кто мог бы рассказать, что случилось. Катастрофа произошла ночью — взрыв необычайной силы разорвал атмосферу, подняв

столб огненных паров на высоту нескольких сот километров. Перед этим взрывом ничтожны были исторические извержения Везувия, Кракатау и горы Пеле на острове Мартиника... Взрыв сорок пятого года ускорил процесс естественного разложения старого мира...»

Здесь все описано довольно точно: год, когда произошел первый атомный взрыв на

Земле, его страшная разрушительная сила. Преувеличена лишь высота столба раскаленных паров и газов. Но, если учесть, что эти строки взяты из научно-фантастического романа инженера В. Д. Никольского «Через тысячу лет», изданного в 1927 году, то есть за 18 лет до атомной бомбардировки Хиросимы, эту неточность вполне можно простить.

ПОЧТИ ФАНТАСТИКА

АЛМАЗЫ, ОТКРЫТЫЕ ПИСАТЕЛЕМ

В 1944 году был опубликован один из первых рассказов будущего знаменитого писателя-фантаста И. А. Ефремова «Алмазная труба».

Сравнив геологическое строение Южно-Африканского и Сибирского плоскогорий и установив одинаковый их характер, фантаст высказал предположение о том, что и в Сибири должны быть так называемые кимберлитовые трубки, заключающие в себе месторождения

алмазов. И вот, преодолевая всевозможные трудности, герои рассказа «Алмазная труба» ищут и находят на севере Якутии богатое месторождение алмазов...

Первым читателям ефремовского рассказа открытие алмазов в Якутии казалось несбыточной фантастикой.

«В ту военную пору, — вспоминает сам писатель, — поиски алмазных трубок еще не начались. Но одиннадцать лет спустя ко мне пришел старый товарищ по сибирским походам и положил на стол три маленьких кристалла алмаза, до-

бытых из алмазной трубки на Сибирской платформе... на тот самый стол, за которым была написана «Алмазная труба!»...»

С такой удивительной точностью предсказанные фантастом, якутские алмазные месторождения имеют сейчас мировое значение. И когда, с волнением следя за всеми перипетиями мучительного похода двух геологов, читаешь сегодня рассказ Ефремова, — с трудом отделяешься от мысли, что в действительности якутские алмазы были найдены не героями рассказа Чурилиным и Султановым, а другими людьми!

Фантастический рассказ

Рисунки Ю. Ефимова

В молодости я много путешествовал. Побывал в Африке, в Южной Америке, исколесил всю Азию... Сейчас, когда я стар, небольшая комната, которую я снимаю в старинном доме пражского района Мала Страна, вся заставлена сувенирами, привезенными мною из многолетних странствий. Панцирь маленькой черепахи с Южно-Африканского побережья, фарфоровый колокольчик из китайского буддистского храма, обкуренная индейская трубка, японский веер с причудливой росписью, превосходная розовая раковина с Филиппинских островов...

Среди этих ярких вещей совершенно теряется мешочек, сделанный из кожи зе-

Александр Ломм — чехословацкий писатель. Рассказ «Тасли Куми» написан автором для «Уральского следопыта».

леноватого оттенка. Между тем, это самое ценное, что у меня есть. В мешочке хранится изящная коробочка из слоновой кости, покрытая затейливой резьбой. А в коробочке, на клочке мягкой серой шерсти, лежит небольшое синее семечко, чуть покрупнее яблочного.

Это семя чудесного растения Тасли Куми. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что ни один ботанический сад в мире не может им похвастаться...

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МАДАЛУОГОВ

Я бродил тогда в делях Центральной Африки без всякой определенной цели. Меня сопровождали двое негров. Один из них, по имени Мабу, был моим другом и проводником, а другой — носильщиком.

Однажды, пробираясь по топям и джунглям к озеру Тоно, мы наткнулись на небольшую негритянскую деревушку. Первый же взгляд, брошенный на нее из укрытия, убедил нас, что она пуста. На прогалине хозяйничала стая гиен, в воздухе с криками кружили стервятники.

Разогнав их выстрелами, мы вошли в деревушку, состоявшую из нескольких убогих хижин. Перед нами открылась печальная картина: по всей прогалине были разбросаны трупы мужчин, женщин, детей. Судя по всему, трагедия разыгралась всего лишь за несколько часов до нашего прихода.

В одной из хижин мы нашли старика, тяжело раненного, но еще живого. Мои спутники занялись погребением останков убитых, а я попытался оказать помощь старику. Перевязав раны, я влил ему в рот несколько капель коньяка, разбавленного водой. Вскоре раненый пришел в себя и открыл глаза. Чуть слышным голосом он принялся благодарить меня на языке, который я, к своему удивлению, понимал с большим трудом, хотя довольно свободно владел наречиями местных племен.

Обессиленный потерей крови, старик успел произнести лишь несколько отрывистых фраз о беде, постигшей его деревню, и вновь потерял сознание. В событии не было ничего необыкновенного для тех давних времен. На деревню, немногочис-

ленные обитатели которой носили имя мадалугов, напали воины из соседних племен. Они жестоко расправились с маленьким племенем, обвинив его в колдовстве. Чудом уцелевший старик оказался вождем и жрецом мадалугов...

Бросить несчастного на произвол судьбы я не мог. Спешить мне было некуда, и вот, посоветовавшись со спутниками, я решил остаться в деревне, выходить старика, а когда он оправится настолько, что сможет пуститься в дорогу, взять его с собой.

Однако надежд на выздоровление старика было очень мало. День ото дня ему становилось все хуже, все реже к нему возвращалось сознание. Раны воспалились, он метался в горячке и бредил. На пятый день мы поняли, что часы его сочтены. До самого вечера он не приходил в себя, дышал прерывисто, с хрипами.

— Все напрасно, — сказал мне Мабу. — Бедный старик не доживет до утра!

Слова моего друга сбылись.

Незадолго до полуночи старик пришел в сознание и слабым голосом попросил пить.

Мои спутники уже спали. Я один сидел у очага, бездумно уставившись на пляшущие языки пламени. Услышав зов умирающего, я вскочил и поднес к его спекшимся губам флягу с водой. Он жадно осушил ее. После этого ему, видимо, стало легче.

— Спасибо тебе, белолицый друг, за твою доброту, — произнес он чуть слышно. — Я скоро умру. Но перед смертью мне хотелось бы отблагодарить тебя... Над моей головой висит череп антилопы. Подай его мне!

Я выполнил его просьбу.

Старик дрожащими руками принял от меня череп и извлек из него небольшой кожаный мешочек, в котором оказалась коробочка, искусно вырезанная из слоновой кости.

— Здесь хранится семя Тасли Ку-

ми! — снова заговорил он, глядя на меня широко раскрытыми глазами.— Тасли Куми на языке моего племени означает «Услада Одиночества»... Когда-то мадалуоги были многочисленным и сильным народом. Они жили в больших городах. У них были поля, пастбища, отборные стада, множество рабов. А управлял мадалуогами верховный жрец из династии Нзаги... Но однажды Бог Солнца разгневался на мой народ. Пришли из-за гор орды чужих людей и разбили мадалуогов... Пришельцы уничтожали города и села, истребляли мирных жителей... В ужасе бежали из своей страны оставшиеся в живых... А вот теперь племени мадалуогов не стало совсем...

Старик замолчал. Из его глаз по черным ввалившимся щекам скатились две скупые слезинки.

— Я, Водокуан Соа-Ноа, последний жрец из великой династии Нзаги, скоро иду за своим народом... Я нищ, и мой разум темен. Но мои предки обладали великими знаниями. От них-то и досталось нам волшебное семя Тасли Куми... Оно перешло в нашем роду от отца к сыну... Возможно, семя уже мертво. Но быть может, Бог Солнца сохранил еще в нем жизнь, и в трудную минуту, когда ты будешь одинок, оно поможет тебе... Возьми его... Запомни — Тасли Куми нужна лишь вода... много воды... воды... пить!..

Я подал флягу, но он уже не смог напиться. Сознание вновь покинуло его. Он стал метаться и хрипеть. Потом вдруг затих. Наклонившись к нему, я увидел, что Водокуан Соа-Ноа мертв.

Я спрятал мешочек с Тасли Куми в свою походную сумку и пошел будить спутников...

Утром, похоронив старика, мы двинулись дальше к озеру Тоно. Вскоре опустошенная деревушка несчастных мадалуогов осталась позади.

Так попало ко мне семя удивительно-го растения Тасли Куми.

В ГИМАЛАЙСКОЙ ПЕЩЕРЕ

Я несколько лет носил при себе мешочек с загадочным семенем, которое стало для меня чем-то вроде талисмана. Не раз и не два во время своих

скитаний попадал я в очень тяжелое положение, но лишь однажды вынужден был прибегнуть к помощи Тасли Куми.

Это произошло года через четыре. Я участвовал тогда в довольно многочисленной экспедиции, направлявшейся в Непал для изучения проблемы снежного человека.

Однажды в пустынной каменистой долине среди гор нас застигла гроза. Сразу вдруг стало темно, налетел ураганный ветер, а потом разразился ливень. Мы бросились врассыпную искать убежища, оставив лошадей и яков на попечении погонщиков. Пробегая мимо уступа скалы, поросшего кустами рододендрона, я заметил в нем довольно широкое отверстие. Не раздумывая, я юркнул в него и пополз на четвереньках в глубь норы. Метров через десять нора привела меня в просторную пещеру. Обрадованный находкой, я вернулся и, высунувшись наружу, стал громко сзывать своих товарищей. Но из-за непрерывных раскатов грома, из-за шума дождя и ветра они не услышали меня. Тогда я решил отсидеться в пещере один.

Гроза продолжалась. Мне порядком наскучило пассивное ожидание, поэтому, сбросив рюкзак, я принялся исследовать приютившую меня пещеру.

Неровный огонек свечи — фонаря при мне не оказалось — выхватывал из тьмы все расширявшиеся стены подземелья. Грот закончился коридором в новую пещеру, за нею ход раздваивался. Я двинулся вправо. Еще один грот, еще, еще, и...

В сердце мое закрался страх. Я бросился назад, но на первом же перекрестке остановился в полной растерянности, не зная, куда идти: охваченный исследовательским азартом, я не старался запомнить пройденный путь...

Более трех часов я пытался выпутаться из лабиринта огромного подземелья. Потом, видя, что свечи уже остается немного, я остановился в высоком гроте, из стены которого бил родничок. Напившись, я присел отдохнуть и обдумать свое положение.

Обнаружили ли товарищи мое исчезновение? Заметят ли они дыру в скале, почти скрытую кустарником? Если заметят, то я спасен. Ведь в пещере я оставил свой рюкзак. Найдя его, они догадаются, где меня искать...

Подумав о своем мешке, где у меня

хранилась кой-какая провизия, я почувствовал голод. Да, если меня будут искать слишком долго, я рискую погибнуть от голода!

Долго я сидел, наблюдая, как догорает свеча, с ужасом ожидая того неизбежного момента, когда меня окутает непроницаемый мрак. И тут вспомнил про семя Тасли Куми.

Я носил его в кожаном мешочке на груди, как и полагается носить каждый порядочный талисман.

Ухватившись за эту последнюю соломинку, я быстро развязал мешочек, открыл коробочку и с надеждой посмотрел на синее семечко.

Я не представлял себе, чем оно может помочь мне, но безотчетно верил словам последнего из мадалуогов.

При помощи ножа я выдолбил в каменном грунте небольшое углубление и руками начерпал в него воду из родника. Подождав, когда осядет муть, я опустил в этот маленький водоем зернышко Тасли Куми и, придвинув поближе огарок свечи, стал за ним наблюдать, затаив дыхание.

Прошло около часа. Я терпеливо ждал.

И вот, наконец, семя у меня на глазах стало набухать... и вдруг лопнуло, выпустив тонкий голубенький усик.

«Живое!» — обрадовался я, но тут остатки моей свечи догорели и, помигав, погасли. Грот погрузился в чернильную темноту.

ВРЕМЯ ОСТАНОВИЛОСЬ

Я вынул из кармана коробку спичек и тщательно пересчитал ее содержимое. У меня оставалось двадцать две спички. Хорошо еще, что часы были со светящимся циферблатом. Спички я решил расходовать по одной через каждые два часа, чтобы наблюдать за ростом Тасли Куми. Первые два часа тянулись томительно долго. Чиркнув наконец спичкой, я увидел при ее слабом свете, что из семени вылезло несколько белых корешков, а голубой стебелек, окрепнув и выбросив в стороны три новых усика, дотя-

нулся уже до самой поверхности моего водоема. Порадовавшись этому, я кое-как примостился на голых камнях и забылся тревожным сном.

Проснулся я внезапно. Где-то рядом мелодично журчала струйка воды. Воздух был наполнен тяжелым, до головокружения сладким ароматом. Этот-то странный аромат и вернул меня к действительности: Тасли Куми!

Вскочив, я зажег спичку. В тусклом мерцающем свете я увидел над водоемом большой синий куст с мелкими круглыми листочками. На самой верхушке куста красовался цветок. Похожий на розу, но гораздо крупнее, он был сложен из множества кроваво-красных лепестков. Углубление под кустом было заполнено сплетением тонких белых корешков. Но там не было уже ни капли воды!

Отшвырнув спичку, я бросился к роднику и стал полными пригоршнями доливать воду в гнездо Тасли Куми. Потом мне пришло в голову, что от родника к водоему можно продолбить ножом ложбинку и пустить по ней воду; тогда куст удивительного растения будет иметь непрерывный приток свежей воды.

Работа отняла у меня более двух часов. Когда я снова зажег спичку, цветок уже сбросил свои лепестки, а в завязи его наматился нежно-голубой плод величиной с вишню.

Меня терзал голод. Я почему-то был уверен, что плод Тасли Куми окажется съедобным. Дрожа от нетерпения, я отбросил бережливость и стал зажигать спички через каждый час. Плод быстро рос и наливался, приобретая все более темный оттенок. При пятой спичке он уже был величиной со сливу. При одиннадцатой — достиг размеров крупного яблока. Потом в течение двух часов он не менялся. Между тринадцатой и четырнадцатой спичками послышался мягкий удар. Быстро чиркнув внеочередной спичкой, я увидел у своих ног синее яблоко, а на кусте уже намечался бутон нового цветка:

Схватив яблоко, я, не раздумывая, впился в него зубами. Однако тут же был наказан за свою жадность. Мякоть яблока во рту у меня разбухла и превратилась в мучнистую сладкую кашу, которой я чуть не подавился. Кое-как справившись с первой порцией, я стал откусывать от яблока понемногу, лишь чуть-чуть. А добравшись до сердцевины, почувствовал под зубами

гвердые семечки. Я посветил на них спичкой и убедился, что они ничем не отличаются от того, которое мне четыре года назад вручил Водокуан Соа-Ноа. Одно из них я спрятал в опустевшую коробочку из слоновой кости, а остальные со спокойной совестью разжевал и проглотил.

Покончив с плодом Тасли Куми, я почувствовал себя вполне сытым. Настроение заметно повысилось: положение уже не казалось мне ужасным и безвыходным. Совершенно успокоенный, я растянулся на камнях и заснул. И должен признаться: никогда в жизни — ни до этого, ни после — мне не приходилось спать так хорошо, как в той пещере на голых камнях!..

После крепкого и спокойного сна я ощущал себя бодрым, жизнерадостным и счастливым. Да, именно счастливым! Сердце мое буквально разрывалось от наплыва ликующей радости. Я крепко потянулся, так, что затрещали все суставы, и вдруг, неожиданно для себя самого, запел.

Мой голос гулко разносился под сводами грота. Потом что-то рассмешило меня, и я принялся хохотать, да так искренне и весело, что слезы градом катились у меня по лицу. Насмеявшись всласть, до колик, я поднялся и, даже не вспомнив про спички, начал шарить руками по камням вокруг куста. Вскоре я нашел то, что искал: новый плод Тасли Куми. Я съел его медленно, стараясь подольше растянуть удовольствие.

Насытившись, я почувствовал, что мощная волна радости, захватившая меня, настоятельно требует выхода. Я вскочил и, как одержимый, стал исполнять в темноте какой-то бешеный танец, пока не ударился коленом о выступ скалы. Но даже это не омрачило моей радости: я просто расхохотался над болью в колене и над собственной неловкостью. И это не был смех сумасшедшего или пьяного. Нет, никогда в жизни мой разум не отличался такой ясностью, никогда мой мозг не работал так отчетливо.

Я невероятно глубоко понимал свое

положение — положение человека, заживо погребенного в недрах земли, в вечном мраке, отрезанного от людей, природы, солнца. Но как ни странно, именно эта мысль о моей оторванности от остального мира наполняла меня неистовым восторгом. Именно в этом я находил какой-то своеобразный и острый смысл жизни. И напротив, лишь только я хоть мельком допускал мысль о том, что меня могут найти и увести отсюда, как все мое существо охватывал страх и слезы отчаяния закипали у меня на глазах. Но я гнал от себя мысли о возвращении к людям, и поэтому ощущение ликующей радости почти не покидало меня.

Я потерял представление о времени. Оно просто перестало существовать для меня. Свои часы я сорвал с руки и разбил о скалу, а потом посмеялся над этим. Я несся в каком-то бесконечном потоке удовольствий.

Я плясал, пел песни, хохотал, купался в роднике, спал сладко и крепко, без снов. Проснувшись же, всегда находил под кустом Тасли Куми очередное яблоко.

— О, Тасли Куми! Ты действительно Услада Одиночества!..— кричал я в упоении, и гулкое эхо многократно вторило мне под сводами подземных зал и коридоров.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЛЮДЯМ

Но прошло какое-то время, и мое подземное существование было нарушено.

Однажды, с аппетитом закусывая плодом Тасли Куми, я услышал какие-то отдаленные шорохи. Потом, не дав мне опомниться, по стенам грота замелькали световые блики, послышались голоса людей, гулкие шаги множества ног.

На мгновение я оцепенел: люди!.. меня ищут!!!

Поспешно проглотив остатки плода, я бросился к кусту Тасли Куми, выдернул

его из водоема, изорвал и скомкал его тонкие нежные стебли, затолкал их в угол пещеры и забросал камнями. После этого я хотел бежать прочь, в глубь подземелья, но было уже поздно.

Яркий свет фонарей ослепил меня. Я забился в самый темный угол пещеры и в ужасе закрыл лицо руками. Я слышал радостные восклицания, меня называли по имени, помогали мне встать, о чем-то спрашивали. Но я ничего не понимал, я был весь во власти безысходной тоски, и когда меня повели из пещеры на солнце, у меня было такое чувство, словно ведут на казнь. Но я не сопротивлялся. Меня охватило глубокое безразличие к собственной судьбе. Впоследствии друзья говорили мне, что всерьез опасались за мой рассудок.

Однако дня через два я пришел в себя и сам с недоумением вспоминал о своем странном состоянии в подземелье. Для товарищей по экспедиции я придумал вполне правдоподобный рассказ о своем пребывании в пещере, но одно место в нем осталось для них навсегда загадкой. Они не могли мне поверить, что все семнадцать дней, проведенные в подземном гроте, я поддерживал себя только водой из родника. Ведь за столь долгий срок я не только не был истощен, но, наоборот, выглядел гораздо лучше и здоровее, чем до своего исчезновения.

— Либо ваш родник содержал какую-то необыкновенную питательную воду, либо тут кроется какая-то чертовщина! — говорили мои друзья.

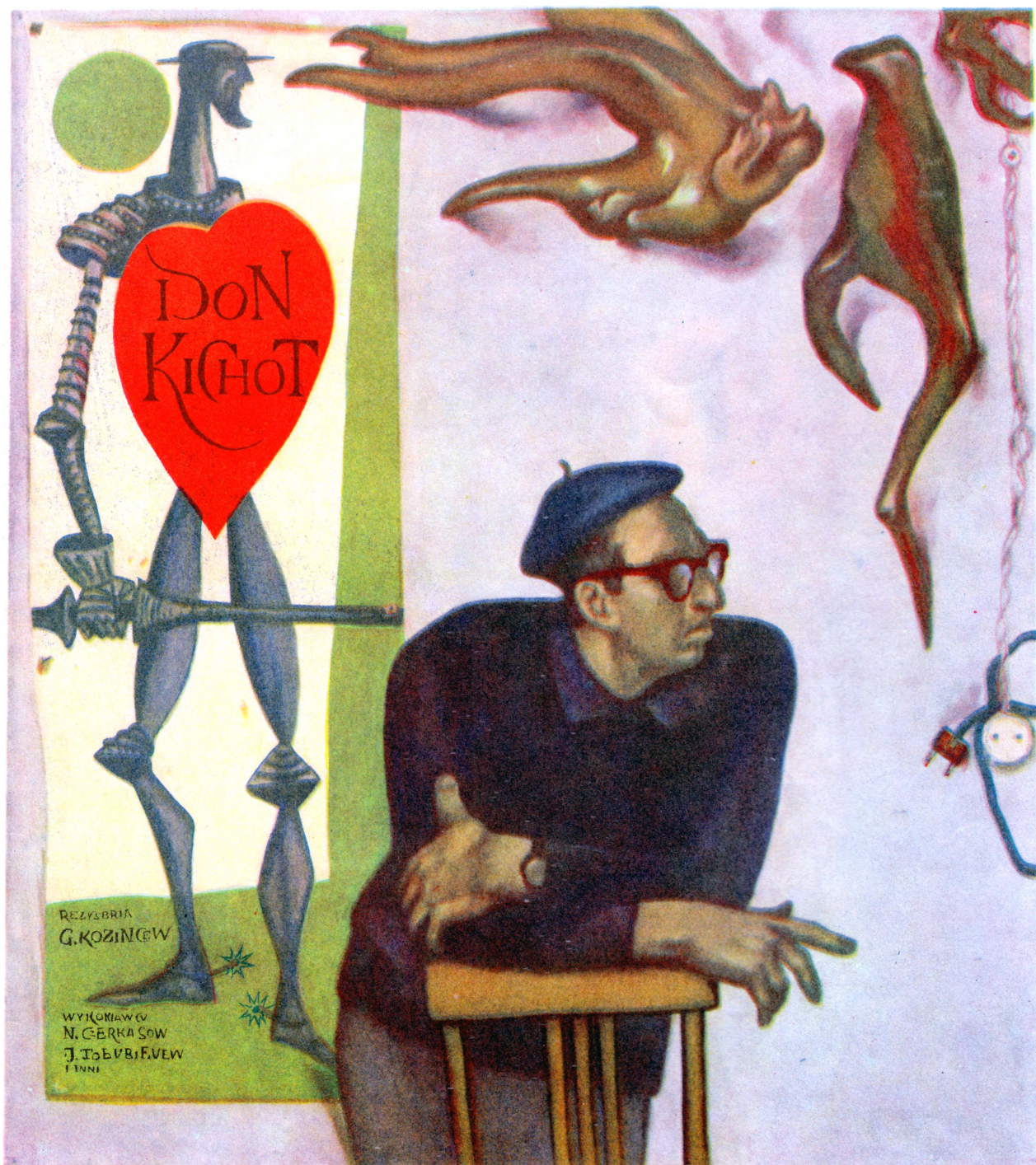
Но правды я им так и не открыл.

* * *

После этого мне еще много раз пришлось попадать в самые разнообразные переделки. Однако я никогда больше не прибегал к помощи Тасли Куми. Если говорить откровенно, я немного побаивался его.

Ведь тот приступ невообразимого блаженства, который я испытал под землей в абсолютном одиночестве, ничего общего не имеет, конечно, с настоящим счастьем. Счастье ведь все-таки в общении с людьми...

Г. МОСИН, Свердловск

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В. М. ВОЛОВИЧА

Г. МОСИН.

ПОРТРЕТ А. А. КУБЫШКИНА

НА ЧУСОВОЙ

Фото М. Филатова

—Славный народ—собаки,

так сказал однажды Антон Павлович Чехов.

Чехов любил собак. А найдется ли хоть один человек, который не питал бы к ним теплого чувства?

Будем честны: такие люди встречаются, но редко. Гораздо больше тех, что самозабвенно любят наших четвероногих друзей. И это понятно. Ведь уже тысячи лет живет собака около человека и верно служит ему!

Любовь эта объединяет самых разных людей, разных возрастов, самых несхожих профессий — от пионера до академика. Таковы и наши авторы, рассказы которых мы сегодня публикуем.

Е. И. Шевцова — не профессиональная писательница, но пристальное внимание и сочувствие к бессловесному другу заставило и ее взяться за перо...

М. Д. Зверев — ученый, старейший писатель-природолюб. При его участии создавался Алма-Атинский зоопарк, один из лучших в стране. Им написано более 80 книг, художественных и научно-популярных — для детей и взрослых.

Читателям известны и книги нашего земляка, уральца Б. С. Рябинина. О собаках он пишет давно и с большой любовью.

Выступают с рассказами и летчик А. Демченко, и профессор А. Малахов.

Писатель Генри Лоусон — австралиец. За отличное знание жизни простых людей своей родины, которым он посвятил свое творчество, его прозвали австралийским Горьким. Таков и его рассказ «Это моя собака», который мы даем в переводе Б. Рябинина, — рассказ прежде всего о человеке, настоящем, муже-

ственным и одновременно отзывчивом, с чутким добрым сердцем, человеке-труженике. И тут хочется напомнить то главное, ради чего, собственно, мы и помещаем эти рассказы.

— Как это ни парадоксально, собака учит человеколюбью. Люди, в доме у которых есть собака, особенно дети, становятся мягче и человечнее, видя перед собой пример бескорыстной любви и преданности животного,— говорит известный советский писатель Владимир Германович Лидин. Сказано верно. Да, собака тоже учит, и прежде всего добру.

М. ЗВЕРЕВ

В ГОРАХ ТЯНЬ-ШАНЯ

Зима в том году была снежная. Бураны в горах Тянь-Шаня шумели целыми сутками, забывая снегом ущелья. А потом наступила тишина до звона в ушах.

Старший егерь Андрианов и старик-лесник подымались по хребту с ружьями за плечами. В поводу они вели за собой оседланных лошадей. Две собаки на сворках тянули вперед. С каждым шагом подъем становился круче, а склоны по обе стороны хребта все отвесней.

Лошади начали упираться и ложиться. Охотники остановились. На чистой пелене снега не было видно ни одного следа.

— Ты побудь здесь, паря, а я подымусь за те камни—нет ли там следьев?— сказал старик-лесник, поправляя за плечами ружье.

Андрианов молча кивнул и устало сел на камень. Его спутник стал медленно подыматься по хребту. Большие камни скрыли его.

Молодой охотник закурил. Лошади стояли опустив головы и тяжело поводили боками. Собаки улеглись у ног. Внизу чернели ельники, занесенные снегом, еще ниже—холмы предгорий и степь, едва видимая в дымке зимнего морозного дня.

Вдруг гулкий выстрел вверх, за камнями, прокатился по горам. Еще выстрел, еще. Андрианов торопливо привязал лошадей за камень. Пятнадцать выстрелов насчитал он, пока взбирался вверх. Это был весь запас патронов у лесника. Выстрелы смолкли.

66

«Неужели что случилось?»— думал

Андрианов, торопливо преодолевая камни, задыхаясь и глотая воздух, как рыба, вытщенная из воды. Собаки рвались вперед и тянули охотника, как на буксире, помогая преодолевать подъем.

Лесник сидел на камне и смотрел на дно ущелья. По склону виднелись свежие следы кабанов.

— Впервой довелось видеть такое!— взволнованно сказал старик, когда Андрианов поднялся к нему.— Гляди, паря, свиньи-то под снег схоронились. Земля там, знать, талая, они и роются. А поверху ни единого следа, ровно свиней и нет вовсе!

— Кого же вы, дедушка, стреляли?— спросил Андрианов, борясь с одышкой.

— Вершинки-то кустов над снегом вздрагивали, когда их внизу задевали свиньи. Я и лупил по кустам, прямо под снег. Все патроны извел. А свиньи так и ушли под снегом куда-то.

— Вон, вон!— закричал Андрианов, показывая вниз по ущелью.

Далеко внизу, против привязанных лошадей, выныривали из снега кабаны, быстро взбирались по склону и скрывались по ту сторону хребта.

— Эх, здря ты, паря, ушел, ишь куда под снегом упорол!— сокрушался лесник.— Пущай кобелей-то, может, я и попал хоть в единого!

Собаки бросились вниз и сразу яростно залаяли перед темным лазом.

— Кто-то там есть, однако. Дай-ка патрон!— торопливо сказал лесник.— Айда туда, да проворней!

Охотники быстро спустились,

Собаки лаяли, но близко к лазу не подходили. Лишь когда подбежали люди, они бросились вперед. Вдруг снег взметнулся взрывом, и из снежного облака вырвался огромный, как медведь, черный секач. Ухая на все ущелье, он бросился на собак.

В этот момент выстрелил Андрианов и ранил кабана. Тогда кабан круто повернулся и молниеносно кинулся на охотников. Андрианов испуганно бросил в снег разряженное ружье и торопливо стал вытаскивать из-за пояса топор, который вряд ли бы ему помог. Но кабана самоотверженно настигла собака. Зверь метнулся к ней. Послышался визг, и собака, взлетев на воздух, покатила по снегу, окрашивая его кровью. Этой заминки было, однако, достаточно, чтобы тщательно прицелился старый видавший виды охотник.

Кабан летел на людей, стуча клыками и брызгая пеной. Выстрел грянул, когда зверь был на расстоянии прыжка от охотников. Пуля попала кабану точно между глаз. Зверь взвился на дыбы и рухнул на спину.

Лесник бросился к собаке. Она лежала с распоротым животом, стекленеющими глазами смотря куда-то вверх головы хозяина. Она доживала, видимо, последние минуты. Десяток самых крупных кабанов не могли бы заменить старикку этого верного помощника.

— Эх, Полкан, Полкан! Пошто так получилось? — не сказал, а простонал старый охотник.

Кончик хвоста собаки дрогнул. Видимо, сознание еще не покинуло ее.

Лесник отвернулся: ему слишком тяжело было смотреть на умирающую собаку, с которой он столько лет делил на охотах и последний кусок хлеба, и тепло ночлега...

По неписаному закону полагалось в таких случаях пристрелить пса, чтобы не длить его мучений. Но старик и подумать об этом не мог.

Немного позже, у жаркого костра, разведенного Андриановым, лесник надумал защитить Полкану живот. Но, как не искал, ничего не нашел в карманах подходящего для этой операции. Тогда он разделся, снял нижнюю рубашку, разорвал ее на полосы и туго перевязал Полкану рассеченный живот.

Давно уже стемнело, а лесник с Андриановым все еще обихаживали Полка-

на. Но собака слабела на глазах и делалась все безучастней к окружающему.

Минула ночь.

Как только рассвело, охотники погрузили разрубленного пополам кабана на лошадей, и лесник подошел к Полкану. Собака была еще жива, но старик не знал, что ему делать. Трогать ее сейчас — значит причинять лишнюю боль. И везти ее было не на чем — не привяжешь же умирающую собаку к спине лошади, как кабанью тушу. И оставлять ее здесь одну — тяжело.

Тогда старик решил — как можно быстрее добраться до дома, прихватить там какую-нибудь волокушу и тогда уже выволить Полкана из этих неоглядных сне-

гов. Андрианов не перечил, хотя в душе давно уже простился с собакой. «Безнадежное дело,— думал он.— Еще удивительно, что она до сих пор не околела от такой раны». А лесник пожарче развел костер и положил у морды Полкана большой кусок кабаньего мяса. Старик, как видно, надеялся на чудо.

Скоро добраться до дома не удалось. В глубоком снегу лошади продвигались только прыжками. Измучившись, они ложились. Тогда приходилось развьючивать их, поднимать и снова завьючивать.

Уже в темноте охотники подошли, наконец, к овечьей зимовке в начале ущелья. Последний километр, зачуяв сено, лошади прыгали не останавливаясь, хотя и из последних сил.

В жарко натопленной избушке, за горячим чаем, охотники отогрелись. Андрианов улегся на овчинный тулуп и закурил. Но старый охотник встал и начал одеваться. Он нанял у чабана лошадь и решил сразу же сходить по пробитому следу за собакой. Андрианов с удивлением смотрел на смертельно уставшего за день старика: он собирался брести по пояс в снегу всю ночь за собакой, которая наверняка уже сдохла.

Дружный лай во дворе заставил чабана вскочить и броситься к двери.

— Приехал кто-то! Покусают, черти! — пояснил он, хлопнув дверью. — Уч, уч, кеть!! — раздался его грозный окрик во дворе. Собаки сразу смолкли. Хозяин долго не возвращался. Уже снарядившийся в дорогу лесник направился было к двери, но она приоткрылась, и хозяин позвал его:

— Айда сюда!

Старый охотник вышел.

«Кто это мог приехать так поздно?» — думал Андрианов. Но во дворе было по-прежнему тихо.

Вдруг дверь порывисто распахнулась. В избушку, в клубах морозного пара, шагнул лесник. Невероятно, но он держал на руках Полкана! Раненая собака приползла за хозяином.

На глазах старика блестели слезы...

До полуночи старый охотник провозился с Полканом. Грел его, мыл ему живот кипяченой теплой водой, а затем большой сапожной иглой и суровыми нитками зашивал рану.

Андрианов на другой день уехал в город. А когда весной проезжал мимо кордона лесника, Полкан встретил его у ворот, радостно визжа и махая хвостом.

Он был удивительным образцом героической преданности и поразительной собачьей выносливости.

Е. ШЕВЦОВА

МОНЕТА ПОД КАМНЕМ

Два всадника возвращались из города домой. С одним из них была собака. Хозяин хвалил ее своему спутнику. Говорил, что пес всегда найдет потерянную вещь. Надо только дать ему команду.

Хозяин достал монету, показал ее собаке и положил под большой камень, лежащий у дороги.

Отъехали километра три. Хозяин дал знак, и собака побежала выполнять приказание.

Прошел час — собака не появилась.

Приехали домой, но и там никто не знал, что случилось с собакой.

А произошло вот что. Камень оказался очень тяжелым. Собака не могла его сдвинуть и, чтобы достать монету, стала рыть сбоку от камня яму.

Мимо проезжал человек. «Что делает собака?» — подумал он. Подошел. Сдвинул камень, увидел монету, положил ее в карман куртки и поехал дальше.

Бедный пес! Что ему оставалось делать? Он побежал вслед за этим человеком. Осторожно вошел в чужой двор.

Вслед за «похитителем» пробрался в комнату и спокойно лежал под столом, пока тот ужинал. А потом направился за ним в его спальню и улегся под кроватью.

Человека вначале смущала эта слежка, но потом он успокоился и даже порадовался: такая красивая и, видимо, дорогая собака не уходит от него.

Было жарко. Человек открыл окно, снял куртку и повесил ее на гвоздь. В то

же мгновение пес выскочил из-под кровати, схватил зубами куртку, сорвал ее с гвоздя, прыгнул в окно и исчез в темноте.

Утром собака была уже дома. Хозяин нашел в кармане куртки свою монету, а еще — чьи-то деньги и часы.

Он дал объявление в газете.

И только от владельца куртки он узнал, что пришлось предпринять собаке, чтобы выполнить поручение.

А. ДЕМЧЕНКО

БУРАН

Насторожился Буран и тихонько взвизгнул. Раньше он ошалело носился бы с лаем по двору. Теперь возраст не тот. В его годы собаки, даже самые страстные любители охоты, ведут себя сдержанно, с достоинством. Положив на широкие лапы тяжелую лохматую голову, Буран внимательно наблюдал за руками хозяина.

Постепенно патронташ полнел, распухал от патронов...

Ночью Бурану грезилась выстрелы, куропатки и фазаны. Он часто вздрагивал, вздыхал и ворочался. Только перед рассветом забылся.

Когда-то он был неуклюжим и беззаботным щенком. Целыми днями кружил по двору, и его уши смешно взлетали.

— Забавный пес, — говорили люди.

— Добрая собака будет, — уточнял хозяин. И словно в подтверждение, бросал через гараж какую-нибудь вещицу. Буран стремглав кидался вдогонку. Спустя секунду, он мчался обратно с «добычей» в зубах, мотал головой, а хозяин ласково уговаривал:

— Отдай, Буранушка, отдай.

Буран выпускал «добычу», а взамен получал какое-нибудь лакомство.

Замечательное то было время. Но однажды Бурану вздумалось прогуляться по улице. Его давно мучало любопытство: что происходит там, за забором? Он легонько отстранил лапой калитку: она подалась. Осторожно высунул голову — страшного вроде нет ничего. Нетороп-

ливо проходят люди, безобидные и занятые своими делами. Буран совсем осмелел и вышел на улицу.

Неподалеку у обочины стояла новенькая блестящая машина. Из ее открытого окна тянуло аппетитным запахом колбасы и свежего хлеба. Буран медленно приблизился к машине. В ней сидели люди, что-то пили из бутылок и жевали. Буран смотрел на них, переминался с ноги на ногу, будто чувствуя неловкость, но на него не обращали внимания. Тогда он подал голос, рассерженный, требовательный.

— Эге, к нам нахлебничек пожаловал, — оживились в кабине.

Бурану кинули кусочек хлеба. Он подхватил его на лету. Люди засмеялись. Стали бросать огрызки колбасы, сыра, хлеба. И все это на лету исчезало в пасти четвероногого гостя.

— Ну и фокусник!

— Вот бы тебе, Нефедыч, этого пса — дом охранять.

— А что? И увезу, — пробасил рыжий человек с длинными мохнатыми руками и псманил собаку. Буран подошел, и в тот же момент две пары рук крепко схватили его...

Бурана привезли в большой дом, окруженный кирпичным забором, привязали веревкой к столбу. Он дернулся, упал, завыл от боли и тоски. А ночью перегрыз веревку и убежал. Лишь к вечеру следующего дня он разыскал знакомую калитку.

Как давно это было...

Постепенно у Бурана вырабатывалась

своя особенная, охотничья стойка. Почуввав запах дичи, он мгновенно останавливался, затем начинал медленно подходить, высоко поднимая лапы. Инстинкт подсказывал: дальше двигаться нельзя. Он замирал, подавшись вперед, как бы изготоившись к стремительному броску, и терпеливо ждал, слыша, как сзади осторожно подкрадывается хозяин.

Однажды, промозглым осенним днем, хозяин заплыл на надувной лодке на середину озера и замаскировался в камышах. Иногда проносились быстрокрылые стайки уток, тянулись косяки гусей. Гремели выстрелы, тяжело шлепались на воду убитые птицы. Буран вытаскивал их на берег.

Он насквозь промок и продрог, но терпеливо ожидал следующего выстрела. Вдруг послышался испуганный крик:

— Бура-ан, ко мне-е!..

Рядом с перевернутой резиновой лодкой беспомощно барахтался хозяин. Буран кинулся в воду.

Потом хозяин выжимал одежду, обнимал его и приговаривал, стуча зубами:

— Спасибо, Буранушка, вовремя подоспел. Кабы не ты, пришлось бы мне в рыбье царство отправиться...

В ответ на ласки Буран лизал ему щеки, уши, нос.

С тех пор они стали неразлучными друзьями. Много охотничьих троп исходили вместе, немало волнующих моментов пережили, только бывает конец и удачам.

Как-то Буран поднял на крыло огненно-красного красавца-петуха. Раздался выстрел, и птица, перелетев через кустарник, упала с перебитым крылом. Напрасно Буран метался из стороны в сторону. Напрасно обнюхивал каждую травинку, каждый кустик. Фазан как сквозь землю провалился. Буран подошел к хозяину боком, виновато поджав хвост. Оконфузился он и в следующий раз: не нашел утку. Стало подводить чутье, да и в ходьбе тяжеловат стал: появилась одышка. Хозяин уже относился к нему с излишней опекой и иногда покачивал головой:

— Что поделаешь, время не остановишь.

...Ночь таяла, расползалась по закоулкам. Калитка, деревья, дом постепенно обретали зримые формы, вырисовывались все ясней и ясней. Буран вытянул передние лапы, потянулся и зевнул, оскалив

пасть. Потом поднялся и неторопливой походкой направился к крыльцу.

Хозяин вышел с вещмешком за плечами, наткнулся на собаку.

— Тьфу! Спал бы ты, Буранушка! — хриплым спросонья голосом пробурчал он.

Закипели утренние сборы. Хозяин выкатил из гаража старенькую кургузую машину, стал укладывать в нее патронташ, ружье, вещмешок. Буран вертелся рядом и лаял низким, простуженным голосом. Обежав круг, он с налета останавливался перед сапогами. Они источали разные, бередящие душу лесные запахи. От них пахло привольными травами, болотами и лугами. С ними было связано все лучшее в жизни Бурана.

Скрипнула калитка. Буран приподнял уши. Во двор бесцеремонно вбежала молодая серая сука, а за нею вошел человек с ружьем за плечами. У незнакомки была тонкая остроугольная морда с черным

влажным носом и высокие торчащие уши. Буран глухо зарычал. Но незнакомка не обратила на него никакого внимания. Как к старому знакомцу, подбежала к его хозяину, спокойно и деловито обнюхала сапоги. Буран зарокотал и расправил грудь.

— Перестань!

Хозяин открыл дверцу, и Буран, привычно вскочив в машину, стал устраиваться на переднем сиденье.

— Буран, выйди!

Что? Это ему? Он недоуменно повернул голову. По движению руки хозяина понял: ему. Встал и неохотно сошел вниз. Но не успел и глазом моргнуть, как на его законном месте, рядом с хозяином, оказалась незваная гостья. От негодования Буран едва не взвыл. Он топтался на месте, не сводил с хозяина напряженных глаз, жалобно поскуливал и всячески старался обратить на себя внимание. Но машина зафырчала, дверца захлопнулась перед самым носом. Буран залаял требовательно, рассерженно, бросился за машиной.

Бежал он долго. Село осталось позади. Встречные автомобили согнали его на обочину. Бежать было трудно, он давно уже отстал. Кругом расстились поля. Теперь Буран уже понуро тащился следом. Потом сошел с дороги и целый день пробродил в полях. Отыскивал и ел какие-то жесткие, тонколистные травинки.

Солнце запуталось в пыли, поднятой стадом, когда Буран увидел возвращающуюся с охоты машину. Он бросился было к ней, но тут же сник и потихоньку потрусил к дому.

Во дворе в воздухе плавал серый пух. Женщина щипала в тазу уток. Хозяин сидел за столиком под топодем и хлебал щи. Завидев Бурана, весело позвал:

— Буранушка, ко мне! Возьми!

И бросил жирный кусок мяса. Буран проглотил голодную слюну, прошел мимо, будто не замечая, и лег в дальнем углу забора.

— Ну, чего же ты! Ведь заработал, отслужил свое. Чего стесняешься-то? — ласково выговаривал хозяин.

Но Буран не откликнулся.

Б. РЯБИН

НА НИЧЕЙНОЙ ПОЛОСЕ

Ночь. Гром орудийной канонады и почти не затихающая, перекатывающаяся, как сухой горох, торпливая трескотня ружейно-пулеметной перестрелки. Лютует мороз. Беззвучно взвиваются ракеты и, медленно снижаясь, гаснут.

Мертвой пустыней лежит пространство между двумя линиями траншей, нашей и немецкой.

Ночь.

...Это было на Пулковских высотах, под Ленинградом.

Ждали атаки фашистских танков.

Отделение бойцов с собаками противотанковой службы получило приказ выдвинуться на исходный рубеж впереди своих окопов.

Люди в овчинных полушубках, в ушанках, завязанных под небритыми подбо-

родками, в валенках, с автоматами на ремнях, и собаки с вьючками на спине пошли, выждав короткое затишье.

Внезапно противник открыл минометный огонь. Воздух завыл, заскрежетал. Короткие частые разрывы захопали справа, слева, впереди, сзади. Прямым попаданием один из вожатых был убит наповал. Мина ударила его прямо в грудь, он упал, не издав ни звука. Собака — некрупная, лохматая, похожая в сумраке ночи на небольшого волка, — легла рядом. Остальные отошли назад, в свое расположение.

Убитый лежал неподвижный и безмолвный, безразличный ко всему, как лежат все убитые. Не двигалась и собака. Можно было подумать, что она тоже мертва. Но она была жива и, казалось, своим теплом хотела отогреть, оживить

того, кто покоился рядом. Возможно, она надеялась, что хозяин полежит-полежит, поднимется и скажет: «Ну, пошли...»

Ночь кончалась, обстрел прекратился. Собака лежала, подобрала под себя мерзнувшие лапы, тесно прижавшись к мертвецу, инстинктивно сберегая тепло, которое теперь было нужно на двоих. Иногда принималась порывисто дышать, раскрывая пасть, и, облизнувшись, затихала, точно прислушивалась.

Из окопов звали ее, окликали по-всякому. Она не шла.

Медленно тянулся рассвет. Начался не приветливый тусклый день.

Перестрелка то затихала, то усиливалась. Собака продолжала лежать.

Впереди были враги, позади — свои. Собака и убитый лежали в простреливаемом пространстве, на ничейной земле.

Текли минуты, часы.

Собака встала, потолкалась около трупа, как бы напоминая: «Хватит лежать, вставай... ну, вставай же!», не дождавшись ответа, поскребла лапой жесткую, как камень, землю, снова легла.

Собаке было холодно, одиноко. Мучила нервная позевота. От окопов тянуло сладким запахом жилья. Хотелось туда, но она упорно оставалась на месте.

В сущности, она даже не очень знала этого человека. Когда враги обложили город кольцом блокады, ее сдали на пункт, где принимали собак от населения, — там они и встретились. Он кормил, поил ее, занимался с нею, готовя к самоубийственному подвигу — подрыву вражеского танка. Иногда проводил жесткой ладонью по загривку и спине, — и этого было достаточно, чтоб привязаться к нему. Отныне в нем сосредоточились все радости несложного собачьего бытия.

Не всегда он был ласков с нею, этот молодой солдат. Иногда был груб, срывал на ней зло, бил ременным поводком, когда она не сразу понимала то, чего требовали от нее. Да на войне и нет места нежностям. Но такова собачья доля — до конца быть с человеком. Она оставалась с ним даже после его смерти.

Сзади послышался какой-то шорох. К ним подползали двое товарищей погибшего.

Попробовали взять собаку за ошейник — она зарычала, угрожающе наморщив верхнюю губу и показав белые крепкие клыки. Хотели вынести убитого — тоже не удалось. Собака не подпустила.

Злющая, сатана! Она ненавидела сейчас всякого, кто осмелился бы прикоснуться к ней, попытался разлучить с хозяином. А тут еще немцы заметили движение, повели прицельный огонь. Пришлось укрыться.

День погас. Началась вторая ночь.

Взлетали и медленно снижались осветительные ракеты, заливая местность неживым тревожащим светом. Земля затаилась, враждебная, израненная, полная смертельной опасности...

Скорбный, надрывный вой донесся вдруг до окопов. Верный пес прощался с хозяином, оплакивая свою горемычную судьбу. От этого вой мурашки ползли по

спине. Его слышали на той и другой стороне.

Затихла. Неужели все, конец? Нет, завыла опять...

Стужа под сорок градусов. Стелется морозный туман. А она вторую ночь на промерзшей земле. Без пищи. Одна.

Вторые сутки лежит собака. Неужели так и погибнет?

В окопах совещались. Надо спасать. Зачем пропадать зря! Каждого брала за сердце такая преданность, всем хотелось видеть ее живой. Верность на войне ценится особенно дорого.

А может, все-таки придет сама. Ведь голодная же. Захочет жить — придет. Природа, инстинкт возьмут свое.

Ждали.

Нет, такая преданность сильнее страха смерти, сильнее самой смерти. Ничто не сравняется с нею.

— Надо силком, — сказал кто-то.

— Факт — силком! — поддержал другой. — А что, так и станем глядеть, как погибает животное? Не евши-то, поди-ка, полежи! Веревку накинуть и утянуть...

Мертвеца припорошило снежком. Снег заполнил впадины-глазницы. Уже не разобрать ни черт лица, ни возраста. Лишь торчит беломраморный кончик заострившегося носа да выдались носки валенок. Вся заиндевела и собака. Издали оба — будто белый бугорок.

Собака продрогла до костей, ее была мелкая неудержимая дрожь. Под брюхом вытаяла ямка. На морде настыли комочки льда и снега. Будто поседела за эти двое суток...

И вдруг колыхнулась земля, осыпался иней с деревьев. Тяжкий грохот и гул прокатился над окрестностью... Собака

вскочила и залаяла, после снова легла. Артподготовка продолжалась. Теперь орудия били непрерывно, и отдельные залпы сливались в один мощный и грозный гул. Казалось, само небо исторгало этот звук, в котором потонули все другие звуки.

Собака лежала, чутко поводя ушами, и внезапно, будто ужаленная, обернулась.

— Дружба, Дружба! Ну... пошли! Да не упрямясь ты... Ну, что ты! Теперь уж не сможешь ничему...

Бойцы уже давно ждали этого часа. Артиллерия не даст гитлеровцам поднять головы, можно будет успеть и забрать убитого и заодно спасти собаку.

Она злобно ощерилась, когда ее попытались осторожно оторвать от недвижимого тела. И вправду, без веревки не совладать, того гляди, вцепится...

С трудом накинули на собаку веревку, затем поползли назад, к своим окопам. Собака упиралась, тащилась волоком на животе, поминутно оглядываясь и жалобно подскуливая.

За другую веревку тянули тело погибшего солдата. Оно было податливей, и как только оно оказалось впереди собаки, она сразу рванулась за ним, теперь уже без понуканий.

А пушки все продолжали реветь, будто салютуя погибшему.

Вот и окоп. Человека положили, собаку повели...

Лишь теперь, когда все было кончено, она враз обмякла, сделалась покорной и жалкой. Теперь она больше не сопротивлялась, подчинившись неизбежному, и следовала за новым вожатым, который отныне должен был распоряжаться ее судьбой.

Генри ЛОУСОН

«ЭТО МОЯ СОБАКА»

Ну надо же, чтобы с ним, Макарием, человеком, у которого сейчас ни куска хлеба, ни крыши над головой, произошла в пути неприятность! Он ехал в соседний штат,

надеясь найти там работу. И тут несчастный случай: железнодорожное полотно оказалось в неисправности, и поезд сошел с рельсов. Хорошо хоть не было человеческих жертв. Но у самого Мака-

рия оказались сломаны три ребра и рана на голове. А у его собаки Толли сломана лапа.

С мешком на плече Макарий прошагал вдоль полотна десять миль. В мешке было все его имущество, но и этот жалкий скарб показался ему сегодня тяжелым. Макарий торопился попасть в городскую больницу. Преодолевая сильную боль и разливавшуюся по телу усталость, он, наконец, добрался до города. За ним, хромя и повизгивая, бежала на трех ногах его собака.

Врачи удивились, осмотрев пациента. Как у него хватило сил и мужества дойти до больницы? Даже врачи иногда удивляются, хотя и не всегда показывают это, предпочитая большей частью оставаться невозмутимыми и непроницаемыми.

— Мы положим тебя в больницу, любезный, но ты должен прогнать свою собаку,— категорическим тоном сказал главный врач.— Разве ты не знаешь, что собак сюда не пускают?

— Тогда поместите ее во дворе,— попросил Макарий.

— Нет,— ответил врач.— Она должна убраться вон. Собаки не допускаются даже во двор.

Превозмогая боль, которая с той минуты, как он переступил порог приемного покоя, стала еще сильнее, Макарий медленно поднялся. К чему препираться? Врача не уговоришь.

Надев пальто, Макарий тяжелыми шагами направился к своему мешку, лежавшему в углу.

— Что ты собираешься делать?— спросил врач.

— Вы же не разрешили моей собаке остаться здесь?

— Нет, мы не можем.

Ну что ж, пусть будет так. Наклонившись, он поднял свой мешок. Но боль стала нестерпимой, он еле устоял.

— Ты с ума сошел! Разве ты не понимаешь, что ты слишком болен для того, чтобы идти на своих двоих? Дай сестре раздеть тебя,— сказал врач. Выражение лица его изменилось.

— Нет,— возразил Макарий.— Вы хотите взять меня в больницу, отказав в этом моей собаке. Ведь у нее сломана лапа, и она так же, как и я, а может быть и больше меня, нуждается в помощи. Если я стою того, чтобы вы приняли меня в больницу, то и она стоит того, а может быть и больше меня...

Он остановился, тяжело вздохнул и продолжал:

— Вот эта, эта собака безотказно и преданно следовала за мной в течение двенадцати голодных, тяжелых и долгих лет. Она — единственное существо, которому не было все равно, жив я или умер... Можете вы это понять?

Ему опять потребовалась передышка — говорить много он не привык.

— Эта собака родилась давным-давно. Я нес ее в моем мешке, когда она уставала. А старая собака, ее мать, так же следовала за мной много, много лет. Она ходила повсюду за мной, пока не ослепла и не могла уже больше ходить, и я вынужден был убить ее, так как не мог бросить ее живую...— Макарий замолчал и тяжело вздохнул.

После минутного отдыха он стал говорить дальше:

— И вот эта собака... уже тоже старая собака,— поправился он, дотронувшись пальцами до носа Толли, внимавшей словам хозяина,— эта собака следовала за мной и в хорошие времена, и в тяжелые... И чаще в тяжелые... Именно она не дала мне сойти с ума, когда я не имел ни друзей, ни денег. Она неделями сидела надо мной, когда я бывал болен; она не один раз спасала мне жизнь... и вместо благодарности она часто получала пинки и проклятья, и прощала мне все это, и боролась за меня.

Он стиснул зубы — от волнения или от боли, он и сам не знал,— поднял свой мешок, который показался ему еще тяжелее, чем час назад, и направился к двери, но затем обернулся опять. Толли, хромя, последовала за ним.

— Эта собака,— сказал Макарий, обратившись ко всем врачам и сестрам, столпившимся вокруг него,— лучше, чем я, чем вы все. Она была мне верным, честным и преданным другом, и я не могу выгнать ее пинком на улицу. Я...— Он застонал и чуть не упал, но его подхватили, сняли с него мешок и уложили на койку.

Когда, спустя полчаса, он пришел в себя, около него была лишь одна сестра. Он стал осматриваться и, припомнив все, поспешно спросил:

— Где моя собака?

— О, с собакой все в порядке,— весело ответила сестра.— Сейчас там, во дворе, ей оказывают медицинскую помощь...

КИНОЛОГИЯ И ГЕОЛОГИЯ

Кинология — слово греческое. Вернее, два слова, которые переводятся как наука о собаках.

— Тогда при чем тут геология? — спросите вы.

А вот при чем. Я расскажу о необычном соревновании, устроенном петрозаводскими геологами. Соревновались собака и младший геолог.

Условия соревнования были сложными. Надо было найти наибольшее количество валунов, содержащих медную руду. Для каждого из соревнующихся отвели одинаковую площадь в три квадратных километра.

И вот дан старт.

За три дня тысячу триста раз пролаяла собака. Ее находки были безупречны: в каждом из облаянных валунов содержалась медная руда.

Геолог работал менее успешно. Он «открыл» только двести семьдесят валунов. Да и то несколько раз ошибся.

Об этих соревнованиях рассказал нам — участникам всесоюзного семинара общества «Знание» — в феврале 1967 года кандидат геолого-минералогических наук из Петрозаводска В. Робонен. Он говорил, что собаки в геологической разведке были впервые применены финскими специалистами. Оказывается, многие руды издают свой собственный аромат. В старинных легендах упоминается, например, что золото иногда несет «печать дьявола». Оно пахнет чесноком. Этот запах ему придает минерал арсенопирит, действительно пахнущий чесноком.

Карельские валуны, содержащие медные руды, тоже обладают специфическим запахом.

А псу Мурату пришлось соревноваться с геофизиками. Различными методами (электрометрическим, магнитным и другими) геофизики выявили ряд аномалий. Они считали, что все аномальные зоны расположены над рудными телами, скрытыми под слоем наносов. Геологи должны были проверять правильность заключений геофизиков.

И вот тут-то отличился Мурат. Над некоторыми аномалиями он заливался лаем. Над другими молчал. Молчание означало: аномалии безрудны. Пес безошибочно определял рудные залежи, даже если они были под слоем торфа и болота.

Специально дрессированных собак геологи применяли зимой, при снежном покрове в сорок сантиметров!

Животные удивляют нас своими способностями ощущать запахи. Известно, что наибольшей чувствительностью обладает обычный речной угорь. Он регистрирует запах алкоголя при ничтожной концентрации: грамм спирта, разведенный в Ладожском озере!

Регистрируют запахи лошади, птицы. Даже петухи обладают такими способностями.

Рассказывают, что геологи США уже приступили к конструированию «электронной собаки», способной «учуять» различные руды. Конечно, такой прибор принесет немалую пользу.

А пока суд да дело, не проще ли натаскивать на поиски месторождений сородичей Мурата? И кто знает, какие еще возможности таит в себе кинология, какие сюрпризы преподнесут нам четвероногие наши друзья?

ПО ДОРОГАМ ИСТОРИИ

Вечно в поездках, в общении с людьми... Так повелось с первой книги Сергея Алексеева — сборника рассказов «Небывалое бывает». Тогда он объехал и Нарву, и Таллин, и Выборг, и, конечно, Ореховый остров, тот, что у истоков Невы, и по самой Неве проплыл, и по реке Нарове, исходит Иван-город, Псков, Новгород... Так было и с книгой «Птицаслава», написанию которой предшествовало длительное путешествие по местам боев 1812 года. Так же обстояло дело и при создании других книг.

Сергей Алексеев — автор исторических повестей и рассказов. И пристальное, истинно следопытское изучение жизни, углубленное знакомство с местностью, где должно развиваться действие очередной его книги, с тамошними обычаями и достопримечательностями, помогают писателю воссоздавать правдивый облик прошлого.

Возьмем первую его книгу. Всего лишь о четырех годах из длительного петровского периода повествует С. Алексеев в рассказах, составивших сборник «Небывалое бывает». Однако это именно те годы, когда создавалось и крепло государство Российское, когда закладывался крепчайший фундамент, на котором вскоре выросло величие новой России.

Уже в этой первой своей работе Сергей Алексеев проявил умение создавать ярко очерченные характеры. В рассказах действует множество самых разных людей — солдаты, крестьяне, строители Петербурга и первых русских заводов, сподвижники Петра по его боевой и государственной деятельности. Однако главная удача писателя — образ самого Петра. Он в книге дейст-

вительно «и академик, и герой, и мореплаватель, и плотник». Но к этой широко известной формуле автор добавляет, не скрывая от своих маленьких читателей и не затушевывая, другое — классовое осмысление личности Петра, говорит о нем как о царе дворянском, показывает деспотические формы его правления, наконец, не умалчивает и о личных тиранических чертах петровского характера.

Автор книги «Небывалое бывает» заговорил с юным читателем серьезным языком старшего товарища — друга, без всяких скидок на возраст. И дети оценили это...

Любимой повестью многих тысяч маленьких читателей стала и другая книга С. Алексеева — «История крепостного мальчика».

Герой повести от одного помещика попадает к другому. В одном случае его продают, в другом — выменивают, в третьем — проигрывают в карты... Писатель живо воспроизводит атмосферу той дикости, насилия и произвола, которые столь характерны для времен крепостного права. И так же, как в первой книге, автор идет при этом по пути самого широкого показа тогдашней действительности.

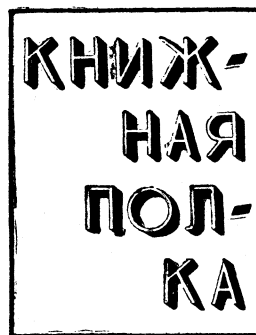
В 1959 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла еще одна повесть Сергея Алексеева — «Сын великана». Здесь автор от истории дальней переходит к истории ближайшей, к истории Октябрьской революции. Книга показывает период жизни нашего народа от февраля до октября, переносит нас в обстановку бурного 1917 года.

Подросток Леша Митин, главный герой повести, вначале не понимает, кто такие большевики, какие у них цели

и почему вдруг большевики за мир, когда нужно «спасать» Россию от врагов. Но постепенно сама жизнь, встречи с крестьянами, солдатами, рабочими приводят его к пониманию происходящих событий, и он принимает активное участие в этих событиях, с винтовкой в руках штурмует Зимний дворец. Теперь на вопрос: кем бы он хотел стать? — Леша, не задумываясь, отвечает: большевиком.

Почти одновременно с повестью «Сын великана» выходит другая книга писателя о 1917 году — повесть «Орелсело»¹. Рассказывается в ней о том, как крестьяне одного из русских сел уже с самой весны семнадцатого года повели непримиримую борьбу со своим барином — помещиком Волосатовым, как добились успехов в этой борьбе и с помощью солдат-большевиков, вернувшихся с фронта, установили у себя в селе, еще до свержения Временного правительства, Советскую власть.

¹ Главы из этой повести, под названием «Дед Вешкин», публиковались в нашем журнале. См. «Уральский следопыт» № 11 за 1959 год.

Писатель не идеализирует своих героев. Обитатели Орел-села еще многого не знают и не понимают в окружающем их сложном и противоречивом мире. По невежеству своему они, например, на выборах в Учредительное собрание голосуют против большевиков... хотя сами-то вполне уверены, что отдадут голоса именно за них.

Повесть завершается сценой, в которой наконец-то сбываются все давние мечты орловцев: происходит Великая Октябрьская революция, принят знаменитый Ленинский декрет о земле.

Созданием повести «Орел-село» завершается первый период в творческой биографии писателя. Это время как бы «пробования» сил. Автор словно сам ставит перед собой все новые и новые задачи.

Следующий период в творческом развитии писателя составили книги: «Рассказы о Суворове и русских солдатах», «Жизнь и смерть Гришатки Соколова», «Птица-слава».

Хотя в этих произведениях действуют и «цари», и «вожди», и «признанные авторитеты», все же главный герой этих книг — народ. Это целая галерея повстанцев 1773 года, среди которых и маленький Гришатка Соколов, отважно сражавшийся вместе со взрослыми и погибший за свободу. Это великие своим духом солдаты Суворова, это вечно живые герои 1812 года — от Кутузова до прославленной партизанки Василисы Кожинной и крестьянского вожака Ермолая Четвертакова...

Книги Алексева исторически познавательны. И в то же время мы постоянно чувствуем работу писателя по отбору самого существенного. Он скрупулезен и в отборе образительных средств. Вспомните, с каким отменным темпераментом, всего на двух страницах, писатель изобразил Машкаранный бой в книге «Небы-

валое бывает»! Надо суметь написать о Петре после Алексея Толстого или о Суворове и Пугачеве после огромного количества книг о них — и найти при этом свой язык, не уйти в сухой конкретизм, не забыть свой конкретный адрес: читатель-то маленький. И у С. Алексева есть эта золотая мера.

В последние годы С. Алексева все чаще и чаще обращается к историко-революционной теме.

В сборнике рассказов «Упрямая льдина» он повествует о революционной борьбе рабочих до Октябрьской революции. На конкретных фактах построены эти рассказы; они лаконичны, в основе каждого — драматический эпизод из жизни и борьбы русского пролетариата.

Герои книги «Гражданин Российской Республики» — сверстники наших младших школьников. По мере своих сил и возможностей они помогают отцам, старшим братьям и сестрам строить новую жизнь. Рассказы, вошедшие в этот сборник, верно передают атмосферу первого года становления Советской власти, большую историческую правду того времени.

В 1965 году в «Пионерской правде» была опубликована новая повесть Сергея Алексева «Братишка». Это повесть о героях гражданской войны, о смелых бойцах, защитивших молодую Советскую республику от банд Колчака, Юденича, Деникина, от английских и американских интервентов.

Здесь так же, как и в повести «Сын великана», автор передает происходящие события через восприятие маленького героя — девочки Нюты. Оставшись без родителей, она была подобрана балтийским матросом Василием Вировым и зачислена на корабль «Гавриил». Среди команды у нее появляется много друзей — и боцман Ванюта, и бывший матрос, а

теперь комиссар Николай Петрович Лепешкин, и комендоры Хохлов и Зига, и минер Иванов. Да разве можно перечислить всех друзей Нюты!

Много, очень много разных событий происходит в повести. Жизнь девочки на корабле, встреча с Владимиром Ильичом Лениным, приезд в деревню с поэтическим названием «Ромашки» к родителям Вирова, захват деревни войсками Юденича, казнь местных коммунаров, побег девочки из села, долгая, полная опасностей дорога в Петроград, участие в бою у селения Разбегай, снова корабль, выход в море, гибель эсминца от неприятельской мины, белогвардейский плен, расстрел моряков, спасение Нюты...

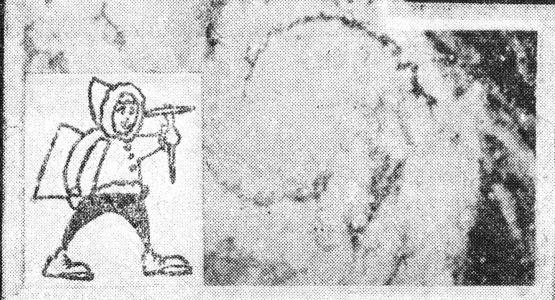
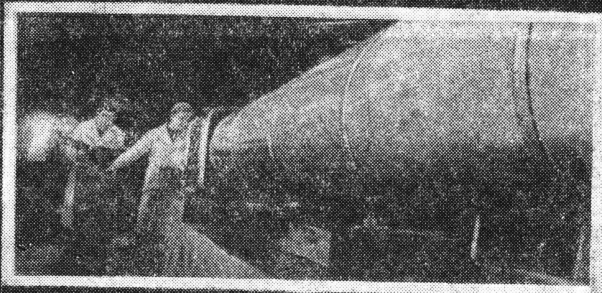
«Братишка» — это повесть о трудном, полном опасностей детстве, о романтических подвигах, о благородной человечности простых людей из народа, не давших затеряться и погибнуть маленькому человеку. В общении с Вировым, с балтийскими моряками, с сельскими коммунарами, с бойцами Красной Армии перед Нютой открылся большой мир революционной борьбы, и девочка со всем жаром своей детской души избирает путь непреклонного служения революции.

Повесть «Братишка», как и «Сын великана», привлекает читателя правдивостью сюжета, ясностью и поэтичностью повествования, жизненностью характеров героев. Я не случайно говорю здесь об этих двух повестях, хотя они и написаны в разное время. Мне представляется, что эти работы С. Алексева — лучшие, и лучшие не только потому, что в них рассказано о событиях Великого Октября. Они написаны на уровне большого мастерства, умным и очень требовательным к своей работе писателем.

Прочтите эти книги, если вы еще не знакомы с ними,

Теперь здесь целый городок «звездочетов».

...Как, например, возникают звезды? А «живут»? А «умирают»? Человек живет лет семьдесят, звезды — миллиарды...

...И в центре павильона — солнечный телескоп, один из крупнейших в Союзе.

...И мне удалось заглянуть в космос, как он выглядит?

ЛЮБИТЕЛЬ ПРИРОДЫ

Юмореска

Если бы меня спросили: что вы, товарищ Зайченко, больше всего на свете любите, я, не задумываясь, ответил бы: природу. Я всегда готов своим теплом согреть каждую пташку, каждого звереныша.

Нужны доказательства? Будьте ласковы!

Летят утки в теплые края. А ветер холодный, северный... Присели, горемычные, передохнуть на озере. Жалость меня взяла. До чего приятная птица! Посмотришь, бывало, летом, как иная мамаша над своим выводком хлопочет, душа умиляется! Ведь сама не съест, все птенцам норовит... Для пробы бахнул раз десять. Десять уток принес жене. А мог бы принести целую сотню, а то и всех... Пожалел, потому что очень люблю птицу.

Расскажу про другой случай. Иду как-то лесом. Вижу, дикая козочка стоит. Мордочка — поцеловать хочется. Засмотрелся я на нее и не почувял, как бахнул из обоих стволов. Упала бедная. А я стою — сам не свой. Слезы из глаз, как горох, покатались. Так, плача, и дотащил тушу до станции... Потом жена прелестнейшее, скажу вам, жаркое сварганила... Пальчики оближешь!

Щедрая природа одаривает нас и рыбой. Большой и маленькой. Но на нашу беду находятся несознательные элементы, которые прямо-таки издеваются над бедными рыбками. Заманивают их на удочку или блесну. Доверчивая рыбка глотает стальной крючок и в смертельных муках погибает. Это варварство, инквизиция!

Я не такой. У меня — сетка. Закину ее в воду, вытану килограмм сто и будь здоров! Быстрее бегу домой и опускаю рыбку в ванную, наполненную водой. Комфорт! Плавай на здоровье!

И вот за эту доброту приклеили мне в нашей районной газете ярлык: губитель природы. Слова-то какие! Категорически протестую! Люблю природу, как мать родную.

М. ЛАЗАРЕНКО, перевод с украинского
В. СМЕРНОВА.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова
Адрес редакции: Свердловск, ТСП-353, ул. Малышева, 36,
комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

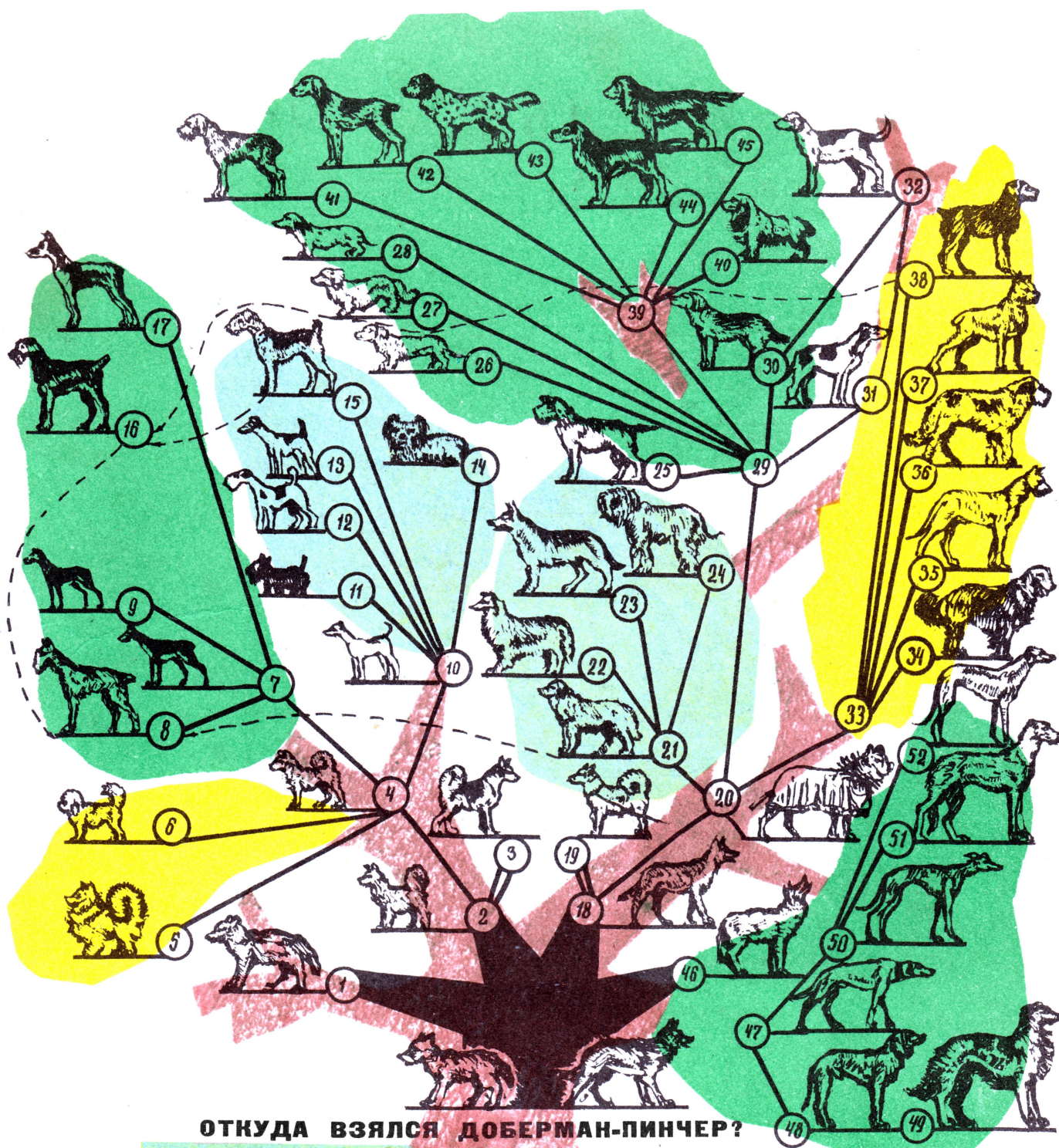
Подписано к печати 22/V 1967 г. Бумага 84×108¹/₁₆ =
=2,62 бум. л.—3,82 печ. л. Уч.-изд. л. 9.71. НС 18347.
Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ № 165.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской
фабрике офсетной печати.

В НОМЕРЕ

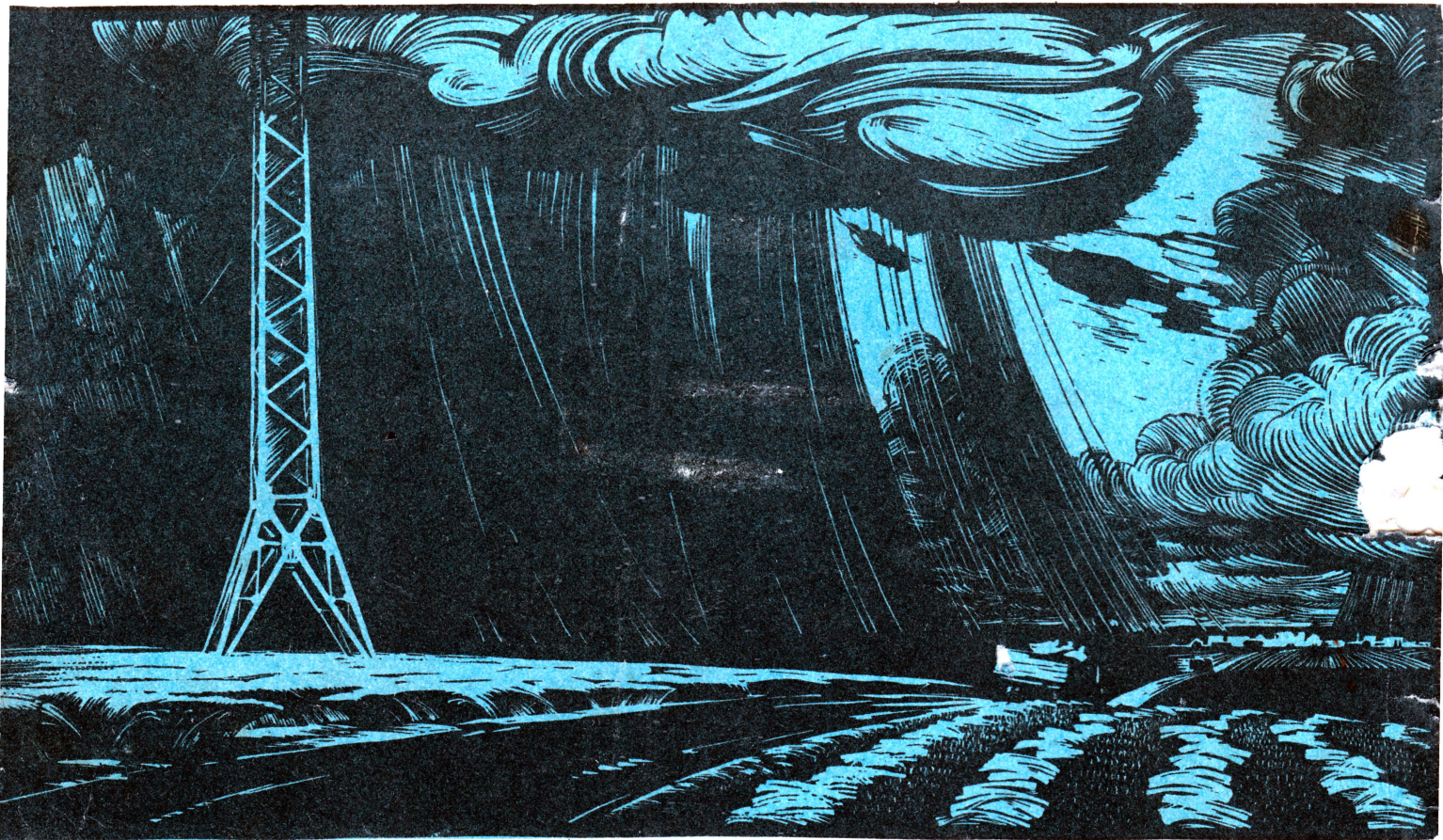
КРАСНЫЙ МЯЧ <i>Геннадий Сухорученко</i>	1
ПЕТР ЗАЛОМОВ В ПЕРМИ <i>А. Никитин</i>	2
РАБОЧАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ <i>Ю. Рябов</i>	6
ВОТ ЭТО ПУТЕШЕСТВЕННИК <i>В. Павликин</i>	9
95-И УПАЛ В ТАЙГУ <i>С. Выгон</i>	10
БУДЕМ ДОСТОЙНЫ СЛАВЫ ОТЦОВ <i>Красные следопыты Омска</i>	13
ОРКЕСТР ГАЛИ ГАЛИМОВОЙ <i>П. Коробицын</i>	17
РАДИСТ ОГНЕННОГО БОМБАРДИРОВЩИКА <i>С. Захаров</i>	20
ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ <i>В. Турунтаев</i>	25
ПЫЛАЮЩАЯ КАМА <i>А. Шварц</i>	30
ЗА НЕДРА! <i>Академик А. Е. Ферсман</i>	31
«НА УФУ ВЕДЕТ ЧАПАЕВ КРАСНЫЕ ПОЛКИ...»	33
СКАЗАНИЕ О ГРАДЕ НОВО-КИТЕЖЕ <i>Мих. Зуев-Ордынец</i>	35
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	53
НЕЗЕВАЯ И ПРОЧИЕ <i>Ю. Яровой</i>	54
ПАМЯТЬ <i>Иван Федоров</i>	55
ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ <i>Д. Клещев</i>	56
ПОЧТИ ФАНТАСТИКА	58
ТАСЛИ КУМИ <i>Александр Ломж</i>	59
СЛАВНЫЙ НАРОД — СОБАКИ	65
ПО ДОРОГАМ ИСТОРИИ <i>В. Шишов</i>	76
ЗВЕЗДОЧЕТЫ <i>Е. Бирюков</i>	78
ЛЮБИТЕЛЬ ПРИРОДЫ <i>М. Лазаренко</i>	80

ОБЛОЖКА В. ВОЛОВИЧА И С. НИПРИНА.

1. Современный шакал. 2. Ископаемые шпцеобразные собаки. 3. Охотничьи лайки. 4. Декоративные шпицы древних греков. 5. Шпиц. 6. Болонка. 7. Немецкие пинчеры. 8. Ризеншнауцер. 9. Карликовый пинчер. 10. Английские терьеры. 11. Скоттерьер (шотл.). 12. Жесткошерстный фокстерьер. 13. Гладкошерстный фокстерьер. 14. Скайтерьер. 15. Эрдельтерьер. 16. Черный терьер (выведен в СССР путем скрещивания эрдельтерьера, ризеншнауцера и ротвейлера). 17. Доберман-пинчер. 18. Ископаемые волкообразные. 19. Северные ездовые собаки. 20. Боевые и травильные псы древних народов. 21. Примитивные пастушьи собаки. 22. Шотландская овчарка — колли. 23. Восточно-европейская овчарка. 24. Юж-

норусская овчарка. 25. Выдровая собака. 26. Такса жесткошерстная. 27. Такса длинношерстная. 28. Такса короткошерстная. 29. Старинные гончие собаки. 30. Русская гончая. 31. Английская гончая (фоксгаунд). 32. Русская пегая гончая. 33. Современные догообразные собаки. 34. Ньюфаундленд. 35. Дог. 36. Сенбернар. 37. Боксер. 38. Ротвейлер. 39. Испанские птичьих собаки. 40. Спаниель. 41. Немецкая жесткошерстная легавая. 42. Немецкая гладкошерстная легавая. 43. Английский сеттер. 44. Шотландский сеттер. 45. Ирландский сеттер. 46. Современный волк. 47. Собаки древних египтян. 48. Старинные борзые народов, населявших территорию СССР. 49. Русская борзая. 50. Слюгги (арабск.). 51. Шотландская борзая. 52. Английская борзая.

Б. НИКОЛАЕВ. *Линногравюра.*

30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ.

**Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН,
МУСА ГАЛИ, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН,
А. МАЛАХОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответствен-
ный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ**